

Юрий

Полдаксов

*«Куда влечет нас
рок событий?..»*

Государственная
недостаточность

Юрий Поляков

**Государственная недостаточность.
Сборник интервью**

«АСТ»

2014

Поляков Ю. М.

Государственная недостаточность. Сборник интервью /
Ю. М. Поляков — «АСТ», 2014

Юрий Поляков не боится предстать перед читателем в развитии. Его ошибки, заблуждения, метания, обольщения, разочарования происходят не от желания приспособиться, прильнуть, «встроиться», а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?». В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились. В настоящий том вошли интервью с 1986 по 2005 г.

Содержание

Как я был информационным поводом	6
Интервью 1986-1991	9
Портфеленосцы комсомолу не нужны	9
Командировок в чужие судьбы не бывает	13
Что мы увидим из президиума	16
Здравый смысл	20
Работа над ошибками	28
Возможно, я ошибаюсь	32
Апофегей союзного масштаба	39
Интервью 1992-1994	43
Даже раб, прошедший молодость на галере, вспоминает не только плети и цепи, но и красоту моря, и соленый ветер в лицо	43
Полный апофегей!	47
Прийти в себя	52
«Демгородок»	52
Кто-кто в «Демгородке» живет?	56
ЧП мирового масштаба	59
Битва за гаечный ключ	64
Писательская чернильница еще чего-то сто́ит	68
Никогда не разделял пафоса антиармейщины	71
Ностальгия по разбитым очкам	74
Интервью 1995-1997	77
Комедия масок в Кремле – трагедия России	77
В продаже меня нет. И жен я на переправе не менял	80
Каждый должен пить свою «Амораловку»	84
«Думать – мое ремесло»	86
Другой Поляков	90
«Литература мне не интересна, если героев я не воспринимаю как живых людей»	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Юрий Поляков

Государственная недостаточность

© Поляков Ю.М., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Как я был информационным поводом

В моем архиве хранятся газеты и журналы с сотнями интервью, которые я давал разным изданиям в течение без малого тридцати лет. Журналисты взялись за меня, едва я дал им веский информационный повод, опубликовав в журнале «Юность» повести «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа», прежде запрещенные цензурой. С тех пор люди с диктофонами навещают меня чаще, нежели друзья с бутылками хорошего вина или лучшей водки. В интервью и беседах речь идет о моих писательских, театральных, киношных, семейно-бытовых делах, но неизбежно разговор ширится, касаясь состояния отечественной культуры, бед нашего общества и даже поведения властей предержащих. Писатель в России традиционно вовлечен в политику, и если заявляет, будто она его не интересует, это примерно то же, как если бы он признался, что его не волнует половая жизнь человечества. Ну и что хорошего? Лично я книги такого писателя читать не стану. Политика – это зримые нам, пигмеям, трепеты и колебания Левиафана Истории. Как можно этим не интересоваться?

В начале 2004 года, готовясь к 50-летию, я собрал в книгу несколько десятков интервью, показавшихся мне наиболее внятными, острыми и концептуальными, а также минимально дублирующими друг друга. Впрочем, повторы в интервью неизбежны и порой весьма содержательны. Во-первых, новая мысль появляется в твоей голове, конечно, чаще, чем новая женщина в твоей жизни, но не настолько регулярно, чтобы насытить каждое интервью россыпью оригинальных идей. Во-вторых, если читать внимательно, можно заметить, как то или иное утверждение, повторяясь, меняется, обретает иные оттенки, смыслы, а потом вдруг вообще может превратиться в свою противоположность. Особенно опасно, по моим наблюдениям, постоянно возвращаться к вымышленным эпизодам своей творческой биографии (литераторы любят пофантазировать!). На втором-третьем повторе читатель уже догадывается: а писатель-то соврамши! Нехорошо...

Когда я выстроил интервью в хронологическом порядке, то понял: получился своего рода невольный дневник, искренний, местами изощренно откровенный, местами простодушно лукавый, наполненный множеством подробностей и деталей, через которые и можно понять Промысл, а также внутреннюю эволюцию автора, которая выражается не только в словах, но и в том, какие издания публиковали твои рассуждения. А поскольку два идейных стана российской журналистики относятся друг к другу со свирепостью разведенных супругов, обреченных жить в кошмаре коммунального соседства, можно сделать очень любопытные и далеко идущие выводы об извивах писательской судьбы!

Книга под названием «Апофегей российского масштаба. Интервью 1986–2004 гг.» была опубликована летом 2004 года, мгновенно разошлась и стала с тех пор библиографической редкостью. На встречах читатели нередко спрашивали: «Когда выйдет сборник новых интервью? Да и прежний переиздать не мешало бы...» Я, конечно, обещал, но, когда пишешь роман в полторы тысячи страниц, переключиться на составление какого-то компендиума былых дум то же самое, как оторваться от созидания новой космогонии для прибивания к стене семейно необходимой полочки. Но вот «Гипсовый трубач», к удивлению читателей, закончен, не за горами мое 60-летие, которое надвигается с той веселой неизбежностью, с которой когда-то приближались летние каникулы. И я решил выполнить давнее обещание – подготовить к печати мои интервью за минувшие десять лет, учтя при этом ошибки предыдущего издания.

Интервью, как я уже дал понять, – коварный жанр. Даже самый осторожный и уклончивый говорун в беседе с умным журналистом невольно пробалтывается и выдает то, что старательно прячет в своем творчестве или публичной деятельности. Иллюзия сиюминутности и необязательности заставляет человека в интервью быть гораздо искреннее, нежели он обычно себе позволяет. Кстати, именно поэтому редкий политик или труженик культуры отва-

живается, собрав свои газетно-журнальные откровения в книжку, выставить их на суд современников. Для иных общественных деятелей, особенно либерального клана, это равносильно политическому самоубийству, ибо гибкость, доведенная до беспозвоночности, мало у кого вызывает уважение. Да и мастерам искусств, припадавшим на протяжении жизни к грудям совершенно разных идейно-эстетических кормилиц, это опасно. Подобный невольный дневник может повредить репутации, лелеемой нынешними литераторами не хуже кредитной истории.

Но я не боюсь предстать перед читателем в развитии. Мои ошибки, заблуждения, метания, оболыщения, разочарования (а их в собранных интервью достаточно) происходят не от желания приспособиться, прильнуть, встроиться, а от стремления разобраться в том, «куда влечет нас рок событий?». В сущности, тот путь, который за минувшие тридцать лет проделал молодой «прогрессивный» прозаик, пытавшийся лечить советскую власть с помощью агрессивной правды, прошла и вся думающая часть нашего общества. Мы поняли: если на наручниках выгравировано слово «свобода», они от этого не перестают быть наружниками. Мы все изменились. Правда, одни это сделали, ища истину, другие, выискивая выгоду. С годами у меня, кстати, сложилось мнение, что иногда заблуждения самый короткий путь к истине.

Готовя интервью к печати, я позволил себе лишь исправить ошибки и опечатки, сократить явные повторы, а также отредактировать очевидное мое косноязычие. Как писал В. Ходасевич: «Бог знает, что еще бормочешь, ища очки или часы...» К сожалению, должен отметить: материалы последних лет потребовали большей редакции, нежели те, что вошли в «Апофегей российского масштаба». Увы, новое поколение журналистов считает, что интервью – это всего лишь расшифрованная, снятая с магнитофона речь – не более. Неверно! Устная речь, если только человек не говорит заготовками и трюизмами, а мыслит вслух, – всегда рыхлая, путаная, синтаксически неряшливая – и тащить всю эту вербальную нескладуху в печатный орган недопустимо. Но тащат! Современный молодой журналист – эпикуреец, он лучше сбегает на лишний пресс-коктейль, нежели посидит, упорядочивая и оттачивая записанный разговор. Впрочем, иногда журналист не виноват. Сам, будучи главным редактором, знаю, как начальство умеет гаркнуть: «В номер! И никаких «но»!»

Тут не могу не вспомнить одну историю, приключившуюся со мной в 70-е годы, когда я работал корреспондентом писательской многотиражки «Московский литератор». Мне поручили взять интервью у тогдашнего председателя столичного объединения поэтов Владимира Цыбина – человека могучего и сурового, перед которым наш главный редактор лебезил, как проштрафившийся автолюбитель перед гаишником. Мы побеседовали, а когда я вернулся домой и включил диктофон, выяснилось, что механизм «зажевал» ленту и от всего двухчасового интервью остались слова: «Современная поэзия это...» Ледяная молния ужаса перед неотвратимостью наказания пронзила мой организм. Оставался единственный выход – вспомнить все, что Цыбин говорил мне под запись. Память моя, тогда еще свежая, как простыня в хорошем отеле, не подвела. Я восстановил нашу беседу и, трепеща сердцем, понес на визу. Он, хмурясь, долго читал, несколько раз доставал авторучку, чтобы поправить текст, но, поколебавшись, снова убирал в боковой карман. Закончив и расписавшись на страничках, Владимир Дмитриевич внимательно посмотрел на меня и спросил: «Где вы так хорошо научились брать интервью? Обычно все тонет в ненужных мелочах и оговорках, одна путаница выходит, а вы взяли только самое главное! Молодец!» Я не стал объяснять, что, как говорится, не было бы счастья – несчастье помогло. Просто ненужное, мелкое, неяркое я забыл, а главное запомнил...

В идеале интервью должно быть именно таким. И мое редакторское вмешательство при подготовке этой книги как раз и свелось к ликвидации моей же словесной невнятицы, механически перенесенной журналистами на газетную полосу. Обычно я это делаю перед тем, как завизировать текст, но многие интервью у меня брали в командировках на бегу, даже на лету – и они выходили в свет без моего пригляда. Пришлось поменять, сознаюсь, иные названия,

ведь когда в пятый раз натыкаешься на заголовок типа «Как слово наше отзовется...», рука невольно тянется туда, где военным положено носить табельное оружие. Остальное: противоречивые оценки, менявшиеся симпатии, политические обольщения, неудачные прогнозы, грандиозные творческие замыслы, оказавшиеся пшиком, – все это сохранено в неприкосновенности. Кроме того, после колебаний я решил включить в книгу небольшой раздел «Кое-что о непорядочной журналистике». Увы, бывает и такая, если корреспондент идет к тебе не только с диктофоном, но и с глумливым предубеждением. На этот счет у меня имеется печальный опыт, и я решил им поделиться. Уверен, выпускники журфаков, получая диплом, обязаны давать клятву «Не искази!». Впрочем, врачи дают клятву Гиппократу. И что?

И последнее. Всякая беседа – плод совместного творчества интервьюируемого и корреспондента. Вместе со мной в создании этой книги принимали участие десятки столичных и губернских журналистов, знаменитых и не очень, здравствующих и, к сожалению, уже покойных, к тому же работавших в разных редакциях. Одни издания продолжают выходить в свет, а другие давно закрылись, не выдержав рыночной изнанки свободы слова. Учитывая все эти организационно-правовые сложности, будет, наверное, правильно и справедливо, если весь наш общий гонорар за сборник поступит в Фонд помощи семьям погибших журналистов.

Юрий Поляков

Переделкино, июль 2014 г.

Интервью 1986-1991

Портфеленосцы комсомолу не нужны

– Тема нашей беседы подсказана вашей повестью. Читательские конференции, полемика в печати, острые письма – пишут «все возрасты» – все это говорит об одном: вам удалось нащупать болевые точки в жизни комсомола. Многих повесть задела за живое – и руководящих работников, и рядовых комсомольцев. Сразу условимся: не станем затрагивать саму повесть, поговорим о проблемах, обозначенных в «ЧП». Но прежде всего вопрос: откуда у вас знание специфики комсомольской работы?

– Как у тысяч ребят, моя юность, молодость и мой сегодняшний день связаны с комсомолом. Был секретарем комсомольской организации в школе, членом комитета – в институте, работал инструктором одного из столичных райкомов комсомола, шесть лет подряд меня избирали секретарем комсомольской организации Московского отделения Союза писателей. Пять лет входил в состав бюро райкома. Видно, тяга к общественной работе – от семьи: мать многие годы была секретарем небольшой заводской парторганизации, отец – коммунист со стажем. Отсюда, наверное, и знание.

– И заостренность, полемичность ваших суждений вполне понятна, Юрий. Ведь это разговор о личном, пережитом, наболевшем.

– Как это ни вызывающе звучит в тридцать лет, но ведь полжизни отдано комсомолу, комсомольской работе, а с годами видишь: что-то из комсомола ушло или уходит. Не говорю об экономике: заслуги многомиллионного комсомола здесь велики, очевидны, общепризнанны. Средний возраст городов, где создаются гиганты современной индустрии, – комсомольский. Сейчас – о другом. О стиле, формах работы.

– Но может быть, речь идет в вашей повести о «плохом», нетипичном райкоме?

– Пригласили меня недавно выступить на семинаре секретарей райкомов и горкомов – около трехсот человек собралось. Сажу и ловлю на себе осуждающие взгляды. И выступают некоторые довольно агрессивно: мол, сгустил краски, не все так плохо... Приводят примеры «хороших» райкомов, «хороших» секретарей, заворгов, инструкторов. Да кто спорить станет? Есть у нас настоящие комсомольские лидеры, прекрасные комсомольские работники – их немало... Но вот начинают говорить те же ребята о своих бедах, и получается, что как будто об одном райкоме идет речь – «плохом». Беды-то общие.

Сидишь на комсомольском собрании и слышишь: «Мы должны изучать интересы молодежи». От кого слышишь? От своих же райкомовцев. Взобравшись на трибуну, звонкими, хорошо поставленными голосами они «призывают», «мобилизуют», «активизируют». Но, спрашивается, сами-то кто они?! Не молодежь разве?! Уж эти собрания!

Будто заасфальтированное поле – ни одного живого росточка. Выступления заранее обговорены, согласованы, отрепетированы. Восторженные рапорты, парадные слеты, бесчисленные постановления, пышные резолюции. Работа?! Подчас имитация таковой. Райкомовцы из простых хороших парней превратились в меру расторопных, в меру невозмутимых и осторожных чиновников. Я побывал на десятках читательских встреч, меня приглашали в самые разные молодежные аудитории, начиная с моего «родного» дэза и кончая редакцией газеты «Правда». И всюду, как я понял, в каждой комсомольской организации, велика она или мала, есть «хронически улыбающаяся секретарша», от которой никогда ничего толком не добьешься. Процветает своя Шнуркова – есть у меня такая «обреченная на формализм» героиня неопределенно-комсомольского возраста. Не придуман, не сочинен заворг Чесноков – работающий, энергичный, напористый парень, немного – для равновесия – изображающий из себя разгильдяя. Да, он

справится, не подведет, не сорвет работу, ему дорого дело. Но не потому, что это дело, которому он служит, а потому, что это дело, которое служит ему. Такой Чесноков был в нашем райкоме. Удобно, судя по всему, чувствует он себя во многих комсомольских организациях.

– С момента публикации «ЧП» прошло почти два года. За это время было принято Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Состоялся XXVII съезд партии – его идеи, дух больших перемен проникли в массы молодежи. Не «устарели» ли на этом фоне проблемы, поднятые в повести?

– Безусловно, что-то начинает меняться. Постепенно складывается качественно новая обстановка в молодежной среде. Но сила инерции – увы! – велика. Никак не можем отказаться от надежды изобрести некую универсальную форму работы «посовременнее», позаковыристее. Захожу на днях в один райком и слышу, как третий секретарь спрашивает на ходу руководителя комсомольской организации НИИ: «Ты план мероприятий по перестройке составил? Другие уже подали!»

А вы говорите – устарело «ЧП районного масштаба»!

– Парадокс, в общем-то. В чем упрекают обычно молодых? В излишней самостоятельности суждений, независимости поведения, максимализме... И вдруг – бумажная суэта, бумаготворчество.

– Об этом, собственно, моя повесть. Ведь что такое райком? Как бы застава между «первичками» и горкомом. Но непосредственно граничит застава с «первичками», а это – заводской комсомол, вузы, школы, ПТУ, их дела, учеба, работа, отдых, их проблемы, трудности. В общем, вся жизнь. Но только застава «наоборот», призванная не разделять, но сплачивать, связывать. И кто чем живет, кто чем дышит – райкомовцы должны знать. А они, райкомовцы, культивируют этакую респектабельность, не оправданную вовсе ни молодежным своим статусом, ни личной значимостью, – райком, где я работал, был в этом смысле, можно сказать, «образцовым». И вот уже инструктор – не молодежный вожак, а представитель. Вышестоящей организации представитель. Он рекомендует, координирует, согласовывает, «прорабатывает» вопрос. Его порой не оторвешь от телефонной трубки, а в заводском комитете комсомола, в рабочем или студенческом общежитии «вожака» не видят от мероприятия до мероприятия... И секретарь райкома, надежно отгороженный от рядовых комсомольцев полированной дверью рабочего кабинета, трибуной, стеклами персональной машины. Все работают, все кружатся в вихре неотложных дел. Самого дела нет. И уже не понимаешь: кто для кого существует – райком для молодежи или молодежь для райкома?

– Застава, если воспользоваться вашим сравнением, что-то вроде бюрократического заслона.

– По стилю, методам иной райком уже не райком, а, по крайней мере, ведомство. А слова-то какие появились в комсомольском лексиконе: «аппарат», «аппаратчик». И это не просто слова – по аппаратным качествам оценивают полезность, ценность комсомольского работника. Конечно, аппарат и должен работать как хорошо отлаженный механизм. Но не сам по себе. Кажется порой, отключи райком от «первичек», он будет так же функционировать: докладывать, рапортовать, получать грамоты, вымпелы, получать поощрения и взыскания.

– А каким работником были вы сами, если откровенно?

– Когда работал в райкоме? Типичным аппаратчиком! Не лучше и не хуже других. Тот же двухтумбовый письменный стол, те же бумаги, та же телефонная трубочка, прижатая плечом к уху. Текучка, заседательская суэта, улыбочивый оптимизм и сдержанная торопливость. И, не вытравленная временем, стоит перед глазами картина: входит в кабинет четырнадцатилетний мальчишка – аккуратненький, наглаженный, – его сегодня должны в комсомол принимать. В комсомол! Всю жизнь должен он вспоминать этот день. А ты ему обкатанные, затертые слова говоришь. Одному, другому, третьему. И вопросы задаешь похожие. А они ведь все разные,

эти мальчишки и девчонки, и почувствовать это ты должен. Но куда там при наших темпах: ведь цифра приема в комсомол – лицо любого райкома. Должен многих комсомольцев знать в лицо. А они – меня. Но если и прихожу в организацию – как «ревизор». Зарываюсь в протоколы, будто только в них ответ, как организация работает.

– *«Люди, завернутые в резолюции, как в пухлые одеяла, мирно, спокойно почивают и думают, что они руководят организацией...»* Согласитесь, будто сегодня сказаны эти слова Александром Косаревым. А ведь не сегодня – перед войной, когда генерального секретаря ЦК ВЛКСМ командировали в комсомольскую организацию «Трехгорки» для оживления работы.

– Да, пресловутая «аппаратная активность» – болезнь застарелая. Но лечиться от нее можно и нужно. Лечиться – делом! Пусть оно будет совсем небольшое. Как то, что из моей райкомовской практики. Отвоевали мы под крышей Центрального Дома учителя комнатушку. Стали собираться: молодые учителя, поэты, музыканты, художники, рабочие. Слушали музыку, читали стихи, разговаривали об искусстве. Люди стали друг другу необходимы, интересны, что-то зажглось внутри нас самих. Как знать, может быть, такой вот неформальный и вовсе «немасштабный» клуб способен оставить в душе больший след, чем претендующие на «всеохватность» акции, походы, смотры?

– *В наших же силах, в конце концов, выбраться из-под «пухлого одеяла».*

– Так-то оно так. Но вот приходит к тебе секретарь школьной «первички»: хотели на заработанные деньги купить палатки, спортивную форму, рюкзаки – не смогли, просят помочь. А как помочь ребятам, если, согласно новой инструкции о привлеченных средствах, сплошные «нельзя», «не разрешается», «запрещается». Вот залежалые на торговых базах мячи, застоявшиеся спортивные «козлы», какой-нибудь кубок с изображением аквалангиста – можно, берите. Через неделю-другую позвони тому же секретарю: давай, мол, готовь рапорт о спортивных достижениях. Знаете, что можно услышать? И про себя лично, и про весь райком комсомола...

– *Если бы сейчас снова – в райком... С чего бы вы, Юра, начали?*

– Не с чего – с кого, точнее сказать. С себя! Я не правомочен, да и не смог бы, дать далеко идущие рецепты и рекомендации, реально сознавая скромное место личного опыта в монолите опыта коллективного, но порассуждать можно.

Все силы приложил бы, чтобы бумаги, вернее, бумаг меньше было – на столах, в ящиках, в самом стиле работы, в душе, наконец. Бумаг уже стало заметно меньше. А вот работать с ними стал бы иначе. Не все направлял бы на места, не все ставил на контроль, часть официальных бумаг использовал бы в порядке информации. Попробовал бы выступать без «бумажки», глядя людям прямо в глаза. А то, если все время заглядывать в шпаргалку, да еще не всегда самым написанную, вовсе разучишься мыслить, рассказывать, разговаривать, уж не говорю – спорить. Поменьше бы сидел за «многоуважаемым» столом. Больше с людьми, не с телефонной трубкой дело имел. Какой у нас сейчас основной элемент комсомольского мероприятия? Доклад, содоклад, выступление. На собрании комсомолец – слушатель, на лекции – слушатель, и так все время: слушатель, слушатель. Когда же мы его, рядового комсомольца, слушать будем? В некоторых городах работают вечерние райкомы комсомола – почаще бы там бывал, чтоб услышать тех, кто годами только нам внимает. Организовывал бы время от времени часы, дни открытого письма. Короче, устроил бы в райкоме хороший «сквозняк», чтобы канцелярский дух выветрился из всех кабинетов. Каждому мальчишке, каждой девчонке постарался бы сказать какие-то особенные слова, когда стал бы вручать им комсомольские билеты. Может быть, даже одеваться стал по-другому – почему непременно строгий костюм, галстук, тоже строгий? Не посольство все-таки, где обстановка требует протокольной сдержанности.

И если бы вы меня сейчас спросили, в чем лично я вижу для себя суть перестройки, повторил бы, наверное, сказанное и добавил: почаще представлять себя рядовым комсомольцем.

*Беседовала Инна ДУЧИЦКАЯ
«Собеседник», декабрь 1986 г.*

Командировок в чужие судьбы не бывает

– Юрий Михайлович, ваша повесть «Сто дней до приказа» вызвала противоречивые мнения. Вы, конечно, знакомы с ними. Ваше отношение к этим суждениям? Какие выводы для себя, для своего творчества вы сделали из них?

– Прошло более полугода со времени публикации повести на страницах журнала «Юность», с которым меня связывает давнее и плодотворное сотрудничество. Но я бы не сказал, что страсти вокруг повести улеглись. Идут письма, в различных изданиях появляются статьи и дискуссионные материалы. Приведу лишь несколько названий, которые говорят о широком диапазоне мнений и оценок: «Лишь полуправда», «С правдой не в ладах», «Повесть учит правде», «О наболевшем», «Через замочную скважину?» и так далее.

Прослеживается такая закономерность: «гражданские» издания, как правило, поддерживают повесть, военные издания, скажем мягко, относятся к ней сложно. То же самое с письмами. Почта «Юности» говорит о том, что большинство читателей разделяют позицию автора и журнала – отрицательных писем буквально единицы. А вот если судить по письмам, опубликованным на страницах военных изданий, то можно прийти к выводу, что читатели этих изданий моей повестью резко недовольны.

В чем тут дело? Я много размышлял об этом, тем более что подобное случается со мной не в первый раз. Нечто похожее происходило в 1985 году вокруг моей повести «ЧП районного масштаба», посвященной тому «аппаратному недугу», которым болен наш комсомол. Тогда на меня обрушились комсомольские издания, и прежде всего «Комсомольская правда». Такая интересная деталь: даже сейчас, когда на «Ленфильме» экранизируется «ЧП районного масштаба», комсомольские функционеры города на Неве мешают этому делу. Они защищают честь мундира. Думаю, в известной степени позиция военных изданий по отношению к моей повести обусловлена теми же причинами.

– Хотелось бы узнать, не остыла ли ваша привязанность к военной теме? Чем она вас привлекает? Какие из новых ваших произведений читатель сможет увидеть в ближайшее время и в отдаленной перспективе?

– В своей литературной работе я часто обращался к военно-патриотической теме. В 1980 году за цикл стихотворений «Непережитое» я получил премию имени Маяковского. Это были стихи о Великой Отечественной войне, точнее, не о войне, а о том, как мое поколение, рожденное в 50-х годах, воспринимает эту войну. Циклы стихов об армейской службе вошли во все мои четыре поэтических сборника. В 1983 году была издана моя книжка «Между двумя морями» – о жизни и творчестве поэта-фронтовика Георгия Суворова, погибшего в 1944 году. Прежде чем написать ее, поездил по местам, связанным с жизнью поэта, встречался с его однополчанами, рылся в архивах. В результате обнаружил немало произведений Суворова, неизвестных или забытых. Раскопал даже полный текст его знаменитого стихотворения, которое заканчивается общеизвестными строчками: «Свой добрый век мы прожили как люди – и для людей».

Но при этом я никогда не считал себя литератором, пишущим только на военно-патриотическую тему. Вообще, на мой взгляд, в стремлении выделить для себя какую-то узкую тему есть известный журнализм в подходе к жизненным явлениям. Если автор пишет исключительно об армии, это свидетельствует, по-моему, не только о его преданности одной теме, но и об известной однобокости. А как говорил Козьма Прутков, «односторонний человек подобен флюсу. Полнота и того и другого односторонняя». Скажу больше: человек, всю жизнь пишущий об одном и том же (не обязательно про армию), рискует оказаться в плену собственных же идейно-художественных трафаретов. А читатель этого не прощает. Думаю, здесь кроется одна из причин, почему сегодняшние воины мало читают армейскую литературу.

Мои «Сто дней до приказа», наверное, потому и вызвали интерес, что написаны не по законам «воениздатовской» литературы. На армию, как на всякое социальное явление, можно взглянуть с разных точек зрения. И ничего тут плохого нет, ибо ничто так не вредит духовной культуре нации, как насаждаемое единодушие. Моя точка зрения – одна из многих. Возможны и другие, как, к примеру, в книгах С. Рядченко, Н. Черкашина, Б. Шереметьева.

В ближайшее время армейской темой заниматься не буду. Дело не в том, что убоюсь критиков и недоброжелателей. Повесть «Сто дней до приказа» отразила мое знание армии на уровне небольшого личного опыта. Для маленького публицистически заостренного произведения этого, пожалуй, хватит. Но для широкого художественного исследования современной армейской жизни этого недостаточно. Я, между прочим, никогда и не претендовал на создание какого-то фундаментального, всеохватывающего произведения об армии.

Считаю, что каждый писатель по-настоящему пишет только о судьбе своего поколения, остальное – более или менее удачные модели. Моим ровесникам сейчас по 30–35. Армия для них важная, но в основном минувшая часть жизни. Мои же сверстники, пошедшие по военной стезе, сейчас уже майоры, а то и подполковники. Но их профессиональной жизни я не знаю, не знаю изнутри, а командировок в чужие судьбы не бывает. Писатель изучает жизнь, только пропуская ее через себя.

– *В марте этого года в телепрограмме «Взгляд» вы говорили об Афганистане как «пронзительной теме нашей литературы начала 90-х годов». Что вы хотели этим сказать? Каков, на ваш взгляд – взгляд секретаря правления Союза писателей РСФСР, качественный уровень нынешней литературы о наших воинах, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, в целом произведений на современную армейскую тему?*

– Я не только говорил, но и писал о том, что одной из самых пронзительных тем советской литературы ближайших годов будет афганская тема. Причем подлинные произведения напишут непосредственные участники событий: рядовые и командиры. Уверен – среди них есть люди с литературным талантом. Они станут писателями, и тогда мы узнаем художественную правду о той войне.

Я предвижу серьезные трудности, которые выпадут на долю этих авторов. И не потому, что кто-то специально будет стараться «прикрыть» их правду (хотя будут и такие), а потому, что художественно одаренный человек видит и выражает мир острее. А эта обостренность представляется кое-кому преувеличением, искажением и даже прямой клеветой на действительность. Ведь подчас именно такой была первая реакция на многие произведения о Великой Отечественной войне, которые ныне стали нашей классикой.

– *Как известно, у художественной литературы много самых различных функций. Что бы вы могли сказать о роли и месте литературы в военно-патриотическом воспитании советской молодежи? Хотелось бы также услышать ваше мнение вообще о проблемах военно-патриотического воспитания.*

– О том, что литература обладает огромным воспитательным воздействием, – спорить не приходится. Естественно, велик ее потенциал и в военно-патриотическом воспитании. Но, на мой взгляд, есть тут одна заковыка. У нынешнего воина представления о мире, в котором мы живем, о нашем обществе, о «заграничных» обществах гораздо сложнее и неоднозначнее, нежели, скажем, у его ровесника два-три десятилетия назад. Только белой и черной краской нынешний мир не изобразишь. А военно-художественная литература по старинке продолжает часто пользоваться этими двумя красками и еще несколькими оттенками.

Хочу подчеркнуть и другое. Важную роль в военно-патриотическом воспитании призвана сыграть наглядная агитация. Но она, по-моему, весьма слабо справляется с этой задачей. Если не сказать больше. Недавно пришлось мне побывать на боевом корабле. Вижу плакат. На нем изображен американский солдат, в окровавленных руках – автомат. И подпись: «Он

стреляет в тебя, в твою мать, в твою невесту...» А тем временем проходила встреча на высшем уровне. Я спросил у моряков, как они относятся к этому плакату. Те в ответ лишь засмеялись...

Вот так, еще не начавшись, заканчивается военно-патриотическое воспитание. Потому что не учитываются морально-психологические особенности того поколения, которое служит сейчас в армии. Ведь не придет же в голову нынешнему командиру поднимать в атаку учебное подразделение словами: «Вперед, за Сталина!» А пользоваться символикой, средствами выразительности того времени – приходит в голову, еще как приходит!

Нужны новые подходы. Искать их заставит само время. Буду рад, если наблюдения непрофессионала в чем-то помогут профессиональным воспитателям советских воинов.

*Вопросы задавал подполковник А. РУЧКИН
«Агитатор» (Армии и флота), № 12, 1988 г.*

Что мы увидим из президиума

Имя писателя Юрия Полякова в последние годы приобрело широкую известность. Одну за другой его остросоциальные повести «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Сто дней до приказа» опубликовал журнал «Юность». Путь этих произведений в печать не был легким, да и встречались они неоднозначно – каждая повесть послужила причиной бурных дискуссий. Первыми ополчились на молодого писателя комсомольские работники, занимавшие ответственные посты. Повесть «ЧП районного масштаба» была принята ими буквально в штыки. И все же – примета времени – Юрию Полякову за это произведение была присуждена премия Ленинского комсомола.

До сих пор не умолкают отголоски споров и о повести «Сто дней до приказа», рассказывающей о сегодняшних буднях Советской армии. Но ее путь к читателю куда тернистей, чем у прежних повестей. Об этом и о многом другом – наша сегодняшняя беседа с Юрием Поляковым.

– «Сто дней...» была написана раньше двух других моих повестей. Еще в 1982 году я предлагал ее в одиннадцать толстых журналов. Отовсюду получил прекрасные отзывы, но отовсюду – отказы в публикации. Всемогущее Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота было против повести, и ни один журнал не взял на себя в то время смелость ее напечатать. В следующем году начальную главу опубликовала газета «Московский комсомолец», но анонсом этот случай считать нельзя. Правда, впоследствии у меня с «Московским комсомольцем» и с его редактором Павлом Гусевым, который, кстати, консультировал меня при работе над повестью «ЧП районного масштаба», сложились дружеские отношения. Все мои повести «Московский комсомолец» так или иначе анонсировал – публикацией одной из глав. Так было и в позапрошлом ходу с повестью «Сто дней до приказа». Была напечатана глава, где рассказывалось о драке в казарме, и сообщено читателям, что повесть готовится к выходу в журнале «Юность». Еще до этого у «МК» и «Юности» сложился своеобразный тандем. Газета давала как бы затравку, а журнал вступал уже в серьезную борьбу за повесть. «Сто дней...» шли особенно трудно.

– Но все-таки эта повесть увидела свет. Будь у нас индекс популярности произведений, стоять бы «Ста дням...» в самом верху списка. И наверное, именно ее острейшая социальная направленность вызвала столько споров и нападок на автора, ведь впервые был так глубоко «копнут» этот злоеущий пласт – дедовщина в армии...

– Интересно, что ребята, отслужившие в армии, строевые командиры мою позицию поддерживали, а вот штабисты... Штабисты попытались устроить мне настоящую обструкцию. Сначала взялись утверждать, что все это клевета на армию, что дедовщина имеет место лишь в отдельных нездоровых подразделениях. Когда же широкая дискуссия доказала, что дедовщина существует повсеместно, с той лишь разницей, что в различных ротах она имеет либо острые, либо сглаженные формы, противники повести изменили тактику. Стали раздаваться утверждения, что повесть слаба в художественном плане.

– Литературы о современной армии предостаточно. Все было вроде гладко, появлялись типы солдат – нерадивых или службистов. Только вот животрепещущих проблем, которые нашли бы сразу такой социальный отклик, эти произведения не затрагивали...

– Об армии, как, впрочем, о школе и комсомоле, написано, пожалуй, больше, чем о чем-либо другом. Так что я не брался специально за острые, «скандальные» темы, как кое-кто посчитал. За самые обычные темы, даже заезженные... Но тут все дело в мировосприятии. Да,

литературы об армии много, но ведь это все офицерская литература, написана и пишется она бывшими и нынешними офицерами, потому и взгляд на солдат – как на безликую массу.

Я же попытался взглянуть на армейскую действительность изнутри, из казармы. Солдату многие моменты виднее. Взгляд офицера на армию – это взгляд профессионала. Солдат же – непрофессионал. И слава богу – страна у нас миролюбивая.

Страшно представить, если бы все миллионы парней, отслуживших в армии, становились профессионалами. И на многие вещи солдат смотрит с позиций «гражданки». Ему смешно то, что никогда не вызовет у офицера улыбку. Но больше всего моих оппонентов возмутила ироничная манера повествования. Да, было у нас такое время, когда любая ирония выдавалась за инакомыслие. Но посмотрите на великих наших писателей первой половины двадцатого века: Зощенко, Булгаков, Платонов – у всех много иронии. Кстати, иронию я отношу к своей писательской манере. Вещь должна читаться легко, с первой до последней страницы, и лишь затем должно быть грустно.

Кого считать сейчас хорошим писателем?

Еще недавно было так: вставил в сюжет что-то запретное, хоть самую малость, – ты уже на коне. Герой. А как быть сейчас, когда, кажется, можно писать все?

Кто острее напишет, низвергнет вчерашних кумиров – тот на коне? Или мы будем определять значимость и величину писателя по тому, с каким интересом его читают, как он умеет заинтриговать читателя, вывести характеры, каков язык его произведений?

С языком, кстати, проблем очень много. Взять хотя бы интимную сторону жизни литературных героев – ее ведь вообще почти что не было в литературе. А если и была, то говорили они на языке голубей. Сплошной девятнадцатый век, причем его начало: отдалась, перси, покровы спали... Смешно и грустно. А ведь каждая пара влюбленных создает свой альковный язык, с какими-то полунамекami, двусмысленностями. Как тут быть писателю, обходить эту тему стороной? Но ведь наша литература и так понесла уже огромный урон из-за «запретных» тем. Я вот тоже на себе это почувствовал. В «ЧП районного масштаба» мой герой, комсомольский руководитель, в личной жизни имел любовницу, у них были уже определенные отношения. Но перед публикацией по совету ЦК ВЛКСМ мне пришлось эту линию изменить – появилась уже не любовница, а молодая женщина, за которой мой герой только начинает ухаживать. Ну да ладно – главное, что хотел в этой повести сказать, я сказал.

– *Линия любви как-то оборвана и в «Ста днях до приказа»...*

– А это реальность. Девчонки, которые дожидаются своих парней из армии, настоящие героини по нынешним временам. Ведь армия-то у нас не беспокоится о личной жизни солдата. Сейчас восемнадцатилетние ребята приходят в армию уже мужчинами, они уже жили нормальной половой жизнью и в течение двух, а то и трех лет службы – простите за прозу жизни – у них имеются естественные потребности. Как это влияет на стереотип поведения солдат? Кто это серьезно изучал? И не являются ли различные половые извращения, с которыми в армии юноши сталкиваются, следствием такой вот ситуации?

Армейские стереотипы сохранились на уровне 30-х годов, когда в армию призывались ребята из умирающих от голода деревень. Их в армии кормили и одевали. И что тут было думать об увольнении, когда тысячи и тысячи людей гибли в сталинских лагерях!

Я ушел служить уже женатым. За все время службы никто из моих командиров не поинтересовался, как дела в моей семье, не нужно ли мне съездить домой. Кстати, в других соцстрахах эти вопросы решены. Я понимаю, что у нас в стране совсем другие расстояния, но, может быть, необязательно парню с Дальнего Востока служить в Белоруссии, а украинца отправлять на Камчатку... Здесь есть над чем подумать.

– *Мне лично не давал покоя вопрос: что случилось с молодым солдатом, которого нашли в финале повести у железнодорожной насыпи. Был ли он сбит поездом? Или заплакался и безмятежно спал?*

– Я люблю открытые концовки – они оставляют больше пищи для ума. Но по логике вещей молодой солдат должен был погибнуть – пожалуй, я отвечу так.

– *А будет ли практическая польза от того, что явление дедовщины получило такую огласку? Вот многие матери, знаю, не на шутку встревожились...*

– Я надеюсь, что польза будет, надеюсь, что сама полемика вокруг повести принесла пользу. Правда, в некоторых армейских частях всеми путями пытались запретить чтение повести, номер «Юности» изымался из библиотек. Но я верю, что старослужащий, прочитавший ее, заноса кулак над молодым воином, задумается: а не случится ли с ним то, что произошло с ефрейтором Зубовым? Я надеюсь, что офицер, который хочет поскорее уйти домой и оставить подразделение на старослужащих, тоже об этом подумает.

Одна из бед армейских, на мой взгляд, – то, что нивелировался авторитет младших командиров. Главное тот, кто больше прослужил. Дефицит на настоящих старшин... Но будем откровенны: дедовщина проникает в армию с «гражданки». Парень в повседневной жизни видит, что и здесь есть «старики» и «салаги». И если в принципе существует такая мораль, то почему он должен в армии жить по строевому уставу?

– *Очевидно, читатели вправе ждать от вас нового интересного произведения?*

– Сейчас я заканчиваю работу над повестью «Вид из президиума» (впоследствии повесть вышла под названием «Апофегей». – Ю. П.) – это первая вещь, которую я написал в период перестройки. Но предвижу определенные трудности с ее прохождением. Это повесть о партийных работниках, в ней я попытался разобраться, как хороший, честный парень из простой рабочей семьи превращается в того чиновника, которому мы «обязаны» многими нашими сегодняшними бедами. Еще недавно об этом не принято было писать. Пытаюсь смоделировать и отношения к слою аппаратчиков со стороны людей, к нему не принадлежащих. Там у меня получаются антиподы: партийный функционер Чистяков и его подруга Надя Печерникова. Она представляет совсем иной социальный тип, иронически относится к аппаратчикам, не верит в их созидательные силы. И своего возлюбленного старается не пустить, вырвать из этого слоя. А его туда затягивает невольно. Вообще когда у нас заходит речь о партийных работниках, мы цепенеем и выпучиваем глаза... Отношение сейчас к партийным функционерам неоднозначное, и я тоже пытаюсь разобраться в этом.

– *Вы предрекаете проблемы с прохождением «Вида из президиума». Но обоснованно ли?*

– Уже шла перестройка, когда совместно с Евгением Габриловичем мы написали киносценарий, посвященный жизни партийных работников. Его одобрили и благополучно положили под сукно. Это сценарий для «Мосфильма» о молодой женщине – партийном работнике. Он уже был запущен в работу, но вдруг вокруг него начались какие-то странные маневры... И тогда я решил выразить свои мысли в литературном произведении, которое совершенно самостоятельно и никакого отношения к киносценарию не имеет. Здесь мне не нужен ни режиссер, ни оператор, ни актеры. Я писал его с таким ощущением: напечатают – хорошо, не напечатают – значит, не напечатают. Главное, чтобы модель, созвучная моему мироощущению, состоялась.

– *Как, кстати, складываются ваши отношения с кинематографом? Мне показалось, что «Сто дней до приказа» – прекрасный материал для фильма...*

– Сценарий уже написан мною, его приобрела Студия имени Горького. Но и здесь возникли проблемы, как возникли они на «Ленфильме», который снимал «ЧП районного масштаба». Комсомольские аппаратчики Ленинграда, как могли, ставили палки в колеса. Не давали снимать интерьер и так далее. Но я думаю вновь обратиться к средствам массовой информации – мне уже однажды очень помог журнал «Огонек». Ретрограды ведь боятся огласки, они предпочитают добиваться своих целей втихую. Будем действовать по уже отработанной схеме. Сначала главу из новой повести опубликует «Московский комсомолец», а затем она полностью появится в «Юности». Думаю, случится это в середине будущего года.

Беседу вел Сергей СЕРГЕЕВ

«Молодежь Эстонии», 24 сентября 1988 г.

Здравый смысл

Ю. ПОЛЯКОВ:

Наше человеческое благополучие ставится в зависимость от прочности политической власти, а ведь по уму-то надо наоборот!

Н. ШМЕЛЕВ:

Мне кажется, на данном этапе лучший нравственный лекарь – это полный прилавок магазина.

Ю. П. Может быть, я ошибаюсь, но у меня не проходит ощущение, что во время Съезда народных депутатов наши руководители прежде всего были озабочены стабильностью политической власти и лишь потом – разумностью жизнеустройства и благосостоянием народа. Этот инстинкт самосохранения власти оттачивался семь десятилетий существования нашей системы. Помните: «Будет людям счастье, счастье на века: у советской власти сила велика!» Таким образом, наше человеческое благополучие ставится в зависимость от прочности политической власти, а ведь по уму-то надо наоборот! Во всем мире политика – продолжение экономики, у нас экономика – продолжение политики.

Н. Ш. Говорить, что инстинкт самосохранения власти превалирует над всем... может быть, да, можно. Но сами условия самосохранения изменились. Нельзя уже, например, ни одну проблему нашего национального будущего решить насильно – ни международные проблемы нашей безопасности, ни проблему технического прогресса, ни социальные проблемы. Можно до какого-то предела снижать жизненный уровень, но это все до поры до времени. Мы не на необитаемом острове, и сравнительный эффект, естественную оглядку на соседей, сознание, как плохо мы живем, насилием не задавить. Сегодня человеческая жизнь, демократическая жизнь стала условием самосохранения власти. И в этом смысле я выделил бы три круга крупнейших проблем: политическую реформу, межнациональные отношения и наше экономическое состояние.

В политической области я вижу очевидный прогресс. Начался процесс пусть не полной, но демократизации – до нижнего уровня, по всей политической структуре. Аппарат не готов был к такому повороту событий, как это произошло весной на выборах, бюрократия наша не была готова. И, честно говоря, я боялся, что какими-то способами им удастся затормозить процесс демократизации. К счастью, этого не произошло. Считаю уступкой силам аппарата то, что выборы по дальнейшей структуре вниз, в другие Советы – республиканские вплоть до поселковых, – отложены на полгода. Но, с другой стороны, полгода – это не принципиально. Это, конечно, как мне кажется, результат какого-то компромисса, но компромисса приемлемого, если не быть максималистами.

Вторая крупнейшая проблема – наши межнациональные отношения. Может быть, покажусь немножко излишне оптимистом, но взрыв ферганских событий я скорее отношу не к области национальных отношений, а к области борьбы организованной преступности и мафии с новым курсом; у меня нет полных данных, но чувство такое, что взрыв в Фергане организован все-таки мафией, которую задела и которая показала зубы впервые по-настоящему: вот что будет, если вы нас станете дальше трогать.

Может быть, это моя личная точка зрения, но все же после съезда укрепляются позиции здравого смысла в национальных отношениях, компромисса, поисков сочетания интересов большинства и меньшинства. Ведь как власти наши уворачивались от таких проблем, как проблема немцев Поволжья, крымских татар, тех же курдов, тех же турок и других народов, но все-таки съезд настоял на том, что эти проблемы должны быть решены. А те рабочие пред-

ложения, к которым съезд отнесся очень благожелательно, – о расширении до максимальных пределов степени автономности республик, о том, что малые народы, средние народы тоже должны получить автономность, как и республики, – это все конструктивный рабочий процесс, и я думаю, что Пленум по национальному вопросу будет двигаться вперед, а не назад, попятного движения уже просто быть не может.

Ю. П. Вот начнется Пленум, Пленум нас рассудит! Пленум сам увидит, что в межнациональных отношениях есть масса проблем...

Н. Ш. Но где-то должна же продумываться стратегия, должен же быть какой-то генеральный штаб, генерирующий, вырабатывающий концепцию... Дело же не в названии. Это может быть не Пленум, а... не знаю, Совет старейшин Советского Союза, пожалуйста. С приглашением молодых в роли экспертов.

Так вот, в вопросе национальных отношений я бы осторожно, но констатировал прогресс. Однако меня пугает третья проблема – наше экономическое состояние.

Ю. П. Тут я честно признаю свой непрофессионализм... Я отношусь к тем рядовым потребителям, которые, обсуждая проблемы экономики, пользуются не научной терминологией, а, скорее, крепким народным словом. Мой взгляд – обывательский...

Н. Ш. Хочу заметить, что для меня взгляд обывателя – это самый здоровый взгляд, и думаю, что мы эту тему разоведем...

Ю. П. Из всего обилия слов о видах страны на будущее, сказанных за последнее время, в том числе и на съезде, я пытался для себя отжать суть: что же должно измениться в нашей экономике и как эти изменения смогут хотя бы частично избавить нас от тотального дефицита, который рискует стать таким же национальным атрибутом, как Кремль, сибирский мороз, кавказское гостеприимство и т. д.? Может быть, я туго соображаю, но в чем новизна текущего момента, так и не понимаю. И все чаще думаю о дефиците как о коварном инструменте управления обществом. Обещание командно-административной системы расправиться с дефицитом звучит примерно так же, как обещание милиционера в целях укрепления общественного порядка сдать личное оружие. Поэтому, кстати, так настороженно отнеслись и к нашим идеям...

Н. Ш. Ну, от титула идеедаателя я, пожалуй, отказался бы. И это не кокетничанье, это результат долгих размышлений над собственными возможностями, над тем, что я могу, чего не могу. Считаю себя человеком глубоко консервативным по убеждениям и не помню за свою жизнь ни одной новой идеи, которая возникла бы у меня в голове. Если мои суждения имеют элемент новизны, то только по принципу: новое – это всегда хорошо забытое старое.

И все, что мне удалось отразить в моих литературных работах и в моих экономических публикациях, не выходит за пределы обычного крестьянского здравого смысла и не несет в себе никаких особо сложных теорий. Я, может быть, даже принижаю возможные высоты человеческого духа, потому что меня больше интересует то, что может быть полезным и надежным в обыденной жизни. Очень боюсь «великих идей», от них до сих пор, кроме крови и несчастий, ничего не было в истории человечества. А вот от обычного ползучего мещанского здравого смысла были кой-какие положительные результаты. По крайней мере, людям легче жить со здравым смыслом и так называемой мещанской моралью – жаль, что она у нас не утвердилась, – чем жить с «великими и вдохновляющими» идеями.

Где-то я написал и хочу повторить, что люди не могут долго носить вериги, это не их долгость. Все великие идеи – это для тех, кто любит в такие игры играть. Важна обычная человеческая жизнь, обычный человеческий мир.

Полностью согласен с академиком Моисеевым, который считает, что сейчас нет смысла думать дальше чем на 20 лет, что человеческие мозги слишком слабы, чтобы отгадать, куда нас сможет развернуть. Но ближайшие двадцать лет – это тот горизонт, о котором мы должны думать и можем хоть что-то придумать, чтобы жить.

И здесь мне, пожалуй, добавить к тому, что удалось сказать на съезде, нечего. Может быть, единственное в свою защиту: мне предъявляют претензии, будто долгосрочные перспективы и концепции меня не интересуют. Они меня очень интересуют. Но дело-то в том, что концепция в целом, куда нам идти, есть, она была разработана еще в 20-х годах; в 50–60-х годах ее обсуждали; и сейчас мы говорим примерно то же самое: это концепция общества, которое учуял в самом зародыше Ленин, после того как наступило отрезвление в 1921 году. Он бросил несколько идей, которые легли в основу нэпа, не успел их развить, а дальше жизнь повернула, к сожалению, в другую сторону, но это те идеи и методы, на которых может быть достигнут общественный компромисс и силы общества будут не задавлены, а смогут работать творчески. Я не верю в наше национальное самоубийство и знаю, что ваше поколение, Юрий Михайлович, а может быть, еще и наше что-то приемлемое найдут. Не проклятый же мы народ! Что же мы, самый несчастный, самый обездоленный у Бога, глупее других, что ли? Это тоже неправда.

Но меня очень пугает наша ближайшая перспектива. Я боюсь, что в экономике придется пройти через мучительный кризис, который затормозит наше движение вперед, прежде всего в экономической области и неизбежно – в других областях, в том числе и в политике. Я не верю в движение попятное, назад; даже как фарс – не как трагедия, как фарс – история вряд ли повторится. Но вот то, что мы приостановимся, ляжем на дно и какое-то время в обмороке будем лежать, прежде чем начнем двигаться дальше, – вот этого я боюсь.

Пока мне кажется, на данном этапе мы находимся в таком состоянии, когда лучший нравственный лекарь – это полный прилавок магазина. Люди настолько измучены борьбой за существование, борьбой за самое необходимое, нищетой, стеной вокруг себя, когда чрезвычайные усилия надо тратить на все элементарное в жизни, что это не может не порождать злобу, и непорядочность, и бесчестие, и вражду с соседом. Конечно, полный прилавок все болезни в нашей стране не излечит, но излечит хотя бы вот эти наиболее острые, наиболее безобразные.

И вот здесь я с вами согласен: у меня такая же неудовлетворенность экономическими решениями съезда, как у вас. То есть я бы сказал так: проблемы теперь понимают и видят все. И руководство видит, и съезд в целом, и понимает значительная часть населения. Но как бы все еще выбирают: предпринимать решительные попытки, чтобы справиться с этими проблемами, или продолжать еще какое-то время топтаться на месте и отделяться паллиативом? Но жизнь так стремительно развивается, что я не удивлюсь, скажем, если на осенней сессии правительство предложит бюджет опять с дефицитом, а съезд вдруг скажет: «Нет. Хватит». То, что год назад было невозможно. Но это я опять говорю о надеждах, хотя и реалист.

Ю. П. Демократизация, не подкрепленная позитивными сдвигами в экономике, – это очень коварная тактика. Известная: противопоставляя хлеб насущный хлебу духовному, лишали народ и того, и другого. Мол, конечно, при Брежневе академик Сахаров был в ссылке, но зато талонов на сахар не было. Так что вы, ребята, сами смекайте, что лучше...

Н. Ш. Значит, вы поддерживаете мою мысль, что главный лекарь сейчас, на данном этапе, и нравственности, и общественного состояния – это полные прилавки?

Ю. П. Конечно, я могу присвоить этой мысли ваше имя, но, поверьте, об этом думает любой нормальный человек, а вы просто саккумулировали эти настроения. Но меня, честно говоря, беспокоит отстраненное отношение наших сегодняшних лидеров к предлагаемым проектам оздоровления общества.

Попробую объяснить на исторических примерах. Падению дома Романовых, на мой взгляд, немало способствовала слепая вера в народ-богоносец – не может он, видите ли, поднять руку на помазанника... Сердце замирает от собственной смелости, но не кажется ли вам, Николай Петрович, что кое-кому сегодня трезво взглянуть на реальность мешает вера в народ-партиеносец? А ведь все это уже было... Столыпин, чью могилу в Киево-Печерской лавре сровняли с землей, пришел с мощной идеей экономического обновления державы и был погублен объединенными усилиями крайне правых и крайне левых. Первые не хотели уступить ни одной

своей привилегии, впоследствии потеряв все их заодно с головой. Вторые в экономической стабильности видели угрозу своим социальным моделям. В результате на том же съезде народных депутатов постоянно звучала по-разному сформулированная разными ораторами любимая мысль Петра Аркадьевича про великие потрясения и великую державу...

Н. Ш. К Столыпину я отношусь крайне положительно. Наверное, историк скажет, что вы упрощаете, но для меня ваши суждения вполне приемлемы. Столыпин был надеждой страны, и начал он очень плодотворный процесс. Сейчас в какой-то мере сходная ситуация. Я прошу прощения за крайние формулировки, но говорю давно, хотя тут тоже нет открытий, что после 1929 года был рецидив крепостного права. Он продолжался три поколения. Сейчас вот начинаем чуть отпускать вожжи, но страшно то, что крестьянин-то остался ли? Очень больной вопрос. У председателей колхозов, а среди них есть умнейшие руководители, в сущности, тоже психология крепостников. Даже в замечательном обращении аграрников к съезду сквозит, что землю крестьянину, ежели на отруба захотели, не давать. С циничной точки зрения их надо слушать. Во многих местах, наверное, и не стоит раздавать, да и не возьмут люди землю – по разным причинам. Но что касается нашей многострадальной Центральной России, где крепостническая колхозная идея уже настолько скомпрометирована, то здесь я не вижу, и писал об этом, другого выхода, кроме как возврат земли крестьянам (право на отруба должно быть) и организацию мелких производственных кооперативов, вообще производственного кооперативного движения.

Другой разговор, сколько народа возьмет землю, но если бы даже из десяти семей в деревне взяла землю одна семья, то по продуктивности это означало бы сохранение уровня нынешнего производства, а если бы две семьи взяли землю, это был бы уже резкий скачок вперед. Аналогия со Столыпиным очень напрашивается, очень.

Поскольку зарубежная экономика – мой кусок хлеба, всегда сравниваю. Вот бывал в Китае. В экономической области они оказались умнее нас, успешнее нас. И более гибки, чем мы. Они реформу запустили все-таки гораздо удачнее. Может быть, самое первое их преимущество по сравнению с нами, что они не стали строить особо сложных прогнозов – какое общество их ждет впереди, – они просто начали с деревни, с элементарной задачи накормить народ, насытить внутренний рынок. А вот когда уже будет, простите за профессионализм, равновесие спроса и предложения и, может быть, предложения немножко больше, чем спроса, вот тогда давайте пойдем дальше.

Ю. П. Желание одной из политических сил монополизировать обновление страны – не новость. В свое время это привело к конфликту между социалистическими партиями, Гражданской войне и всему последующему. В результате новое общество в крестьянской стране стали строить под руководством партии рабочего класса. Знаете, я сам пишу в анкетах «из рабочих», но никто до сих пор мне толком не объяснил, почему пролетариат – передовой класс. Допустим, во времена Маркса и Ленина пролетарий стоял около машины, у какого-нибудь мотовилихинского парового молота, олицетворявшего научно-технический прогресс, но если следовать этой логике, то сегодня авангардом общества нужно объявлять энергетиков-атомщиков; но что-то не хочется... И вообще сам спор о том, чей класс «передовее», – все тот же, только замаскированный спор о власти над людьми. На съезде много говорили о монополизме производителя, о монополии власти говорили меньше...

Н. Ш. У меня не столько возражение, сколько комментарий. Теоретически, конечно, многопартийная система лучше однопартийной. Это история доказала неопровержимо: для баланса интересов, компромисса, учета разных слоев, разных интересов, конечно, многопартийность лучше. Но наша жизнь сложилась так. И сейчас я, честно говоря, пока не вижу реальной альтернативы. Она еще не выросла из общественной жизни. Весь спектр альтернатив находится в тех рамках, в которых живет наша одна партия. Не могу считать альтернативой этих

ребят из ДС, смысл речей которых сводится, по существу, к требованию: «Отдавай Зимний назад!» Ну, отдадим, а кто его возьмет?

Не исключаю, что, может быть, появятся где-то в перспективе и многопартийные возможности, но они не могут быть на мелкой основе, неорганично выросшей из того, что мы имеем сейчас. Если бы кто-то мог предложить, нащупав, унюхав, что происходит, куда это ведет, какую-то реалистичную конструкцию, по которой страна могла бы пойти... Не исключаю, что она возникнет. Но сейчас я этого не вижу. Это тоже, наверное, признак моего консерватизма, но тоже и реалистичность, и здравый смысл...

Ю. П. Согласен, но мне кажется, нужно быть готовым к тому, что с появлением новых групп населения, таких, как кооператоры, арендаторы, фермеры, появятся и политические организации, защищающие их интересы. Возможно, даже возникнет организация, выражающая интересы крупной номенклатуры – нынешнего столбового дворянства...

Н. Ш. В принципе это возможно, но возможен и такой вариант, что правящая партия проявит в еще большей степени гибкость и абсорбирует, всосет интересы всех, и будет одно крыло защищать интересы кооператоров и крестьян, а другое – интересы вот тех бюрократов, которых все мы не любим.

Хотел бы, Юрий Михайлович, и я спросить вас. Мне, например, не нравится сама постановка вопроса о необходимости специального Закона о молодежи. Что за особая проблема молодежи?

Ю. П. Немного об истории вопроса. Комсомол, беря с коммунистов пример, в первые послереволюционные годы решительно расправился с альтернативным молодежным движением, став правящей молодежной партией. Потом, в соответствии со сталинизацией общества, он преобразовался в Министерство по делам молодежи и в этом своем качестве долгие десятилетия являлся прочным звеном командно-административной системы. Это не обличение: смешно утверждать, будто в тоталитарном обществе могла быть самостоятельная молодежная организация. Так не бывает. Корить комсомол за его прошлое так же нелепо, как обвинять человека каменного века в том, что он не пользовался железными орудиями. Естественно, что с кризисом командно-административной системы рухнул и авторитет комсомола. И в том, что теперь комсомол хочет вернуть утраченный авторитет среди юношества, нет ничего плохого. Но каким образом? Есть испытанный способ, заимствованный из нашего славного прошлого: нужно снова проявить заботу о той части общества, в поддержке которого ты заинтересован. Знаменем этой особой заботы и стала идея Закона о молодежи. Но ведь если в дефицитном обществе принять Закон о молодежи, дарующий ей некие особые льготы и права, начнется цепная реакция: будут приняты законы об инвалидах, домохозяках, одиноких матерях... И начнется конкуренция этих законов, потому что все равно не будет хватать ничего, а вместо изобилия для всех мы снова получим изобилие льгот, не подтвержденных материальными благами.

И еще одна давняя тенденция меня очень беспокоит: дескать, для того чтобы всем стало жить лучше, кое-кого нужно окоротить. И вот неуклонно тех, кого нужно окоротить, становится все больше, а тех, кому на Руси жить хорошо, все меньше. Окоротили помещиков и капиталистов – не получшало, кулака и середняка – совсем худо стало, попробовали всех сразу окорачивать – спохватились... И вот снова в выступлениях некоторых депутатов на съезде зазвучал этот «окоротизм». В отношении тех же кооператоров, ученых или московской делегации...

Н. Ш. Насчет кооператоров – это какое-то, право, самоедство, оно меня очень огорчает. Ну что же такое, все прямо криком кричат: плохо, надо что-то сделать! Ну сделайте! Нет, хочется все изменить и не менять ничего! Это самоедский подход: «назло мамке уши отморожу». Но так только в детстве можно говорить. Вот привязались: пена, пена. А то пены в государственных магазинах мало! Но это привычная пена, это законная пена.

Конечно, пена. Конечно, в первых рядах идут самые отчаянные, предприимчивые – тут и жулье, которому не важно, на чем схватить, на чем урвать свое, но уже двинулся и порядочный человек по этой дороге, нет, вот и к нему, без разбора, ненависть.

Я не знаю, через какие испытания, несчастья, неудачи нам еще предстоит пройти. Никому не дано это отгадать. Выход из того тяжелого положения – морального, социального, экономического, политического, – в которое мы сами себя загнали, не может быть легким. И он не будет легким. И не может быть быстрым. Это будет выход поколений.

Я мог бы высказать несколько простых мыслей – банальных, но тем не менее они лежат в фундаменте всякого здорового человеческого общежития.

Среди этих простых мыслей я выделил бы первую: упаси нас Бог от любой крови. Ни одна проблема в мире никогда не решалась кровью, кровь всегда порождала гораздо больше проблем, чем она могла решить. Неважен вопрос, из-за которого пролита кровь.

В национальных всплесках маячат не только правовые выяснения отношений между собой, но и, скажем, стремление некоторых людей с крайними взглядами выйти, отделиться. Не вижу возможности без каких-то диких эксцессов решить этот вопрос, скажем, в прибалтийских республиках – Латвии, Эстонии, где половина или чуть меньше половины населения иноязычная. Если не будут учтены интересы этой половины, которая совсем не хочет рвать с тем, к чему приросла корнями, то что ж, будет кровь? И мой призыв к той и другой стороне – найти компромисс, он в конечном счете полезнее для всех, чем попытка выяснения отношений силой. Когда надо защищаться от внешнего вражеского нападения – дело святое. Я также оставляю за собой право не верить в эффект смертной казни, но я понимаю и те 80 процентов людей нашей страны, которые считают, что смертная казнь должна еще оставаться. Но это индивидуальный случай. Я боюсь крови под любым предлогом. И в этом смысле я – соглашатель, готов уступить любые позиции, если только запахло где бы то ни было кровью. Хотя, честно говоря, не хотелось бы уступать никаких позиций, которые принесло новое время.

Второй момент: на чем базируется социально-экономическая жизнь. Здесь мало будет загадочного, если опираться на обычный здравый смысл и считать жизнеспособным только то, что полезно, эффективно, вне зависимости от идеологической окраски. Сейчас не очень модно цитировать такого серьезного человека, как Дэн Сяопин, скажем, но разве он не прав, отсылая нас к вечной мудрости: «Не важно, какая кошка, белая или черная, важно, чтобы она ловила мышей»?

Так же и в отношении нравственных проблем: мы все что-то ищем, все что-то усложняем. Но сколько люди живут, ничего сильнее десяти заповедей и Нагорной проповеди, по крайней мере в истории христианской цивилизации, в истории индустриальных народов не было. Можно это развивать, обдумывать, но ничего сильнее не придумано. Конечно, это идеал, достижимый лишь частично, но в обыденной жизни – полезная человеческая мораль, очень четко сформулированная. И достаточная, если поколения, следующие за нами, в своей моральной ориентации будут пользоваться ею.

Ю. П. Мне кажется, мое поколение обладает таким нравственным мироощущением.

Н. Ш. А не торопитесь, Юрий Михайлович? Насчет такого мироощущения? Меня кое-что пугает. Например, стремление нажать на гашетку при решении конфликтных вопросов...

Ю. П. «Рожденные в года глухие пути не знают своего...» Вот это незнание пути – одновременно и наша слабость, и наша сила. Незнание «своего пути» заставляет быть терпимым и восприимчивым к другим точкам зрения, к чужим нравственным оценкам. Лучше не знать своего пути, чем быть слепым поводырем. Это честнее по крайней мере.

Н. Ш. Должен вам верить, но у меня есть одно, я сказал бы, капитальное сомнение. В 1968-м французская молодежь вышла на улицы, начала громить витрины, магазины, бузить, что называется, самым безобразным образом, причем бузить без цели и без смысла. Через десять лет из этих бунтарей получились нормальные люди. Так же как из тех, кто громил кам-

пусы в США, через десять лет получились нормальные, спокойные граждане. Честно говоря, мне кажется, что количество добра и зла в каждом поколении более или менее в одной пропорции и количество мерзавцев и порядочных людей примерно одинаково. Но те, кто согласен нажать на гашетку и решить тем самым все вопросы, сейчас, мне кажется, как-то виднее. Может быть, я круто поставил вопрос? Все-таки у меня есть ощущение, что эти ребята жестче, чем вы, чем мы. А так ли на самом деле?

Ю. П. Полагаю, истина где-то посередине... Ослепленные мнимым всемогуществом классового подхода, мы совершенно упустили ту очевидность, что юноша от старика отличается гораздо больше, чем, скажем, буржуа от пролетария... Например, в тех же неформальных объединениях участвует в основном допризывная молодежь, если говорить о юношах. А потом женитьба, дети и нормальные обывательские – в хорошем смысле слова – интересы. И мне кажется, Николай Петрович, ваш пример с французскими студентами чрезвычайно показателен. Чрезмерная политизация общественной жизни, взвинчивание страстей, натравливание социальных групп друг на друга – очень коварная уловка, в результате которой к власти приходят самые неприличные режимы, ибо всех выпороть гораздо легче, чем всех накормить. Я где-то читал, что во Франции в политических партиях участвуют всего-навсего семь процентов населения, остальные 93 процента прекрасно живут своими личными проблемами, и, представьте себе, никто их не обвиняет в аполитичности... У нас соотношение примерно такое же, если только глухую ярость от пустых магазинных полок не принимать за растущую политическую сознательность...

Н. Ш. На каких-то этапах всплески человеческих настроений – это пусть кратковременное, но тоже участие в политике. В этом смысле пример – последние выборы: как остро, как участливо люди голосовали.

Потом, вы правы, процентов пятнадцать и остается. Остальные уйдут в семью, в повседневные заботы, успокоятся. До следующего всплеска.

Ю. П. Ну, я не уверен, что эти всплески будут совпадать с выборами.

Н. Ш. И я не уверен. Всплески бывают разные. Они могут быть и организованные – пример тех же выборов, но могут быть и стихийные. Бывают же ведь крайние, переломные этапы истории – кто знает, что нас ждет, может быть, какая-нибудь пугачевщина еще до конца не исключена из нашей истории. Я хотел бы думать, что исключена, что мы достаточно извлекли уроков, чтобы не решать таким способом свои проблемы, но... То Фергана, то...

Ю. П. Разумеется, в каждом поколении примерно одинаковое количество мерзавцев и порядочных людей, каждое поколение вступает в жизнь с примерно одинаковым запасом добра и зла, но в том-то и штука, что история или, точнее, конкретная историческая ситуация к разным поколениям предъявляет различные требования. Грубо говоря, в 20-е требовалось больше одержимых и бессребреников, в 30-е – больше палачей и предателей, в 40-е – больше героев и мучеников. Именно так и формируется физиономия поколения...

Н. Ш. Очень верная мысль.

Ю. П. Эпоха формирует поколения и одновременно формируется этим поколением. Жертвы застоя и его творцы – это примерно одно и то же. От моего поколения особого героизма, если не считать государственной романтики с ее БАМами и КамАЗами, не требовалось, но и на особую подлость нас не толкали. Правда, и мы особо с эпохи не спрашивали... Вот и получилось терпимое поколение.

Н. Ш. В сущности, это прекрасное качество.

Ю. П. А вот сегодняшнее поколение двадцатилетних развивается совершенно в других обстоятельствах, в эпоху жесткого выбора, а выбор всегда идет рука об руку с нетерпимостью. И тут налицо трагическое противоречие: без нетерпимости нет движения вперед, без терпимости нет гуманизма... Кто знает, может быть, поколения всегда так непохожи именно для поддержания некоей тайной исторической гармонии... Кто знает, если б в конце XIX – начале

XX века не укоренилось роковое противопоставление революционера и обывателя, то не было бы «нашего паровоза», мчащегося по костям в неизвестном направлении... Впрочем, многие писатели предостерегали, пророчили, увещевали, но политика почему-то считает литературу прикладной дисциплиной...

Н. Ш. Затронув то время, конец XIX – начало XX века, вы напомнили мне о том непреходящем сожалении, которое я испытываю давно, размышляя о тех или иных поворотах общественной жизни. Мне кажется, хотя, конечно, смешно кого-то упрекать, но все-таки на том времени есть большая вина: именно тогда в среде творческой интеллигенции родилось в презрительном толковании слово «обыватель» и в презрительном толковании понятие «мещанская мораль». И это многое нам развалило и испортило в национальном характере и в общественном взгляде. Что значит – мещанская мораль? На каких принципах она держится? Не кради, не бей жену, не пей, соседей не обманывай, не хватайся за оглоблю при каждом вопросе, не сморкайся в скатерть, когда тебя в гости позовут, и т. д. В сущности, весь набор порядочности человеческой и есть мещанская мораль. Она не руководствуется стремлением переделать человечество – ну и что же, разве только то хорошо, что ведет на баррикады? В ней заложены человеческие вечные ценности, и самое главное – здравый смысл.

Мы сейчас пытаемся возродить нормальные человеческие отношения друг к другу, но я не знаю, сколько на это потребуется времени – настолько въелась в поколения неблагожелательность: «Кто виноват?» – «Сосед, ближний, ату его»; и вторая реакция: обязательная презумпция виновности, он – потенциальный враг... Конечно, грех опять винить людей, люди без крайней нужды негодьями не делаются. Но общество много десятилетий давало возможность развиваться тому низменному, что есть в человеческих душах. И пожалуй, сегодня за долгое время впервые обществом востребованы лучшие человеческие качества. Больше обществу негодяи не нужны. Нигде – ни в политике, ни в экономике, ни в сфере человеческих отношений. Разве это не внушает надежд?

Ю. П. Блажен, кто верует...

*Беседу подготовила и записала Э. ШУГАЕВА
«Литературная газета», 26 июля 1989 г.*

Работа над ошибками

Ему 35 лет. Коренной москвич. В прошлом – учитель русского языка и литературы, в настоящем – писатель. В Союз писателей вступил в 1981 году как поэт. Автор повестей «Работа над ошибками», «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей». Юрий Поляков – наш собеседник.

– С годом Белой Лошади вас, с выносливостью, терпением, новыми творческими удачами!

– Спасибо.

– Ваше имя сегодня – одно из популярных, особенно среди молодежи. А вот читатели так называемого промежуточного поколения высказывают мысль, что повести Полякова конъюнктурны. Вам приходилось работать на социальный заказ?

– В условиях гласности оформилось, проявилось, узаконилось то, что дефакто существовало всегда, и я ничего плохого не вижу в конъюнктуре, точнее сказать – в своевременности, остроте произведения. А пресловутый социальный заказ – это выдумки социализма. Это когда вызывает редактор писателя и говорит: «Товарищ Иванов, а не написать ли вам повесть?..» Я к этому отношусь с удивлением. Есть и другой заказ – самому себе: напишу-ка я на острую тему, вызову интерес, получу большие деньги. Но есть еще один тип социального заказа: писать о том, что тебя волнует. Я пишу по такому заказу...

Вот я работал в райкоме и знал уже тогда, что должен написать об этом. С «Апофегеем» то же самое. В «ЧП районного масштаба» я больше уделил внимания механике «аппарата», в известной степени по методу Хейли. В «Апофегее» вернулся к проблеме аппарата уже, так сказать, с общечеловеческих позиций: что думает человек, сидящий в президиуме, – думает о деле или сексуальных ситуациях? Власть и любовь... Что он выберет: любовь или власть? Человек, который суется в политику, должен отказаться от многого.

Упрекая меня в конъюнктуре, забывают, что мои повести были написаны в начале 80-х, их не печатали до перестройки... Какая уж тут конъюнктура!

– Долго лежали на той самой полке?..

– Не то чтобы лежали... «Сто дней до приказа» напечатали без специального разрешения цензуры. Редактор «Юности» Андрей Дементьев взял на себя ответственность за ее публикацию. В тот момент перелетел границу Руст, и в головах армейских чинов наступило полное затмение. Повесть уже была в печати, и запрещать ее было поздно.

– «Сто дней...» – это то, что вы увидели в армии?

– Да, это личные наблюдения, то, с чем мне пришлось столкнуться в армии. Это середина семидесятых годов, когда резко обозначилось уже заметное и осязаемое расслоение в обществе, где одни живут лучше, а другие хуже.

– Армия – одна из структур, которая переживает сегодня тяжелый период. Свертывание военного арсенала, с последующим сокращением кадров, усложняет и без того трудное социально-экономическое положение в стране. Все чаще мы слышим мнение, что армия должна стать профессиональной.

– Армия – одно из неотъемлемых звеньев системы. И естественно, в армии нашло отражение то, что наша не выбирающая выражения молодежь называет «звериный оскал социализма». В 30-е годы молодой парень приходил в армию из умирающего украинского села и был счастлив, что его оденут и накормят. У меня сложилось впечатление, что армия подзабыла, что времена изменились. В армию приходят другие ребята. Совершенно иное поколение, отличающееся во многом информированностью в различных сферах жизни. Если раньше половые отношения их мало интересовали, то теперь ребята приходят относительно подготовленными.

Об этом говорят специалисты: медики, психологи. Игнорировать эту проблему – бессмыслица. А поскольку культура сублимации не развита, то все чувства сублимируются на мордобое.

В армии резко упала роль младшего командира, что наглядно выразилось в дедовщине. Сегодня важно повышать профессионально-педагогический, культурный уровень офицеров. Я наблюдал армию в социалистических странах. Солдаты, к примеру, приходят в столовую не строем, с песней, а сами по себе. Каждый, хотя бы в этот момент, чувствует себя «частным лицом»...

Я, конечно, не специалист и не беру на себя смелость судить, но в идеале армия должна быть профессиональной. Реально ли это экономически? Если да, то проблемы отпадут сами по себе. Но требовать улучшения армии от офицеров, уровень жизни которых ужасен, по меньшей мере легкомысленно...

– *А проблемы школы? Вы учились в ней, работали учителем. Итогом стала ваша повесть «Работа над ошибками». Если в иных сферах общества ситуации меняются чуть ли не каждый день, то школьные перемены чаще только декларируются.*

– При тоталитарном режиме школа повторила модель «государство – человек», в которой учитель – мини-руководитель детей. Учитель приказывает – ученик выполняет. В результате образование все время оказывалось в хвосте. Главное сегодня – деидеологизация образования. Очень важно отказаться от разделения истории на два антагонистических периода – дореволюционный и послереволюционный. Определить, когда было лучше – в первом или втором периоде, – смогут только те, кто будет жить в третьем. Должен уйти в прошлое и насильственный атеизм. Нельзя рассматривать религию с позиции марксистской догмы. На мой взгляд, в образовании нужно вводить обязательные основы библейской мифологии и христианской морали.

– *Ваше отношение к религии?*

– По-моему, существует генетическая предрасположенность к вере. Вера и безверие – личный вопрос каждого человека. Кстати, в православной дореволюционной России среди интеллигенции, между прочим, были сильны атеистические настроения.

Долгие десятилетия вера подвергалась гонению, оставаясь тем не менее одной из немногих хранительниц нравственных ценностей. Что касается атеизма, то мы скорее все эти годы имели заурядное безбожие, а не атеизм.

– *А вы человек верующий?*

– Я человек пока неверующий, но по мироощущению, по интересам отношу себя к христианской культуре.

– *Если вас понять, ваше творчество, во всяком случае до 1989 года, строилось на «трех китах». Один из них – комсомол. Вас трудно упрекнуть в незнании предмета, о котором вы пишете. В разговоре с Николаем Шмелевым вы дали ретроспективу молодежной организации. Напомню читателям: комсомол, беря с коммунистов пример, в первые послереволюционные годы решительно расправился с альтернативным молодежным движением, став правящей молодежной партией. Потом, в соответствии со сталинизацией общества, он преобразовался в Министерство по делам молодежи и в этом своем качестве долгие десятилетия являлся прочным звеном командно-административной системы. Это не обличение: смешно утверждать, будто в тоталитарном обществе могла быть самостоятельная молодежная организация. Так не бывает. Корить комсомол за его прошлое так же нелепо, как обвинять человека каменного века в том, что он не пользовался железными орудиями. Естественно, что с кризисом командно-административной системы рухнул и авторитет комсомола. И в том, что теперь комсомол хочет вернуть утраченный авторитет среди юношества, нет ничего плохого. Но каким образом?*

Так вот: каким образом? Очень уж медленно избавляется наш молодежный Союз от аппаратного высокомерия.

На недавно состоявшемся Всесоюзном студенческом форуме можно было услышать, к примеру, мнение о том, что московский комсомол оказывал давление на ход студенческого собрания.

– Ну, московский комсомол мощный. В одном городе и райком, и горком, и обком – глубоко эшелонированная оборона. И она еще держится. Комсомол действительно долго был Министерством по делам молодежи, которое в какой-то момент собирало гигантские массы молодежи и направляло, куда нужно. Я начал об этом разговор в литературе. Когда-то я сам был секретарем комсомольской организации Союза писателей, членом райкома, горкома ВЛКСМ. Это была обычная история, когда человека, преуспевающего в профессиональном отношении, решительно вовлекают в общественную работу. Скажу честно, я и не сопротивлялся. Было два пути: либо ты участвуешь в официальном, либо неофициальном движении. Я по рождению, воспитанию не мог примкнуть к диссидентству. И я не считаю, что время работы в комсомоле – это впустую потраченное время. Все мы были заняты в этом хороводе. Но не все же были негодяи и идиоты. Нельзя, конечно, комсомол обвинять во всем, и я не согласен с тем, чтобы на него навешивать всех собак. Но сейчас у него есть шанс искупить свою вину – нужно организовать молодежное плюралистическое движение. И если он не использует этот шанс – это будет вина собственно комсомола.

– Пожалуй, это более приемлемый вариант. Но в острой полемике о том, каким быть комсомолу, слышатся голоса: а не распустить ли его?

– Я так не думаю. Партия ведь не распускается. Пока есть Коммунистическая партия, будет и комсомол. Так везде. Иное дело, когда есть другие молодежные организации.

– Такой вопрос: многие читатели склоняются к тому, что в «Апофегее» прототип БМП – Б. Н. Ельцин.

– Это, конечно, не Ельцин. Это художественный образ нового типа политического деятеля, который появился в годы перестройки как противовес командно-административной системе. БМП пытается ей противостоять. С одной стороны, он гуманист, но с другой – запутывается в силовых методах. И если БМП – плоть от плоти командно-административной системы, по законам логики Ельцин относится к такому типу. Это первый публичный скандал в высшем эшелоне власти, начиная с 30-х годов. Я отношусь к Ельцину с пиететом. Это фигура яркая, хотя некоторые поступки для человека, включившегося в серьезную политическую игру, кажутся странными.

– Вот еще ваша мысль: в каждом поколении примерно одинаковое количество мерзавцев и порядочных людей, каждое поколение вступает в жизнь с примерно одинаковым запасом добра и зла, но в том-то и штука, что история или, точнее, конкретная историческая ситуация к разным поколениям предъявляет различные требования. Грубо говоря, в 20-е требовалось больше одержимых и бесребреников, в 30-е – больше палачей и предателей, в 40-е – больше героев и мучеников. Именно так и формируется физиономия поколения.

Нынешнее поколение, как мне кажется, формируется под влиянием дебатов Верховного Совета. А что видите вам?

– Жесткая политизация. До революции, на мой взгляд, политическая атмосфера была лучше, чем после революции. В революцию идут, с одной стороны, люди идеально чистые, а с другой – те, кто недоволен своей судьбой, озлоблен неудачами. Но власть они берут вместе. Потом худшие отворачивают голову лучшим. Зло на каждом конкретном историческом отрезке сильнее добра. А в целом конечно же добро сильнее...

Видите ли, с исторической точки зрения буржуазия была организатором производства, религия владела вопросами идеологии. Коммунистическая идея в начале и середине века овладела многими. Это была какая-то всемирная иллюзия. Мы, как всегда, через нее прошли с наибольшими потерями. Как вечный идеал, коммунистическая идея, безусловно, заслуживает внимания. Но на пути к власти большевики оказались нетерпимыми, что позволило прорасти

зерну тоталитаризма. Для того чтобы одному классу стало лучше, нужно избавиться от другого. Такая теория. Чтоб лучше жилось одним, они пошли на уничтожение других. Этим и характерен приход к власти Сталина. Ленинская гвардия представляла интеллигентную часть большевиков. А потом началось уничтожение. Сталинизм рассматривают с разных точек зрения. Я предложил один из аспектов.

Вообще к политике я отношусь как потребитель. Все идеологии плохи тем, что они имеют свойство раздуваться и охватывать все сферы жизни. Марксизм как теория имел целью разобратся в отношениях пролетариата и буржуазии, а превратился в доминанту на сто лет.

– Если с прошлым более или менее ясно, то в настоящем «родимые пятна» сталинизма трансформируются в поиске – кого бы призвать к ответу. Так что разобратся в том, кто истинный истец, а кто истинный ответчик, довольно сложно. Недавно мне пришлось стать свидетелем такого диалога: «Вот ты, коммунист, работал в годы «застоя», неужто не видел, что творились безобразия, и не мог им противостоять?» И теперь я с легкой грустью хочу у вас спросить: а вы состоите в партии?

– Вы понимаете, сейчас как-то стало модно спрашивать: что ты делал до революции, что ты делал в период стагнации? Опасная аналогия. Подобная абсолютизация ни к чему хорошему, кроме как к социальным столкновениям, не приводит. Смешно наказывать тех, кто жил при стагнации. Да, я коммунист. Попробуйте в застойные годы работать в идеологическом отделе, не будучи членом партии. Если тебе, предположим, говорят: хочешь работать в отделе агитации и пропаганды, должен вступить в партию. Я этого человека не осуждаю. В условиях тоталитарного режима другого выхода нет. Подпольное диссидентство – это не мой путь. Почему я должен отказываться от легальных форм борьбы? А в то время это были легальные формы...

– А при многопартийной системе вы бы...

– Я был бы беспартийным. В Верховном Совете от крайне левых до крайне правых – все члены партии. В Государственной думе, Учредительном собрании не было столько писателей, сколько в Верховном Совете. Сильная политизация. Хорошим писателям некогда писать книги. Политикой должны заниматься профессионалы. Литератор все-таки должен заниматься литературой, и сегодня на многократные предложения баллотироваться в Верховный Совет РСФСР я отвечаю благодарностью и... отказываюсь.

– В таком случае, что нового у Юрия Полякова выйдет в свет в наступающем году?

– Студия имени Максима Горького снимает фильм «Я» по повести «Сто дней до приказа». В журнале «Юность» будет опубликована новая повесть о любви, о моем ровеснике, о том, что и мое поколение носит роковой отпечаток прошлого – мы замыкаем эту эпоху.

– Спасибо за интервью. Поздравляем вас и вашу семью с Новым годом!

– Спасибо. И вас – с Новым годом!

Интервью вела Ирина ХАНСКВАРОВА

«Комсомолец» (орган ЦК ЛКСМ Таджикистана),

30 декабря 1989 г.

Возможно, я ошибаюсь

– Ваши произведения последних лет всегда находили болевую точку нашего общества, вы один из самых читаемых авторов. «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Работа над ошибками», «Апофегей» – все эти повести были событиями, но, что любопытно, продолжают вызывать читательский интерес и сейчас, когда, так сказать, пик их злободневности уже позади. Чем вы это объясняете?

– Вообще-то, объяснять это должна критика, но она у нас занимается другими делами. Я же, когда пишу, всегда стараюсь помнить о том, что меня будут читать. Все очень просто.

– Значит, вы работаете на читателя?

– А на кого мне еще работать? На вражескую разведку?! К тому же помнить о читателе и идти на поводу у читателя – вещи совершенно разные. Высказаться – еще не значит быть услышанным.

– Допустим. А как же быть с такой категорией, как «самовыражение»?

– Десятипудовая тетенька, занимающаяся перед зеркалом аэробикой, тоже самовыражается, но ходим мы почему-то на балет. Маяковский заявлял: «Я – поэт. Этим и интересен». По-моему, правильнее сказать: «Я – интересен. Этим и поэт». Впрочем, это вечный спор, и возможно, что я ошибаюсь. Но в одном я убежден: непонимание читателя всегда было страшной трагедией для литератора. И мне неловко смотреть, когда начинается игра в непонимание, позволяющая «побегать в гениях» людям, не истратившим и сотой доли той творческой энергии, которую тратит любой добросовестно относящийся к своему труду художник.

– А что вы думаете о нынешней литературной критике?

– Плохих критиков, независимо от их идейной позиции, часто зыбкой и переменчивой, я делю на две категории – приписывающие и предписывающие. Первые приписывают авторам несуществующие достоинства, вторые предписывают литераторам, как нужно сочинять. Иногда эти два свойства соединяются в одном лице, и мы получаем так называемых ведущих критиков...

– Насколько я понял, ваши отношения с критикой... не сложились... Это так? Или, может быть, вы на нее обижены?

– Скорее она на меня...

Знаете, многие критики напоминают мне обидчивых свах, которые очень серчают, если взаимная склонность между писателем и читателем возникла без их посредничества. Появляется ощущение собственной ненужности, а кто же это простит...

– Неужели нет хороших критиков?

– Есть. Не просто критики, а глубокие исследователи литературного процесса и общественной мысли, но сегодня их явно оттеснили горластые литературные поединщики.

– Да, в литературных войсках сегодня идет ожесточенная война. Это показали писательские пленумы, съезды. Какова ваша позиция, тем более что вы – секретарь правления Союза писателей России?

– Был. До VII съезда.

– У вас были разногласия с руководством СП РСФСР?

– Нет. Скорее взаимное недоумение.

– Но ведь есть и другая позиция. Многие ваши ровесники самых разных ориентаций именно сейчас активно включились в литературную и политическую борьбу.

– Это, как говорится, их бизнес. Я никого не осуждаю. Каждый живет в литературе, как хочет и умеет. Но только не надо доставать других осточертевшим за советский период больше-

вистским вопросом: «С кем вы, мастера культуры?» От него ведь всего шаг до другого вопроса, очень нехорошего: «А с кем это вы, мастера культуры?» С кем... с кем... Да ни с кем! Поначалу я хотел назвать эту позицию «неприсоединением», но когда увидел, как группа писателей, чтобы ловчей было не присоединяться, соединилась в группу неприсоединившихся, мне стало смешно, и я понял, что нашел неточное слово, видимо, правильное будет – «одиночество». Кстати, все эти мои соображения, высказанные осенью прошлого года в новой литературной газете «День», ужасно рассердили одного из ведущих «неприсоединенцев» – известного критика Михайлова...

– *Автора работ о Бунине и русском зарубежье?*

– Ну что вы... Это – Олег Михайлов, а я веду речь об Александре Михайлове. Так уж повелось: если человек смешон, то злится он почему-то не на себя, а на того, кто не смог удержаться от смеха...

– *Считаете ли вы, что вообще не нужно принимать участие в этой борьбе?*

– Увы, это невозможно. Неучастие есть тоже форма участия. Речь о другом: по-моему, перед каждым литератором стоит выбор. Он может остаться или в истории литературной борьбы, или в истории литературы, или в литературе. В первом случае его вспоминают, во втором случае его знают, в третьем случае его читают. Последнее самое трудное, почти невозможное, испепеляюще непредсказуемое. Но только ради этого стоит садиться за письменный стол и пытаться. В одиночестве.

– *А что вы можете сказать о сегодняшнем Союзе писателей? Нужен он или нет?*

– Мне кажется, нужен. Разумеется, не как идеологическая, контролирующая надстройка (он таковым уже и не является), а как профессиональный союз людей, работающих в литературе. Времена крутые, и, может быть, Союзу еще придется заниматься не продовольственными пайками, а «пайками». Есть, правда, и противоположная точка зрения, но ее, как правило, придерживаются или неписатели, или писатели с такой «широко разбежавшейся участью», что судьба СП для них малозначительна.

Сложность возникшей ситуации заключается и в том, что десятилетиями происходила – как и во многих других сферах – депрофессионализация Союза писателей, который постепенно превращался в своего Урода СОД – Союз окололитературных деятелей. Принимались не только плохие писатели, но и вообще неписатели, хотя среди них встречались люди весьма одаренные, но, увы, не в литературном отношении, в тогдашних условиях они этих своих способностей просто не могли реализовать, а членство в СП давало им права на относительно свободные формы существования в нашем зарегламентированном обществе. Но вот началась перестройка, лед, сковывавший неформальную инициативу, подрастая, и люди с писательскими билетами в карманах потянулись к своим природным наклонностям. Вот почему сегодня среди членов СП СССР столько журналистов, политологов, депутатов, экономистов, экстрасенсов, бизнесменов, кооператоров, национальных лидеров. Это закономерно, ведь и Ульянов-Ленин в графе «род занятий» писывал «литератор». И тон в сегодняшней писательской жизни, увы, задают именно они, устраивая потасовки, напоминающие сцены из старых киношек, где каждый старается нахлобучить другому на голову торт, в результате чего все в бисквите. Жаль, что в эти драки втянуты и некоторые серьезные писатели. А обычные люди смотрят и говорят себе: «Не-ет, это не властители дум. И даже не инженеры человеческих душ. Это какие-то шабашники!» И вот результат: оборотистые кооператоры по-троекуровски выгоняют Литфонд РСФСР на улицу. А руководители СП РСФСР ничего не в состоянии сделать, – новые хозяева кабинетов с «вертушками» их просто посылают...

– *А как вы относитесь к русофилам?*

– Нормально отношусь, я и сам русофил.

– *В каком смысле?*

– В прямом. Живя в России, говоря по-русски, воспитываясь на русской культуре, не быть русофилом так же странно, как, живя, скажем, на Мальвинских островах, быть им. Хотя, конечно, случается всякое. Но я твердо убежден в одном: нельзя из своего русофильства (как из любого другого «фильства») делать профессию. Человек, извлекающий выгоду из любви к своему племени, мне так же несимпатичен, как человек, сдающий сперму за деньги. И будучи «филом» в отношении к своему народу, совершенно необязательно быть «фобом» в отношении к другим. Перетолковывая известный афоризм, можно сказать: свобода и интересы каждого народа ограничены лишь свободой и интересами других народов. По-моему, нынче, в пору взрыва национальных самосознаний, об этом забыли...

– *Ваше отношение к событиям в Литве?*

– Я потрясен. Литератор по роду своих занятий – миротворец, и у него может быть только один враг – антигуманизм. О моем отношении к трагедии в Литве, наверное, говорит тот факт, что я поставил свою подпись под протестом членов ПЕН-клуба в связи с событиями в Вильнюсе. Но я хочу верить, что кровавый итог заставит одуматься и тех, кто считает, будто все проблемы можно разрешить посредством разделения людей на «чистых» и «нечистых», на коренных и русскоязычных, на демократов и реакционеров...

– *Вы – коммунист. Не собираетесь ли выходить из партии? Как относитесь к мнению, что КПСС – политический труп?*

– В свое время большевики объявили все остальные партии покойниками и закопали их живьем. Живьем! Именно этим объясняются многие, мягко говоря, особенности нашей политической жизни советского периода. Это во-первых. А во-вторых, я не коммунист, а член КПСС, причем буквка «п» в этой аббревиатуре так же неадекватна ситуации, как фата на голове интердевочки. Поэтому сложносокращенное «КПСС» я воспринимаю, как целое слово – «Капээсэс», обозначающее некую субгосударственную структуру, в которую постепенно после прихода к власти превратилась большевистская партия. Кстати, это превращение было одной из форм преодоления большевизма, предсказанного Н. Бердяевым. И мне нынче смешно слушать, как некоторые люди уверяют, будто они в свое время вступили в передовые ряды по идейным убеждениям, а теперь-то разочаровались. Не надо песен! По идейным соображениям можно вступить в одну из партий, а в субгосударственную структуру «Капээсэс» люди – по крайней мере, моего поколения – вступали, ибо это было необходимое, не ими установленное условие самореализации во многих сферах жизни. Обыкновенный желающий нормально работать инженер, журналист, военный и т. д. в целом ряде ситуаций не мог не быть членом «Капээсэс».

Зато пристроенный родственник какого-нибудь партбосса имел возможность поиграть в беспартийность, а сегодня имеет возможность тонко морщить нос посреди всеобщей антисанитарии. Одним словом, я не собираюсь выходить из рядов с гордо поднятой головой и блистающими очами, точно узник-шлиссельбуржец, на котором вместо тюремного номера стоит номер партбилета. Зачем дешевыми эффектами искупать свои былые компромиссы? Жизнь, как известно, – это компромисс. Но при всей своей терпимости я никогда не соглашусь с теми, кто считает, что компромисс – это и есть жизнь. А в «Капээсэс» сегодня, в пору разброда, меня устраивает как раз то, что не устраивало в годы застоя: ее государственность. Поэтому, оставаясь членом «Капээсэс», как ни странно, я чувствую себя максимально деполитизированным в наше сверхполитизированное время, а это мне, литератору, как я уже говорил, необходимо. Но если «Капээсэс» из субгосударственной начнет снова превращаться в партию, да еще с большевистскими замашками, я спокойно, без шума, по-людски выйду из рядов...

– *Любопытная позиция. А как в таком случае вы относитесь к происходящему в стране? Верите ли в шансы перестройки?*

– То, что сейчас происходит в стране, конечно, никакая не революция, и слава богу! Это действительно, извините за банальность, перестройка – попытка перестроить обще-

ственно-экономическую жизнь страны в соответствии с моделями, которые в других странах показали свою изобильность. Только бы не вышло у нас, как с купленным на валюту импортным оборудованием, годами лежащим под дождем и превращающимся постепенно в металлолом – радость моего пионерского детства.

– *Тогда другой вопрос, вытекающий из предыдущего: как вы относитесь к социалистическому выбору?*

– Наверное, если бы у нас был социализм, например в шведском варианте, я бы выбрал социализм, но, поскольку у нас нет его, а ученые никак не договорятся, какое общество у нас все-таки построено, я бы предпочел просто разумный выбор – т. е. такое жизнеустройство, при котором будут соблюдены интересы максимального количества людей и по возможности всех социальных слоев. Мне вообще иногда кажется, что социализм и капитализм – это не общественные формации, а два мироотношения, уживающиеся в одной человеческой душе и в разные периоды жизни играющие различную роль. Скажем, юноша, в семнадцать лет жаждущий все поделить честно поровну, к тридцати может стать удачливым бизнесменом, а в шестьдесят пять отдать нажитые капиталы сиротам.

– *Стало быть, вы разделяете новое мышление с его приматом общечеловеческих ценностей?*

– Всякое новое мышление – это просто хорошо забытое старое мышление.

Но не в этом суть. Да, меня не устраивает марксистская заикленность на классовой борьбе, которой, естественно, человеческая жизнь и история не исчерпываются. Но совсем не обязательно напиговывать себя «всесильным учением», чтобы понять: бывают в истории общества такие ситуации, когда именно классовые отношения между людьми становятся роковой силой, наподобие атомной энергии, превращенной в оружие. Именно это произошло в 17-м. Большевики сделали ставку на классовую рознь – и выиграли власть. А проиграли страну. Но примат общечеловеческого не отменяет классового, точно так же, как примат классового, обернувшийся на нашей земле кровавым потоком, не отменил у нас общечеловеческих ценностей. И я боюсь, что наша сегодняшняя общечеловеческая эйфория может аукнуться таким классовым Чернобылем, что следующая перестройка будет проходить где-нибудь в Приокском заповеднике под контролем ЮНЕСКО...

– *Но разве новые люди, выдвинутые перестройкой, не гарантия необратимости перемен?*

– А где вы видели новых людей? Просто из партера, в крайнем случае из амфитеатра, они пересели в президиум. Людей «с улицы» единицы, и не они делают погоду. Но не в этом дело! В свое время «пролетарская» революция жестоко расправилась с бывшими: «Служил царскому режиму? Пожалте к стенке!» А какому еще режиму мог служить подданный Российской империи? Королевскому, султанскому, кайзеровскому? Исключение составляли разве что профессиональные борцы, но и они часто сочетали служение революции со службой в различных тайных ведомствах. Сегодня вопрос о «бывших» не стоит, и слава богу! Мудрость или коварство (кто как понимает) создателей советской власти заключались в том, что они действительно разметали сословные перегородки, хоть волоском, хоть пальчиком, хоть клочком одежды всех прилепили к своему смолянскому чучелку. У американцев есть примирительная идея о трудолюбивом разносчике газет, становящемся миллиардером. У нас – об энергичном рабочем пареньке, выросшем до генсека.

Когда раздаются призывы «поквитаться», я спрашиваю: с кем? Один мой знакомый литератор в годы застоя работал лифтером и писал чернуху, но на службу ездил в собственных «Жигулях» с дачи, которую купил его папа – большой специалист по руководящей роли партии в литературе и искусстве. Ну и кто он, мой знакомый, – жертва застоя или его барчук?

– *По-моему, вы противоречите сами себе. Отсутствие новых людей – это хорошо или плохо?*

– Это реальность, которую один может считать «хорошей», а другой – «плохой». И противоречив не я, а жизнь. Когда я вижу человека, пошедшего в политику, меня, честно говоря, меньше всего интересуют его политические убеждения. Я смотрю на него прежде всего с точки зрения физиогномики, и пусть человек с лицом мелкого снабженческого жулика распишет мне картины и пути всеобщего благоденствия, я ему никогда не поверю. Дурит он нашего брата! Давно, еще в пору студенчества, у меня случился доверительный разговор с одним, ныне уже покойным, профессором – очевидцем революции. Он мне признался, что довольно скоро сообразил: из всей этой затеи ничего путного получиться не может...

– Почему?

– И я тоже спросил: почему? «А потому, – сказал он, – что всем этим очень уж несимпатичные люди занимались, ущербные какие-то...» Тогда я с ним не согласился, ибо верил, что назначение политической идеи – облагораживать человека. Но теперь, пожив и поосмотревшись, понял: наоборот, назначение человека – облагораживать политические идеи. Мне грустно делиться этими наблюдениями, но присмотритесь к некоторым вершителям наших перестроечных судеб! Вот один – в его глазах горит желтый огонь бескорыстной веры в себя! Вот другой – телевизионный павлин, никогда не помнящий того, что сам же говорил вчера!

Вот третий – в своей горделивой напряженности он чем-то похож на добропорядочную даму, опасющуюся, как бы кто не напомнил ей о тех временах, когда она зарабатывала себе на жизнь общедоступностью... Неужели смысл любого переустройства исчерпывается строчками Звездинского:

У столиков наших сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет...

Хотелось бы ошибиться...

– Я что-то никак не пойму: вы либерал или консерватор?

– Давайте оставим классификации до тех пор, пока в магазинах не появится хоть что-нибудь... Консервы, например...

– Хорошо. Тогда такой вопрос: вы автор первой довольно правдивой книги об армии – «Сто дней до приказа». Потом на эту тему высказывались, но первый удар приняли на себя вы. Я помню эти разгромные статьи в военной и сочувствующей прессе. А какие сегодня у вас взаимоотношения с армией?

– Как видите, в солдаты не забрили...

– А хотели?

– Литератор, нарушающий табу, должен быть готов ко всему. Так что я считаю отрицательную реакцию части военных, воспитанных на «воениздатовских» сказках для личного состава, совершенно естественной и закономерной. Но должен сказать: мыслящие военные на меня никогда не обижались и даже поддерживали, а соотношение думающих и бездумных в армии, по моим наблюдениям, примерно такое же, как и в других местах...

– Не связаны ли эти ваши наблюдения со слухами о возможном военном перевороте?

– Если бы мои убеждения зависели от колебаний политической ситуации в стране, то, наверное, в 1980 году я написал бы не «Сто дней до приказа», а какой-нибудь благостно-уставной текст, что мне, кстати, и советовали сделать на беседах в тогдашнем ГлавПУРе. Но сегодня, в пору гласности, в пору, когда земля ходит под ногами, я не вижу особой доблести в том, чтобы играть в дразнилки с обозленной, и подчас справедливо, армией. Говорю это вам как давний нелюбимец Министерства обороны. Меня вообще беспокоит та ожесточенная конфронтация, которая нынче возникла между людьми речевого жанра и представителями других видов труда, не только военными. Тот факт, что голова соображает, еще не значит, что она может существовать отдельно от тела. Кстати, первое время после выхода повести периодические изда-

ния меня постоянно дергали как неперменного эксперта по делам СА и ВМФ, но постепенно мне удалось объясниться, что моя на шумевшая повесть, написанная по впечатлениям срочной службы, не повод, чтобы лезть со своими советами и рекомендациями в сферу, где специалистом я не являюсь...

Что же касается разговоров о возможном военном перевороте, то они чем-то напоминают мне слезные просьбы брата Кролика – «не бросать его в терновый куст»...

– *Что вы можете сказать о фильме «Сто дней до приказа»?*

– Что я могу сказать о чужой творческой работе? Повесть и сценарий послужили для режиссера Хусейна Эркенова лишь поводом для создания так называемого «авторского» кино. Многим очень нравится, многим очень не нравится...

– *А вам?*

– Я бы предпочел экранизацию. Но режиссер увидел так. Я уважаю чужую творческую индивидуальность и поэтому всячески помогал молодому талантливому режиссеру. В конце концов, если можно Сокурову, то почему нельзя Эркенову?

– *Все ваши повести или экранизированы, или экранизируются. Наиболее удачная киноверсия, на ваш взгляд?*

– Без сомнения, «ЧП районного масштаба» Сергея Снежкина.

– *Но комиссия по российским госпремиям предпочла ей другую ленту на аналогичную тему – «Слугу» В. Абдрашитова и А. Миндадзе.*

– Хорошая картина. Но авторы, насколько я знаю, не столкнулись с запретами и умело организованными трудностями ни во время съемок, ни тем более в вопросах проката, поэтому лавры им нужнее. Нам же со Снежкиным достаточно терний – лучшей награды эпохи гласности.

– *А как вы относитесь к эротике?*

– С интересом. Я вообще считаю, что уровнем эротического сознания во многом определяется культурный уровень общества. Долгие годы в нашей литературе в данном смысле господствовал соцреалистический канон, и если бы эти выхолащенные худпроизведения случайно попали в какую-нибудь другую цивилизацию и там попытались бы на их основе смоделировать земную жизнь, то пришли бы к выводу, что земляне размножаются при помощи деления или почкования...

– *А теперь?*

– А теперь, мне кажется, они решили бы, что все материальные и духовные ценности на Земле создаются при помощи возвратно-поступательных движений, производимых человеческими особями с некоторыми анатомическими различиями, а иногда и без оных...

– *А подробнее?*

– Подробнее в моем эссе «Об эротическом ликбезе...», опубликованном в журнале «Иностранная литература» (1989, № 5), и в книжке «Апофегей».

– *Правда, что Театр имени Маяковского ставит «Апофегей»?*

– Правда. И даже, наверное, скоро поставит...

– *А что новенького?*

– Новенькое – новая повесть «Парижская любовь Кости Гуманкова».

– *Значит, в Союзе проблем уже нет. За рубеж потянуло? Кстати, а вам никогда не хотелось сменить страну проживания?*

– Нет. Я, знаете ли, всегда считал, что живу в Отечестве, а не в стране проживания...

– *А как же писатели-эмигранты – Солженицын, Аксенов, Максимов, Зиновьев, Войнович, Лимонов? Или они, по-вашему, родину не любили?*

– Все они были изгнаны или выдвинуты из страны, а это совсем другое дело. От остракизма никто не застрахован, и некоторые из названных вами, насколько я знаю, собираются вернуться... А главное, каждый сам выбирает себе судьбу: желание жить на родине или «охота

к перемене мест» – это не есть достоинство или недостаток, это просто особенность того или иного человека. Слава богу, что уезжающих теперь перестали считать предателями, дело за малым – перестать считать дураками остающихся...

– Вернемся к *«Парижской любви»*. О чем ваша повесть?

– Если вообще можно рассказать, «о чем повесть», то она о русских за границей. Была такая излюбленная тема в XIX веке, была, а потом вся вышла под влиянием известных политических обстоятельств. Теперь она возродилась. Российский подданный за границей бывал нелеп и забавен, но жалок он стал лишь в советский период нашей истории. Это очень грустно, и повесть моя грустная, но читать ее будет весело. За это я ручаюсь.

– И появится она, как всегда, в *«Юности»*?

– Да, в середине года...

– А почему всю свою прозу вы печатаете в *«Юности»*?

– Это мой журнал. С ним, с его главным редактором Андреем Дементьевым меня связывает очень многое, журнал насмерть бился за то, чтобы мои «непроходимые» повести увидели свет. И еще: интересно печататься в интересном журнале. Но печатаюсь я не только в *«Юности»*, но и в *«Московском комсомольце»*. Ведь я дебютировал в *«МК»* в 1973 году... И поэтому по многолетней традиции фрагмент новой повести я вынесу сначала на суд читателей *«МК»*.

Павел ГУСЕВ

«Московский комсомолец»,

19 января 1991 г.

Апофегей союзного масштаба

– Юрий Михайлович, ваши повести «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», увидевшие свет на страницах журнала «Юность» с наступлением гласности, сразу стали не только фактом литературы, но и мишенью для ожесточенных нападок со стороны многочисленных оппонентов, некоторые из которых не могут успокоиться до сих пор. Появившийся чуть позже в том же журнале «Апофегей» уже не вызвал столь бурной реакции, хотя в нем довольно откровенно показана скрытая от многих глаз жизнь партийных функционеров. А опубликованная летом – осенью этого года «Парижская любовь Кости Гуманкова» на фоне нашей усложняющейся и ужесточающейся с каждым днем жизни вообще выглядит милым анекдотом на любовно-идеологическую тему. Такое снижение политической, социальной остроты ваших произведений – случайность, дефицит «закрытых» тем или свидетельство изменения некоторых гражданских, писательских позиций?

– Начнем с того, что моя первая повесть «ЧП районного масштаба» появилась в самый канун наступления гласности, зимой 1985 года, и появилась благодаря настойчивости конкретного издания – журнала «Юность», благодаря твердости позиции конкретного человека – главного редактора журнала Андрея Дементьева. Нынче многие литераторы не любят вспоминать тех, кто помогал им преодолевать «препоны и рогадки цензуры», скромно ссылаясь исключительно на свой талант и личное мужество. Кстати, если кто-нибудь думает, что сегодня цензуры не существует, то он заблуждается, просто она стала тоньше и безнравственнее, потому что у тех застойных «непускателей» с Китайского проезда была инструкция, утвержденная наверху, а у нынешних, как правило, личные и глубоко осознанные мотивы. Например, недавно меня пригласили поучаствовать в «Пресс-клубе» Авторского телевидения. И что же? Через неделю я наблюдал на экране свою безмолвную физиономию: ничего из сказанного мной в эфир не попало. Вот такая, понимаете ли, авторская цензура.

Что же касается, как вы говорите, снижения остроты моих последних вещей, то это совершенно естественный процесс. Эпоха «разгребания грязи» и «срывания всех и всяческих масок» заканчивается. Людям интересно читать о жизни, а не о грязи. Кроме того, «разгребателем грязи», или «чернушником», я себя никогда не чувствовал, а просто темы – комсомол, школа, армия, к которым я, следуя своему личному опыту, поначалу обратился, были настолько замифологизированы и затабуированы, что любое слово достоверности воспринималось читателями как откровение. Придуманной действительности социалистического реализма достоверность была просто не нужна, и в известной степени литература первых лет гласности была возвращением к нормам критического реализма. Точность – вежливость писателя. Увлечательность, кстати говоря, тоже. Это мой принцип. Кроме того, по моему убеждению, с возрастом писатель должен становиться добрее: чем глубже вникаешь в жизнь, тем терпимее становишься. От объявления, скажем, всех партократов монстрами до концлагерей всего один шаг. Кстати, сочувствующие мне читатели смогут проследить эту мою внутреннюю эволюцию по трехтомнику, который готовится к выпуску Санкт-Петербургским отделением издательства «Художественная литература» и «Библиотекой для чтения».

– В таком случае можно сказать, что в вежливости вам не откажешь. Хотя «вежливость» писателей в последнее время стала притчей во языцех. Правда, в данном случае имеется в виду не увлечательность их произведений, а яростный дележ власти, размежевание на лагерь, союзы. Каково ваше отношение к этому процессу и к какому «берегу» вы примкнули?

– Еще два года назад я считал, что разделение писателей на различные союзы, клубы необходимо, поскольку очень сильно разнятся их политические взгляды, идеологические позиции. Мне казалось, что такое размежевание будет способствовать примирению, так как люди окажутся в родственном окружении, страсти улягутся. Сейчас я вижу, что разделение приво-

дит к еще большей конфронтации и, что меня более всего беспокоит, к новой политизации литературы.

Одну большую соцреалистическую клетку, выстроенную сталинизмом для литературы, многие писатели сменили на клетку поменьше и искренне считают, что свобода творчества заключается в свободе выбора клетки. Хорош писатель или плох, критике, как правило, все равно, ее гораздо больше интересует, свой он или чужой. Если свой, любая абракадабра тут же квалифицируется как новое слово в отечественной словесности, если чужой, то никакая художественность и читательская любовь не спасет автора от презрительно оттопыренной литературно-критической губы. И левые и правые в этом смысле одинаковые. Ладно еще, когда речь идет о служении какой-то политической идее, но, как правило, это просто мелкое прислуживание конкретной и сиюминутной политической группе.

Конечно, я не наивный юноша и сознаю, что абсолютную независимость в этом пронизанном всеобщей взаимозависимостью мире литератор сохранить не может, но ту внутреннюю свободу, о которой говорили классики, обязан. Подозреваю, нынче это нужно писателю не менее, а может, и более, чем в застойный период.

– *Ваша творческая позиция довольно крепка, о чем можно судить хотя бы по тому, что прозу Юрия Полякова хорошо знают не только русскоязычные писатели, но и любители литературы за рубежом. Однако, как мне кажется, не все ваши вещи – «переводные». Думаю, зарубежным читателям будут непонятны некоторые реалии нашего бытия, сложности, с которыми сталкиваются герои, особенности их мышления и разговора. Как преодолевается этот барьер?*

– Зарубежные страны – это не однозначное понятие. Если говорить о странах бывшего социалистического лагеря, то там читателям, полагаю, хорошо понятно все, о чем я пишу. Американцам или французам, конечно, понять нас труднее. Но сверхзадача писателя заключается в том, чтобы создать в своих произведениях такой уровень художественности, ради постижения которого зарубежные читатели старались бы понять и реалии нашего быта. Но это, конечно, очень трудно, почти невозможно...

Многие мои переводчики жаловались, что непросто сохранить особенности языка, найти аналоги для специфических выражений, игры слов. Никому так и не удалось найти эквивалент названию повести «Апофегей». Ведь это словечко, придуманное героиней, – не просто гибрид слов «апофеоз» и «апогей», это – образ жизни и мышления.

Но, честно говоря, это меня совсем или, точнее, почти не огорчает, потому что мой читатель, ради которого работаю, читает по-русски. И мне смешны некоторые мои коллеги, превратившиеся в коммивояжеров. Растолкав свои книжки по двадцати странам, они серчают на соотечественников, не желающих читать их работы. Конечно же они уверены, что виноваты соотечественники, грубые и нелюбопытные. Но я-то полагаю, что все как раз наоборот.

– *Ваш «Апофегей» написан в 1987–1988 годах. С тех пор многое изменилось. В чем вы видите «апофегей» нашего времени?*

– Наш «апофегей» заключается, на мой взгляд, в том, что люди, которые после упорной борьбы положили наконец руки на рычаги власти, гораздо лучше знают, как отстранять от этих рычагов своих противников, чем как при их помощи управлять страной.

Второй раз за столетие в пылу борьбы за власть разрушается то, чего ни в коем случае нельзя трогать, – так называемые государственные устои. Это похоже на то, как если бы противоборствующие силы в Голландии взорвали все дамбы и плотины, – страна, находящаяся, как известно, ниже уровня моря, была бы залита водой, и погибли бы все.

У кого-то, конечно, есть спасательные катера и даже яхты, кто-то уже успел «катапультироваться» за рубеж. Но у основной массы нашего народа нет даже спасательных кругов. И я, как многие, кто никуда не собирается «уплывать», смотрю на все это с тоской.

– *Неужели вы не верите в спасение во время этого всеобщего «потоп»?*

– Мне не остается ничего другого, как верить. Когда-то, еще молодым, «зеленым» студентом, я все допытывался у представителей дореволюционной интеллигенции, оставшихся в живых потомков дворянских семей: «Как же вы поверили большевикам, их вранью?» А теперь я понимаю – у них было безвыходное положение. Надо было верить в силу и успех новой власти. Только так можно было выжить. Наверно, и сейчас ситуация похожая. А ведь я еще принадлежу к той небольшой части нашего общества, которой перестройка принесла улучшение жизни. Для меня – это книги, спектакли, фильмы, и как результат – известное улучшение материального положения моей семьи. Но я, выросший в московском заводском общежитии и до конца не порвавший связей с этой средой, вижу: положение тех, кого старая пропаганда именovala «трудящимися», просто отчаянное. Телевизор – не холодильник, и бесконечными банкетами-презентациями на экране сыт не будешь. Просто какая-то чудовищная отечественная традиция: социализм строили за счет ограбления простого человека, капитализм начинаем строить за счет того же самого. Одним словом: «Белые приходят – грабят, красные приходят – грабят. Куда ж крестьянину податься?» А куда в таком случае подается «крестьянин», очень хорошо известно...

– Вас не пугает понятие «капитализм», который мы сейчас, как вы сказали, строим? Многие наши политические деятели предпочитают говорить о «социализме с человеческим лицом», или о «шведском социализме».

– Конечно, давать название неведомому пока еще нашему будущему строю сейчас опрометчиво. Мы так и не поняли до сих пор, в каком строе жили. Но, судя по всему, возникает нормальное классовое общество. Этого термина я не боюсь. История доказала, что эксплуатация человека человеком более эффективна, чем эксплуатация человека государством.

Но я боюсь, что мы опять получим не возникшую естественным образом общественно-экономическую структуру, а нечто спешно сколоченное, как раньше – социализм. Прежде говорили: построим социализм за две-три пятилетки! Сейчас призывают построить капитализм за 500 дней, за год... Та же штурмовщина, тот же чисто большевистский подход к истории, которую пытаются перекроить по законам, кажущимся в настоящий момент более перспективными.

Я не хочу сказать, что знаю истину в последней инстанции. Но я уверен, что действовать теми же методами, что раньше, нельзя. Если не на чужих, то хоть на своих ошибках учиться надо.

Человеческой природе вообще присущи одновременно и капиталистическое, и социалистическое начало. И во взаимодействии, равновесии этих начал, очевидно, может возникнуть некая общественная гармония. В Швеции, часто приводимой в пример, сейчас началось наступление на социализм. Конечно, он дает какие-то равные возможности всем гражданам, но в то же время приглушает энергию человека, его инициативу. Надо как-то контролировать соразмерность в обществе двух этих компонентов – социализма и капитализма. Однако это возможно лишь тогда, когда отлажены все общественные механизмы, а этого наскоком не добиться.

Нельзя забывать, что в нашей стране за 70 с лишним лет вследствие целенаправленного идеологического воспитания социалистические элементы сознания у людей преобладают. Объяснить миллионам людей, воспитанным на социалистических ценностях, что молодые предприниматели, играющие в «римский клуб», по-своему правы, невозможно. Допустим, я, привычный к отвлеченному мышлению, социологическому моделированию, могу представить, что уже следующее поколение новых Артамоновых будет другим. Но человек, который, глядя на «роскошную» жизнь нового класса, не может отоварить свой единственный талон на водку или сахар, этого не поймет.

Мы долго издевались над системой американских жизненных стандартов. А ведь благодаря этим стандартам американцы сумели примирить непримиримое – различные слои обще-

ства. Система налогов, социальные гарантии и другие усилия государства направлены на то, чтобы дать возможность большей части населения поддерживать вполне приемлемый уровень жизни. Понимаете, антагонизм между человеком, имеющим старенький поломанный «Запорожец», и владельцем «Мерседеса» меньше, чем между теми, кто имеет хоть какую-то машину, и кто совсем ее не имеет. А у нас сейчас именно такая ситуация: при резком падении уровня жизни еще и резкая поляризация имущих и неимущих. Это – естественный процесс изменения в экономике, но в данном стремительном имущественном расслоении уже таится колоссальная угроза для нынешней власти.

– Многие экономисты и политологи считают, что в возникшей сейчас критической ситуации нас сможет спасти активное привлечение в экономику иностранного капитала. Другие же в этом видят «распродажу» Москвы и всего государства. Каков ваш взгляд на эту проблему?

– Я не специалист в экономических вопросах. Но мне кажется, что сам факт привлечения иностранного капитала пугать не должен – так поступают многие государства. Важно – для чего все это делается? Если для того, чтобы мы могли усовершенствовать наше отсталое производство, закупить необходимые товары народного потребления и продукты, – то пожалуйста. Но совсем другое – если доллары используются для того, чтобы очередной наш нувориш набил карманы и, отослав свой депутатский значок президенту, отбыл на место жительства за рубеж. Здесь должны строго действовать новые государственные структуры, если они действительно стоят на защите интересов государства и своих граждан.

Мы долгое время играли в интернационализм, когда наше государство преподносилось лишь как звено в мировой системе социализма. Наигрались, разорили страну. Сейчас пришло время разумного государственного эгоизма. И если учиться у Америки, то не только тому, как делать жевательную резинку, а тому, как надо блюсти государственные интересы, которые там – превыше всего. И свои отношения с новыми суверенными государствами, на мой взгляд, надо строить с тех же позиций. И свободолюбие нужно оплачивать из своего кармана, а не из кармана соседа.

– Сейчас очень трудно понять, в каком государстве мы живем – СССР, ССГ, СНГ... Каждый день приносит новые сюрпризы. Недавно, проснувшись, мы узнали, что живем уже не в Центре, не в столице Союза, а просто в Москве. Как вы, коренной москвич, к этому отнеслись?

– Москва – это такой исторический и геополитический центр, что от перемены расположения каких-то присутственных мест ничего не изменится. Для меня гораздо важнее географической символики те исконно российские земли, которые в результате административного идиотизма оказались по другую сторону намечающихся границ между суверенными государствами. Земли предков – это не торт с надписью «Дорогому другу в день рождения!». Съел – и забыл. Забыть могут политики. Народ помнит всегда. И припомнит...

Беседу вела Л. ФОМИНА

«Московская правда», 21 декабря 1991 г.

Интервью 1992-1994

Даже раб, прошедший молодость на галере, вспоминает не только плети и цепи, но и красоту моря, и соленый ветер в лицо

– Юрий, Михайлович, на дворе лето, как говорится, перезимовали... Как чувствует себя писатель Поляков? Скажите, надеетесь вы на лучшее?

– Конечно, проще всего ответить классической формулой: пока живу – надеюсь. Но если говорить откровенно, нынче для меня время тревожного ожидания и мучительной раздвоенности. Мы все мечтали о переменах, но любая реформа – это скальпель, которым можно и спасти, и зарезать. Все зависит от того, как относиться к человеку, ведь от настойчивых призывов потерпеть до общеизвестного «лес рубят – щепки летят» не так уж далеко.

Меня пугает та нетерпеливая поспешность, с которой нас гонят теперь уже из социализма в капитализм, но все той же железной метлой. «500 дней» и «пятилетка в четыре года» – это, увы, очень похоже. Я вообще считаю, что большевизм – никакое не «политическое течение». Это политический метод, суть которого в пренебрежении нравственностью и человеческими судьбами ради победы, успеха, торжества идеи – не важно какой. Большевиком может быть и коммунист, и демократ, и монархист... Я с ужасом вижу, как иные нынешние деятели «большевеют» на глазах. Боже, как все повторяется: та же грызня между вчерашними соратниками, те же поиски саботажников и вредителей, та же чудовищная коррупция среди недавних бескорыстных говорунов... Второй раз за один век войти в тот же самый поток нечистот – это, согласитесь, ужасно!

Наконец, сами нынешние формы борьбы за власть мне напоминают давний юмористический рассказ про мозговую косточку, где герой, стараясь выбить из косточки мозг, разнес вдребезги все – мебель, квартиру, дом... Нет, я не идеализирую минувшие времена: страх человека перед государством – это жутко и унижительно. Но страх гражданина за государство – несколько не лучше...

– Вроде бы стало уже общим местом отмечать «благотворное влияние периода застоя нашего общества на советскую литературу». Так было благотворное влияние, на ваш взгляд, или нет?

– Литературе периода застоя я хочу сказать похвальное слово. Да, был соцреализм, кстати, его наиболее оборотистые представители уже сегодня благополучно освоили «капреализм». Но было и настоящее, серьезное искусство, являвшееся практически единственной легальной оппозицией тогдашнему режиму. Каждая новая вещь Юрия Трифонова, Валентина Распутина, Фазиля Искандера, Виктора Астафьева, Андрея Битова, Владимира Соколова и многих других воспринималась не только как событие литературы, но и как факт духовного сопротивления.

– Вы привели в пример очень разные имена.

– И сделал это сознательно, хотя мои читательские симпатии между этими авторами распределяются далеко не равномерно. Но есть объективная история отечественной словесности, и переписывать ее в очередной раз лишь потому, что эти писатели оказались по разные стороны политических баррикад, безнравственно. Ложь во имя демократии так же недопустима, как и ложь во имя тоталитаризма.

«Застойная» литература выработала свой, особый «симпатический язык» – тайнопись, давшую ей возможность высказывать практически все если не в тексте, то в подтексте. Посвя-

ценные понимали, а посвященной была практически вся читающая публика. Скажу больше: «симпатическая» литература преодолевала запреты и табу, как правило, чисто художественными средствами – емкостью образа, многозначностью символа, глубиной слова и так далее. Это была мощная эстетическая система, а параллельное существование литературы русского зарубежья и андерграунда не умаляет – подчеркивает ее достоинства. И люди, которые сегодня хоронят так называемую «советскую литературу», напоминают чем-то достопамятных недоучившихся студентов, возвратившихся в свои университеты, но уже в кожанках и с маузерами.

Другое дело, что время той «симпатической» литературы кончилось. И тайнопись умирает, как язык-свист гуанчей. Сейчас мы переживаем период, который можно, переосмысливая термин Юрия Тынянова, назвать «промежутком». На мой взгляд, в этом промежутке происходит синтез трех основных направлений – советской литературы, андерграунда и литературы русского зарубежья. Надеюсь, этот процесс даст нам в ближайшее десятилетие новую словесность, достойную, если выражаться «застойным штилем», нашего сложнейшего и противоречивейшего времени.

Нет, я не испытываю ностальгии по застою, хотя там и осталась моя молодость. Впрочем, даже раб, проведенный молодость на галере, вспоминает не только плети и цепи, но и красоту моря, соленый ветер, как говорится, в лицо... Все это мучительно неоднозначно, запечатлеть эту муку – одна из главных, наверное, задач моего поколения литераторов. Литература обязана оставить художественную правду о застое, а не очередной идеологический миф о подлом времени монстров и недотеп. Я уже как-то писал, что ироничность – отличительная черта моего поколения литераторов. Но сегодня, похоже, торжествует не ирония, а глумление, а оно, как ни странно, испытанное средство освободить нишу для нового кумира, подготовить общественное сознание для новой волны славословия. Когда пробьет час, глумливцы мгновенно превратятся в льстецов, оставив совестливых писателей, журналистов, киношников один на один с властью, заматеревшей и уже не желающей слышать о себе ничего плохого.

– *Боюсь, что в этом случае литература вообще встанет перед проблемой постижения...*

– Увы, уже сегодня перед литературой стоит не только проблема постижения, но и проблема выживания. Я помню, сколько усилий понадобилось журналу «Юность» и его главному редактору Андрею Дементьеву, чтобы пробить мои повести «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей». За каждое более или менее правдивое слово приходилось дорого платить. Теперь дорого приходится платить за бумагу. Коммерциализация издательского дела нынче затыкает писателю рот не хуже, чем приснопамятный Главлит. А ведь читателю не так уж важно, из-за чего опаздывает к нему хорошая книга – из-за бдительности цензора или из-за неподъемной стоимости бумаги. Русская литература в свое время сыграла огромную роль в либерализации общества, а значит, и в приближении революции. Наградой (или возмездием?) стали идеологическое ярмо и погонщики вроде Жданова. Хорошо поработали писатели и расшатывая тоталитаризм. В результате получили полную свободу тонуть в рукотворном море новых экономических отношений. У государства на помощь уже нет денег, у нарождающихся предпринимателей – еще нет. Потом посиневшее тело отечественной словесности будут сообща откачивать. Откачают. Но целое поколение писателей может снова оказаться невостребованным, уже не по идеологическим, а по экономическим обстоятельствам...

– *Может быть, все дело в профессионализме?*

– Да как вам сказать... Раньше, вступив в Союз писателей, можно было уже и не писать, а просто состоять в писателях. Государство на всякий случай подкармливало. Раньше этим жили – теперь невозможно. Случайные люди, забежавшие в литературу, что называется, с холоду, уже все поняли и ушли в бизнес, в средства массовой информации – в политику, где, я думаю, с ними еще хлебнут горя. Непрофессионалы – везде непрофессионалы. А вот многим настоящим писателям сейчас очень тяжело: чем талантливее человек – тем он требовательнее

к себе; чем он требовательнее к себе – тем труднее пишет, а чем труднее он пишет – тем меньше он зарабатывает...

На мой взгляд, перед Союзом писателей, точнее, перед тем, что от него осталось после штурмов кабинетов и сжигания чучел, сегодня стоит не политическая, даже не творческая, а, скорее, организационно-филантропическая задача. Нет, я не наивный юноша и понимаю: от политизации литературы сегодня никуда не денешься – слишком разные силы и идеи стоят за расколом. Но, наверное, сначала нужно собраться и придумать, как сделать так, чтобы отечественная словесность не стала побирушкой на вожделенном рынке. А потом уже те, кто хочет, могут расходиться за барьеры и «целить в ляжку или в висок»...

А если говорить конкретнее, то я убежден: главной писательской структурой со временем станет добрый старый Литфонд. Он должен быть собственником всех наших средств и достояний, полностью деидеологизированной организацией, вокруг которой и на средства которой будут существовать писательские союзы, ассоциации, клубы и т. д. Возник, скажем, клуб писателей – защитников Белого дома – пожалуйста, помещение и средства на организационно-творческую работу. Распался этот клуб по причине споров о том, кто пришел к баррикадам первым, – извините, господа, у нас тут на подходе ассоциация литераторов-постсоцреалистов...

– *Резонно и рационалистично. Вы не заметили, что слово «рационализм» вчера звучало как «цинизм», сегодня – как «может быть», а завтра, когда подрастет поколение вашей одиннадцатилетней дочери?..*

– Рационализм, конечно, не помешает. Поколению моей дочери придется начинать в трудном мире. Я, по крайней мере, вырос в обществе, где одряхлевшая бессмыслица выстраивалась в некое подобие закономерности. На долю же моей дочери выпадает мир, где во имя грядущей закономерности торжествует подчас молодая, агрессивная бессмыслица, что, в общем-то, типично для такого тектонического времени. Но рационализм – это тактика, а не стратегия человеческой жизни.

– *А что же, по-вашему, стратегия?*

– Вера, любовь, доброта, патриотизм, наконец...

– *Что же это мы до сих пор о патриотизме-то не поговорили? Как вы к нему относитесь?*

– Если хотите, я сторонник рационального патриотизма, и это не противоречит сказанному выше. Только не нужно путать с патриотическим рационализмом: человек начинает страстно и шумно любить родину, когда это становится выгодно. Если завтра верховодство страны вдруг провозгласит патриотизм генеральной линией, чего я, кстати, не исключаю, – сколько сегодняшних «граждан мира» даже спать будут, подложив под голову «Наш современник» и укрывшись «Днем».

Патриотизм, на мой взгляд, обязан быть рациональным, ибо грань между ним и национализмом очень хрупкая – «нажал и сломал». Сердечная любовь к своей родине должна непременно сочетаться хотя бы с рассудочным уважением к интересам других народов. И мне, честно говоря, странно, когда наш старший заокеанский брат называет свои ракеты «Patriot». Но еще страннее, по-моему, выглядит то травоядное добродушие, которое проявляют иные наши политики, когда речь заходит о вековых интересах России. На словах они вроде и радеют за державу, но это какой-то шахматный патриотизм: сегодня играем белыми, а завтра можем сыграть и черными.

Кстати, довольно скоро выяснилось, что всякое новое мышление – это хорошо забытое старое мышление. Нынешнюю национальную ситуацию в стране я определяю для себя как «синдром матрешки». Обретая суверенитет, то есть вылезая из большой матрешки, та, которая поменьше, первым делом говорит другим, оставшимся внутри ее: сидеть тихо! Не высываться! Но процесс, как говорится, пошел – и «высунуться» хочется всем. В результате вчерашние жертвы «имперского центра» сами превращаются в «имперские центрики».

А то, что происходит сегодня между Россией и Украиной, вообще мне кажется каким-то «кошмаром на улице Вязов». Это похоже на схватку сиамских близнецов: кто бы кого ни одолел, худо будет обоим.

– *Прогноз леденящий. Кстати, в вашей новой повести «Демгородок» вы тоже пытаетесь прогнозировать. Или это не прогноз, а что-то другое?*

– Спросите сегодня у обывателя: что ему милее – «развитой социализм» или недоразвитый капитализм? Полагаю, очень многие выберут первое. Человеку чисто психологически ближе бесперспективная стабильность, нежели перспективный хаос. Неудавшаяся попытка демократизировать Российскую империю привела к морям крови и жесточайшей политической системе, по сравнению с которой самодержавие казалось земным раем. А к чему может привести неудавшаяся попытка демократизировать Российскую Федерацию и шире – бывший Советский Союз? Что будет, если эксперимент № 2 не удастся? Собственно, размышления об этом и привели к новой повести. Называется она «Демгородок». Так окрестные жители именуют строго охраняемый садовый поселок, где после военного переворота изолированы основные демократические деятели, начиная с президентов и заканчивая особенно неумным поэтом-сатириком. Жизнь этих людей в крошечных домиках на шести сотках со своим огородиком – жизнь такая же невнятная, как и их предыдущая деятельность, – служит тем фоном, на котором возникает любовь демгородковского ассенизатора Мишки Курылева и дочери видного прораба перестройки, выпускницы Оксфорда. Повесть получилась грустная, ибо смеяться над человеческой трагедией можно только до слез.

Выдуман, точнее смоделирован, лишь основной ход – страна под властью диктатора. Все остальное – слова, идеи, поступки, лица – взято из окружающей нас абсурдистской действительности и сконцентрировано. Картина, доложу я вам, получилась неожиданной даже для самого автора. «Демгородок» – это, по сути, наша сегодняшняя жизнь, это моя попытка предостеречь тех, кто не понимает: бездарная демократия – самый короткий путь назад, в тоталитаризм.

Беседу вела Е. АРСЕНЬЕВА

«Литературная газета», 17 июня 1992 г.

Полный апофегей!

Так уж повелось, что имя моего друга писателя Юрия Полякова вечно связано со скандалами. Это удивительно тем более, что Юра – человек очень мирный, предпочитающий отшельничество и одиночество, редко вылезавший на телевидение, радио или сцену – как театральную, так и политическую. Первый громкий скандал был связан с его первым произведением в прозе – повестью «ЧП районного масштаба». В годы самого крутого застоя и самой тяжелой политической цензуры он написал очерк нравов комсомольской элиты. Повесть не печатали, а молва о ней уже тихо катилась по стране, так что имя Полякова стало известно раньше, чем его проза. Парадокс, конечно, но факт. Невероятными усилиями главного редактора «Юности» Андрея Дементьева «ЧП» все же пробилось на волю, повергнув в шоковое состояние комсостав 80-х годов. Началась перестройка, а у Полякова уже была заготовлена очередная пуля – повесть «100 дней до приказа», выворачивающая изнанку той армии, которая предпочитала показываться только отутюженным мундиром. Возни с этой повестью было еще больше, чем с «ЧП», потому что, несмотря на перестройку, армия оставалась силой более крепкой, чем комсомол в застой. Имя Полякова опять замелькало, теперь уж со скандалом, разразившимся в самом журнале «Юность».

– Юра, ну почему ты не можешь жить спокойно? Такой с виду тихий человек, а как скандал, так Поляков! А если серьезно, попробуй проанализировать, что же все-таки произошло с любимым тобой и целым нашим поколением журналом «Юность».

– Произошел конфликт, какие сейчас часто случаются в творческих коллективах и в результате которого часть сотрудников ушла из журнала. Но конфликты продолжались, и, мне кажется, сыграл свою подлую роль вкус приватизации, когда сотрудники почувствовали себя полными хозяевами журнала. Андрей Дементьев давно подумывал оставить пост главного редактора и неоднократно говорил, что, по традиции, хотел бы передать журнал в более молодые руки. Он предполагал, что коллектив выдвинет свою кандидатуру, а сам в качестве преемника называл меня.

– Ну это, допустим, вполне логично. Все твои повести сначала печатались в «Юности», с журналом связана вся твоя жизнь, поскольку ты был членом редколлегии журнала. Но выборы редактора так и не состоялись?

– В том-то и дело! Дементьев, еще не подавая заявления об отставке, ушел в отпуск, планируя после его окончания на общем собрании выбрать главного редактора. И вдруг в газетах появляется сообщение, что коллектив избрал им бывшего первого зама Виктора Липатова. Это при живом-то главном редакторе!

Не поставили даже в известность никого из членов писательской редколлегии. А ведь в ней есть такие люди, которые стояли у истоков журнала и были членами редколлегии «Юности» со дня ее основания: например, Виктор Розов. Мы написали письмо – а под ним, между прочим, подписались Аксенов, Рождественский, Вознесенский, Борис Васильев, Розов, Славкин, Искандер, Арканов и другие, – где просили все же устроить собрание и провести выборы редактора. А в ответ все мы получили уведомление, что нас благодарят и в наших услугах не нуждаются.

– Люди борются за свой кусок хлеба любой ценой – увы, на сегодняшний день это весьма типичная картина. Конечно, они испугались: вот придет Поляков и сменит всю команду. С житейской точки зрения их можно понять. Но что же будет с «Юностью»?

– Журнал уже полгода не выходит. Борьба ведь отнимает очень много времени. И уж конечно той «Юностью», которую все читали много лет, она, наверное, уже не будет. Журнал был силен именно своими авторами, писателями и поэтами, на которых, собственно, и подписывались читатели и от которых так легко отмахнулись. Во всяком случае, я свою новую повесть туда уже не отдам, хотя она и про-анонсирована. Для меня «Юность», увы, закончилась.

– В тебе говорит обида...

– Да, обида. Но не потому, что я не стал главным редактором. Я был редактором в 26 лет и имел все перспективы для роста в этом плане, но ушел на вольные хлеба, о чем нимало не жалею. Обидно за журнал, властитель дум не одного поколения. Обидно за Дементьева, который отдал журналу двадцать лет жизни и невероятные душевные силы, а первой же акцией нового главного редактора Липатова стало то, что он снял из первого же подписанного им номера статью Дементьева, где тот попрощался с читателями...

Есть еще один для меня убийственный момент во всем произошедшем. Я никогда об этом не говорил, но теперь скажу: именно Липатов был все эти годы лютым противником моих публикаций в «Юности». Все началось еще с тех времен, когда он работал обозревателем в «Комсомольской правде». Тогда, в начале 1985 года, разгорелись споры вокруг «ЧП районного масштаба», повесть «не пускали», было трудно, и «Юность» хотела заручиться поддержкой «Комсомолки» после того, как отрывок из повести уже напечатал «Московский комсомолец» и получил за это. «Комсомолка» обещала поддержку, а вместо этого появилась разгромная статья Липатова «Человек со стороны».

– Жаль, очень жаль «Юность». Жаль, что у нас теперь нет такого издания, которое бы владело умами, как «Юность», как «Литературка» 70-х...

– А такое издание сейчас и невозможно. В обществе произошла невероятная дифференциация, и люди расплозились по своим норам. При всей трафаретности фразы о небывалом единении советского общества в ней был глубокий смысл. То ли от общей беды, то ли от жесткого идеологического контроля в обществе все же было некое единство взглядов и были издания, которые эти взгляды притягивали. Теперь все распалось, расслоилось, раздробилось, и взгляды тоже.

– Это плохо?

– Это данность. Идея, которая на сегодняшний день может сплотить общество, только выковывается – это, безусловно, идея государственно-патриотическая, но не в ее экстремальных формах, конечно. Жить в стране и не быть ее патриотом – нелепо. Другой вопрос, сумеет ли она сформироваться, не будет ли изуродована.

– Что будет – неизвестно. Но сейчас я знаю одно: этот переходный период негативно сказывается на интеллектуальном потенциале нации, потому что с экранов, из газет, из книг нам суют жвачку, но не мысль. Посмотри на книжные лавки, на репертуар кино и видеосалонов, поддержи в руках газеты и журналы – тебе не страшно?

– То, что происходит, это, конечно, трагедия. Помнишь по истории, как после революции литература переживала «кафейный» период, когда не было бумаги и разрушены издательства, писатели и поэты читали свои произведения в кафе. Нечто подобное происходит и сейчас, когда при огромном количестве выпускаемой литературы собственно русские писатели оказались эмигрантами в своем Отечестве.

– Поэт и власть – это проблема не одного века и не одного общества, какой бы совершенной формации оно ни было. Но что же случилось у нас?

– Национальная литература лишена государственной поддержки. Писатели мечтают печататься за границей, чтобы прожить. Вот что произошло, на мой взгляд. Литература вообще, а русская в особенности, часто несла дестабилизирующий фактор в общество, не всегда разумно пользуясь своим положением властительницы общественного сознания. Новые власти великолепно воспользовались этим. Они решили так: литература свою дестабилизирующую функцию выполнила, помогла нам пробиться к власти – и хватит. Это чистейшее большевистское качество, так уже было: большевики блестяще использовали тягу русской литературы к свободе и общечеловеческим ценностям, а после революции засунули ее строить каналы. Сейчас происходит повторение того же, и это огромная ошибка нынешних властей, потому что литература все равно не умрет, но станет оппозицией к режиму.

– *Мне кажется, что наши новые политики вообще плохо понимают, что происходит и что они сами творят. Но, с другой стороны, мы же сами их выбирали...*

– Власть плюнула на писателей, как, в общем-то, плюнула на всех остальных. В нашем обществе произошло чудовищное коловращение. Долгие годы коммунисты отучали народ от самостоятельности, опекали его в плохом и хорошем смысле. Причем делали это методично и продуманно, истребляя самых лучших и смелых. В результате вырос народ с «детским» восприятием жизни. И этот инфантильный народ, с которым никогда не советовались и все за него решали, взяли и бросили в океан рыночной экономики – плыви кто сможет. А кроме того, наш «детский» народ выбрал в руководители черт-те кого, мы же никогда этого не умели делать! Но новая власть ведь не с неба свалилась, она жила в нашей жизни вместе с нами и благополучно переняла у коммунистического руководства абсолютно все приемчики, только в еще более уродливой, извращенной форме. Нас уже пытались загнать железной рукой к социалистическому счастью. А сейчас точно такой же железной рукой нас загоняют в капитализм. Я называю идеологию новой власти *необольшевизмом*.

– *Ты против реформ, которые они пытаются осуществить?*

– Никто против реформ не возражает, но ведь надо понимать, какой ценой они осуществляются. Если народ на пространстве осуществления этих реформ исчезнет, то, извини, на хрена такие реформы? Любое правительство, радеющее об обществе, видя это тотальное обнищание, тут же должно забить во все колокола и искать путь выхода из этой ситуации. А у нас вылезает очередная голова и удивляется: «Вы недовольны? Я не понимаю». Конечно, он не понимает, потому что вместе с психологией большевизма он унаследовал и все привилегии коммунистической номенклатуры, прилично их приумножив.

– *Меня эта безнравственность больше всего и поражает. Политика, конечно, грязная вещь, но не до такого же оголтелого цинизма! Они ведь пришли к власти на волне социальной справедливости, и сами эту идею втоптали в грязь.*

– Ты меня знаешь давно: я всегда выступал с критикой и комсомола, и партии, и армии. Тогда это были мощные организации. Но я прекратил всякие разговоры на эту тему, когда они оказались повержены. Во-первых, это не по-русски – бить лежачего, а во-вторых, все, кто пользовался этой системой, не имеют морального права обливать грязью ту идею, которой служили. Мы же на каждом шагу видим и слышим потоки грязи и клеветы в адрес нашего же прошлого. Завтра эти перевертыши сдадут и нынешнюю власть.

– *Но у нас же всегда так было: никто ни за что не отвечал. И за собственные слова в том числе.*

– Я человек некроважный. Но я глубоко убежден, что политики, виновные в обнищании или в любых других бедах нашей страны, должны быть примерно и жестко наказаны. А то ведь они совершенно открыто делятся с нами своими планами: ну, не получится руководить – уеду в иностранный университет лекции читать. Нет, ребята, если уж влезли в эту опасную игру – политику, будьте любезны ответить за каждый свой указ.

– *Что же делать? Судить их? Тогда кого бы ты посадил на скамью подсудимых первым?*

– Конечно, судить. Открыто, по закону, за нанесенный стране ущерб. И первыми судить президентов. Развал в стране начался с того, что они перепутали партийно-номенклатурные игры с реальным управлением страной. Это сходило с рук, когда страна держалась на КГБ, политбюро и армии, но когда мощные стержни были выдернуты и страна повисла как тряпичная кукла, заниматься этим – преступление. И они не должны уйти как ни в чем не бывало. Тогда следующее поколение политиков будет иметь перед глазами поучительный пример.

У Шекли, кажется, есть роман, где герой прилетает на другую планету и ему тут же предлагают стать ее президентом. Он соглашается, а потом узнает, что среди жителей этой планеты не нашлось желающих играть эту роль. Дело в том, что после назначения президентом ему в ухо вешается атомная серьга с дистанционным управлением, а кнопка находится в столице на открытом месте, и каждый, кто недоволен политикой президента, может нажать эту кнопку. Так вот, политики должны всегда помнить, что в ухе у них – серьга, а иначе мы будем иметь то, что имеем.

– *Но все же должен быть какой-то выход! Ты мог бы спрогнозировать, что будет?*

– В любом случае, независимо, удержится нынешняя власть или нет, скачком или постепенно, но национально-государственное мышление выдавит тех, кто пришел к власти из корыстных побуждений. Только жаркий патриот и умный государственный сможет привести общество к стабильности – другого пути нет. Я всегда писал и сейчас пишу о том, что мне не нравится в нашей стране, но я никогда не писал, что мне не нравится сама страна. А сейчас в литературе, и особенно в журналистике, появилась масса деятелей, которым не нравится именно страна. Да, у нас страшная история. Ужасный XX век обрушил на наши головы неисчислимы страдания, но это наша страна и наша история. Если бы в Америке появились журналисты, которым не нравится Америка, их бы быстро попросили сначала думать, а потом писать, что, кстати, и произошло после вьетнамской войны с группой резко настроенных репортеров.

В сущности, в журналистике происходит то же, что и во всей стране. Многие талантливые журналисты заговорили наконец во весь голос, но рядом выросла новая генерация газетных плебеев, которым развязность и необязательность заменили умение думать и писать. На меня чудовищное впечатление произвела передача, куда пригласили членов ГКЧП и, надо понимать, цвет нынешней журналистики. Так никто ж никого не слушал, все старались погромче выкрикнуть свой вопрос, и не только погромче, но и поразвязней, покруче. Конечно, сейчас серьезные журналисты оказались в невыигрышной ситуации: им нужно время, чтобы обдумать, а эти уже выкрикнули.

– *Давай поговорим о тебе. Когда-то запрет на твои повести помог тебе стать известным писателем. Сейчас запретов нет – и что?*

– Я продолжаю писать о том, что мне не нравится. Я вообще уважаю тех, кто остается верен себе, и сам стараюсь быть таким. После нескольких выступлений в эфире и в печати меня отлучили от телевидения.

– *Об этом подробнее, пожалуйста. Вряд ли это известные факты из жизни нашего очень демократичного телевидения.*

– В прошлом году меня пригласили в «Пресс-клуб», когда там обсуждались межнациональные отношения. Был сюжет об Алкснисе. Я сказал, что хотя он и не герой моего романа, но его слова о том, что будет происходить с русскими в Прибалтике, оказались точным прогнозом. Это вырезали. Потом показали сюжет – разговор Дудаева с Гамсахурдиа. Я взял слово и обратил внимание на то, что эти руководители двух крайне националистических республик общаются на русском языке. Все, что я говорил, вырезали, а мне потом звонило пол-Москвы и удивлялось, что это я молчал, может быть, с голосом что случилось? В общем, с телевидением мои отношения закончились. Очень жестокий моральный кризис я пережил, когда страна начала разваливаться. Я почти физически ощущал этот распад, и все, чем я занимаюсь, казалось мне мелочью по сравнению с этим глобальным разрушением. Потом начались скачки цен,

закрылись два фильма по моим сценариям, в двух академических театрах тормознули постановки моих пьес. В общем, год из моей литературной жизни был вычеркнут. Но потихонечку я начал выкарабкиваться. Я подумал о том, что нечестно было бы не зафиксировать происходящий вокруг абсурд. Время пройдет, и только через литературу потомки узнают об этих политиках-монстрах, перевертышах, смешных, нелепых людях, возомнивших себя вождями. Нужен был литературный ход. И я его нашел, копаясь однажды у себя в огороде. Вдруг произойдет военный переворот и к власти придет, например, капитан ядерной подводной лодки. Куда он денет нынешних «злодеятелей»? Он изолирует их в садово-огородном хозяйстве. Они будут там жить и вспоминать, как жили. Так появилась повесть «Демгородок», где соединены антиутопия, любовная история, детектив – этакий гибрид жанров.

– *Как ты думаешь, какая ее ждет судьба?*

– Думаю, что эта повесть не вызовет особой радости ни у правых, ни у левых, но у читателей – надеюсь...

Беседовала Ольга БЕЛАН

«Собеседник», № 12, 1993 г.ф

Прийти в себя

На следующий день к Демгородку подъехали две зарешеченные машины под охраной взвода спецназгвардейцев из дивизии «Россомон». Из машины вылезли оба-два экс-президента с супругами. Бывшие лидеры старательно, лишь бы не встретиться взглядами, озирались по сторонам, точно рассматривая одним им видимые фрески. После обоюдного рукоприкладства, случившегося во время очной ставки и показанного по приказу Избавителя Отечества всей стране по телевизору, они прекратили между собой всякое сообщение. И только жены чуть заметно кивнули друг другу... С лязгом отворились огромные бронированные ворота, и первые изолянты ступили на свежеположенный, мягкий еще асфальт. Их следы можно и сегодня увидеть возле третьего КПП.

«Демгородок»

– Юрий, мы давно с тобой знаем друг друга, не первый раз беседуем. И я заметила, что твои прогнозы – политические и социальные – обычно сбываются... Может, ты ясновидящий?

– Это вряд ли. Я даже не экстрасенс, хотя, по-моему, уже полстраны объявили себя экстрасенсами. Просто я стараюсь видеть и понимать, а не принимать на веру то, что нам пытаются вдолбить в головы вруны с интеллигентной хрипотцой в голосе. И еще я очень доверяю физиогномике. Лицо – зеркало души. Мой близкий друг года три назад просто заикнулся на одном видном политике: «Ты послушай, как он правильно говорит! Ты только послушай!» А я ему отвечал: «Ты лучше посмотри на его физиономию. У него же лицо мелкого снабженческого жулика, окончившего университет марксизма-ленинизма». В общем, мы поссорились. Недавно звонит: «Ты был прав! Как пелена с глаз спала...» Для того чтобы она не спадала, ее просто не нужно на себя вешать...

– Хорошо. А какие сегодня у тебя прогнозы? Как ты оцениваешь ситуацию в стране?

– То, что происходит сейчас в России, можно определить есенинской строчкой: «Еще закон не отвердел». Отсюда все наши беды. Но парадокс заключается в том, что закон и не может отвердеть, потому что тогда по нему придется отвечать. Кому-то – за непродуманные экономические акции, приведшие к пауперизации и даже «папуасизации» большей части населения. Кому-то – за поспешные политические решения, обернувшиеся удручающими территориальными потерями. А кому-то – за то, что даже не перепутали государственный карман с собственным, как говаривали при социализме, а попросту приватизировали этот самый карман...

Чтоб стало совсем ясно, проведу прозрачную аналогию. Часто изумляются, как это большевики все-таки победили – столько ведь врагов было! А победили они во многом потому, что знали: если придется отвечать за содеянное – Брестский мир, убийство царской семьи, красный террор и т. д., – то головы не сносить. И они легли костями, но добились: не они отвечали перед страной, а страна – перед ними. Собственно, это и было реальным политическим содержанием метафоры «диктатура пролетариата». Ситуации очень схожи. Да и вообще, мы снова являем миру свой особый путь: у нас тот, кто страну в хаос ввергает, сам же потом, строго покрикивая, порядок наводит. У нас, как правило, Альенде и Пиночет – одно и то же лицо...

– А как ты относишься к нынешней политической борьбе, к методам, которыми она ведется?

– Она напоминает мне дуэль на автогенах в пороховом погребе... Кажется, Черчилль в свое время сравнил политическую борьбу в СССР со схваткой бульдогов под ковром. Теперь они выскочили на ковер, сокрушили весь хозяйский хрусталь, мебель, пару стен повалили, того гляди – крыша рухнет. Конечно же просто необходимо ввести мораторий на действия, наносящие ущерб державе. Но, разумеется, и оппозиция должна в своей критике властей соблюдать деликатность. Нельзя же, в самом деле, походя бросаться такими обвинениями, как «агенты влияния» или «американские шпионы». Такие вещи доказывать нужно! Не доказал – судят тебя за клевету. Доказал – судят агента за влияние.

И еще одна историческая аналогия. Совсем недавно все удивлялись, как это Сталину удалось убедить народ, что вчерашние соратники Ленина – вражьи шпионы?! Теперь многое стало понятнее: вряд ли люди, еще помнившие «проклятый царизм», воспринимали словосочетание «соратники Ленина» в качестве безусловной похвалы. А вот слова «враги, шпионы, вредители» давали хоть какое-то внятное объяснение бесконечным измышательствам над страной. Нынешним политическим активистам надо бы призадуматься даже не над тем, что «непримиримые» все чаще стали обвинять их в шпионстве, а над тем, что нищающий обыватель все охотнее и охотнее подхватывает это обвинение. Впрочем, словосочетание «противник реформ» – это тоже всего лишь привал на пути к словосочетанию «враг народа»...

– Где же выход?

– А выход, по-моему, в том, чтобы к управлению страной пришли люди, для которых экономическая реформа – это реформа, а не палка, которой отбиваются от политических соперников. Второй конец палки, и гораздо больнее, всегда ударяет по народу.

– А разве есть такие люди? Что-то не видно!

– Поразительно, но средства массовой информации умеют заморочить голову даже самим работникам средств массовой информации. Помнишь, у Марии Мироновой была замечательная юмореска? Дама служила радиодиктором в ГУМе и, объявляя: «В четвертой секции поступили в продажу импортные сорочки...», бросала микрофон и тут же сама бежала за этими сорочками. Кстати, Гурнов, Флярковский, Цветов, Ростов и другие, работающие ныне не в самых слаборазвитых странах, чем-то напоминают мне этот персонаж Мироновой.

А если говорить о мифе про отсутствие новых политиков, то лично мне это очень напоминает уловки опостылевшей жены, которая долдонит мужу, что все остальные женщины страхилюдины. Авось поверит и не разведется... И если в телерепортажах не выбирать специальные ракурсы, при коих даже сократовский лоб выглядит неандертальским, и если не выхватывать из выступлений звуки, напоминающие бурчанье в животе, то даже совершенно неискушенные люди очень скоро увидят этих новых политиков.

– Ну хорошо, в политике все плохо. А в литературе?

– А в литературе, как выражается нынешняя молодежь, вообще – вилы. Третья историческая аналогия. Вскоре после Октябрьского переворота начался так называемый «кафейный период» отечественной словесности. Назывался он так потому, что в разоренной Гражданской войной России книги почти не выходили, и голодные писатели собирались в нетопленных кафешках и читали друг другу романы, поэмы, статьи, пьесы... Слава богу, сейчас социально-политическое противостояние еще не обернулось гражданской войной, а экономическая неразбериха – разрухой. И лотки завалены свежееотпечатанными книгами. Тем не менее наша современная литература сейчас переживает второй «кафейный период». На заваленных счастливыми проститутками лотках современных авторов вы почти не найдете.

У писателей есть известное профессиональное выражение – «писать в стол». В годы всемогущества цензуры в стол писали десятки литераторов. Их не печатали по идеологическим соображениям. Моя повесть «Сто дней до приказа» пролежала в столе семь лет, «ЧП районного масштаба» – пять. И это далеко не рекорд. Сегодня писателей не печатают по экономическим соображениям и в стол пишут сотни авторов! Причем я имею в виду не идеологически

выверенных бездарей, набившихся в литературу в годы застоя (они-то прекрасно устроились и уже взахлеб обслуживают новую идеологию), я имею в виду серьезных, талантливых писателей.

Конечно, можно заявить, что, мол, они стали хуже писать. А может, наоборот, люди стали хуже читать? Ведь эстетический вкус народа – вещь настолько хрупкая, что его нужно хранить в вате, а по нему грохнули миллионами пудов постыдной макулатуры! Уже говорено и переговорено, что экономящие на культуре экономят на будущем своего Отечества. Но вот странный факт: эта расточительная экономия торжествует именно тогда, когда к власти пришли люди, вроде бы гордящиеся своим хорошим образованием и выдающимся языкознанием. Да что там!.. Почти все наши нынешние лидеры – писатели в буквальном смысле слова. Они даже подарили родной литературе новый жанр – мемуары быстрого реагирования!

– *Юра, по-моему, ты все-таки сгущаешь краски. Все плохо, всем плохо...*

– Конечно, не все и не всем. Кое-кому просто отлично. Но ведь и до реформ были люди, которым было хорошо, даже очень хорошо, однако это никого не остановило, даже подхлестнуло. Речь о другом. Если б писатели не сгущали красок, люди не реагировали бы так остро на промахи власти и не было бы революций, переворотов, перестроек... История остановилась бы. Это, конечно, шутка, но...

А вообще-то по моей классификации писатели, шире – деятели культуры, делятся на «заботников» и «алармистов». Оба слова из Даля. Ну, заботник – и так понятно. А алармист (от «аларм» – тревога) «все государственные и народные события шумно толкует в дурную сторону, пророча беду, тревожа этим общество...».

– *Себя-то ты кем считаешь – заботником или алармистом?*

– Знаешь, скорее всего я алармист по форме и заботник по содержанию. Мне кажется, это честнее, чем наоборот. Быть заботником по форме и алармистом по содержанию подловато, но как раз такие писатели нравятся критике...

– *То, что ты критиков не любишь, общеизвестно...*

– А за что любить литературную критику? За что любить человека, которого попросили видеокамерой запечатлеть свадебную церемонию, а он норовит усесться, а то и улечься на место жениха. А если серьезно, то настоящих критиков, чувствующих и понимающих текст, у нас единицы как справа, так и слева. Остальные же – сотрудники комбината литературно-критических услуг. Оттого, что «таланты» назначаются теперь не в отделе культуры ЦК КПСС, а на квартире какого-нибудь влиятельного литературного координатора, для отечественной словесности ничего не изменилось. Впрочем, в конечном счете решает читатель, и поэтому в далекой перспективе каждому воздастся по текстам его...

– *Юра, больше года назад был объявлен выход твоего двухтомника. Когда он появится?*

– Думаю, в начале осени. Есть трудности. Об их причинах мы уже поговорили.

– *Повесть «Демгородок» вошла в двухтомник?*

– Нет. Журнальный вариант выйдет в восьмом номере журнала «Смена», а отдельное издание – в издательстве «Инженер».

– *Давай, пожалуйста, поговорим немного о «Демгородке». Как у тебя появилась сама мысль отправить нынешних политиков в строго охраняемое садово-огородное товарищество? Причем я заметила: у тебя там все вместе – и демократы, и коммунисты, и люди президента, и нардепы...*

– Это было два года назад. Я копался в своем огороде и размышлял о будущих видах России...

– *Ни больше ни меньше?*

– А почему бы и нет? И вот я подумал: судя по событиям августа 1991 года, классик прав: сначала трагедия, потом фарс. Именно так мне и увиделся грядущий военный переворот, который обязательно произойдет, если политики будут продолжать относиться к людям, как к дрозофилам. И я убежден, что в военном перевороте всегда прежде виноваты те, кто довел страну

до военного переворота, а лишь потом – сами переворотчики. Причем я сознательно отказался от сценария «Альенде становится Пиночетом»: он наиболее вероятен и потому для литературы менее интересен. А вот второй сценарий – суровый офицер мозолистой рукой удушает демократию – мне показался более привлекательным. Во-первых, это маловероятно: армия у нас всегда считала пломбы во рту политики. Во-вторых, именно из этого варианта наши средства массовой информации заранее раскрутили впечатляющий миф ужасов. А разрушение мифов – важнейшая задача литературы. Вот почему в повести «Демгородок» в результате указа Избавителя Отечества адмирала Рыка все врагоугодники и отчизнопродавцы свезены в Демгородок и с запасом семян посажены каждый на свои шесть соток. Причем садовые домики вчерашних лютых врагов оказываются рядом, через заборчик. Кстати, так уже в русской эмиграции бывало...

– *И все-таки, несмотря ни на что, ты работаешь?*

– Пишу повесть «Гипсовый трубач». Это о нашем растерянном поколении. Идет работа над инсценировкой «Парижской любви» в Театре имени Гоголя. Намечается кое-что с кино...

– *Вот о кино – интересно! Ведь почти все твои прежние повести экранизированы. Что теперь?..*

– Оригинальный сценарий, уже дважды перед этим закрытый. «Мама в строю», кинокомедия про армию. Добрая. Сегодня на армию сердиться грешно. Но, разумеется, на картину нет денег. Ведь остаточный принцип финансирования культуры сменился новым – ошметочным. Если в отечественной литературе «кафейный» период, то в отечественном кино – американский. Скоро люди будут использовать видеомagnитофоны, чтобы поглядеть «Весну на Заречной улице» и прийти в себя! Но это тема другого очень некороткого разговора...

Беседовала Елена ГРАНДОВА

«Неделя», № 26, 1993 г.

Кто-кто в «Демгородке» живет?

– Юрий Михайлович, вы – непосредственный участник так называемого литературного процесса, который в настоящее время в сфере искусств наименее заметен. Если можно говорить о «театральном буме» (хотя далеко не все новые спектакли являются шедеврами), если ежемесячно открываются десятки различных художественных выставок, то читатели не могут порадоваться обилию сколько-нибудь заметных литературных новинок. Чем это, на ваш взгляд, объясняется?

– В России традиционно искусство и литература развивались под патронажем государства. Конечно, в обмен на поддержку государство, особенно после революции, требовало от деятелей культуры множество мелких и крупных услуг, но и само в свою очередь заботилось о них. Так, возможность советского писателя спокойно жить и работать от книги до книги всегда, насколько я знаю, вызывала зависть западных литераторов. А наш Литфонд был для них просто сказкой из «Тысячи и одной ночи». Нет, я не идеализирую застой, я просто не желаю тиражировать безнравственный миф о «проклятом прошлом».

– Подавляющее большинство писателей сегодня литературным трудом прокормиться не могут. Вероятно, проще всего закрыть «нерентабельное предприятие» и переквалифицироваться. И многие именно так поступают, хотя для настоящего писателя сменить профессию означает сменить судьбу. Конечно, отсутствие «товара», производимого этими «нерентабельными предприятиями», не так бросается в глаза, как недостаток спичек или сигарет; но зато последствия гораздо разрушительнее... В этой ситуации многие писатели, бывшие ранее на вольных хлебах, устраиваются на службу, чтобы обеспечить хоть какой-то прожиточный минимум. Ваше выдвижение в кандидаты на пост главного редактора журнала «Юность» – это тоже желание обеспечить стабильный заработок или все связано с личными симпатиями к данному изданию?

– Наверное, я один из немногих писателей моего поколения, живущий литературным заработком, на вольных хлебах. Хотя все возможности стать получающим зарплату секретарем Союза писателей или главным редактором у меня были. В момент какого-то кадрового помрачения, в результате которого и явились на нашу голову многие нынешние столоначальники, мне даже предлагали возглавить газету «Красная звезда». Но я дорожу творческой свободой.

Однако «Юность» – это особая статья. Как прозаик я родился в этом журнале. Благодаря личному мужеству Андрея Дмитриевича Дементьева, в течение многих лет возглавлявшего журнал, еще в те откровенно цензурные годы были напечатаны мои повести «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа». Все мои произведения без исключения увидели свет в «Юности», я очень благодарен этому журналу, точнее, тому журналу, который был до ухода из него А. Дементьева и редколлегии.

Кстати, моя фамилия в списке членов редколлегии в первом номере за этот год, вышедшем после полугодовой паузы, это какая-то целенаправленная ошибка. Я тоже вышел из редколлегии. И дело не в том, что А. Дементьев, уходя, порекомендовал меня на пост главного редактора, а меня не выбрали. Возглавлять журнал в наше сумасшедшее время – тяжкий крест, и нужно сто раз подумать, прежде чем взвалить его на себя. Дело в отношении. Я все понимаю, все моральные и материальные проблемы сотрудников журнала, но как можно решать судьбу издания, не поставив даже писательскую редколлегию в известность?! Вместо альтернативных выборов устроить аппаратный междусобойчик!

– Как вы уже говорили, традиционно все ваши новые произведения первоначально печатались в «Юности». В каком же журнале теперь мы сможем их прочитать?

– Сейчас так много различных изданий, что проблемы, где напечататься, лично у меня не было: после публикации фрагментов новой повести поступило несколько предложений, но

я, если честно говорить, избалован широкой аудиторией прежней «Юности». А новые, мало-тиражные издания рассчитаны, по-моему, в основном на экспериментальную прозу, интересную самим экспериментаторам и их друзьям. Поэтому особого выбора у меня не было, ибо широко популярных изданий, сориентированных на близкого мне читателя, очень мало, если не сказать – единицы. Я предложил повесть в журнал «Смена», который возглавляет Михаил Кизилов, повесть понравилась и увидит свет в восьмом номере за этот год.

– *Здесь, я думаю, уместен вопрос: о чем ваша новая повесть?*

– Это несколько необычная для меня вещь – антиутопия. Подзаголовок у нее – «Выдуманная История». А называется повесть «Демгородок».

Не знаю, как вы, как мои читатели, но лично я перестройку в том виде, в каком она состоялась, воспринял чрезвычайно болезненно. Флобер шутил, что архитекторы – обычно дураки, забывают, что в доме должна быть лестница. Кто же тогда наши «архитекторы», если они забыли даже о том, что в доме люди живут? Нам второй раз за один век навязали грех большевистского нетерпения. Только тогда железной метлой загоняли в социализм, а теперь той же метлой оттуда выгоняют. Зачем? Ну, разумеется, ради нашего же блага. Причем нас с вами, как водится, даже не спросили...

– *А референдум?*

– А это был не референдум. Это был общенациональный тест на то, как население усваивает штампы средств массовой информации. Подтвердилось: усваивает хорошо. Ну, посудите сами, если бы власть в действительности хотела узнать, что о ней и ее курсе думает народ, разве она бы стала превращать телевизор – а во время подготовки к референдуму в особенности – в пресс для штамповки единомыслящих мозгов? Еще три года назад я писал о том, что начавшиеся процессы с подлинной демократией ничего общего не имеют, что это всего-навсего «комедия политических масок», за которыми скрывается все то же большевистское презрение к человеку. А расплатой за эту буффонаду стала трагедия распадающейся державы (не империи, а державы!), трагедия людей, гибнущих на своей земле, трагедия тех, кто оказался без родины там, где родился и вырос... Только пусть мне не говорят, что реформ без издержек не бывает. По этой логике и Ленин – лучший друг детей, а Сталин – отец родной!

Два года я не писал, поскольку литературный труд казался мне ерундой по сравнению с катаклизмами, которые трясут страну, по сравнению с всеобщим распадом. Но потом понял, что все это когда-нибудь кончится (во что трансформируется – вопрос другой), и нужно зафиксировать, сберечь настоящий момент – не «дословно», хронологически, как в газетных публикациях, а в художественной форме.

В новой повести я попытался смоделировать, чем могут завершиться процессы, идущие в стране. Если реформы будут углублять социально-нравственный раскол, то, возможно, и военным переворотом. Причем, я убежден, в военном перевороте прежде всего виноваты те, кто неумными действиями сделал военный переворот в государстве возможным, а только потом те военные, что непосредственно переворот осуществили!

Я допускаю и левый переворот, кстати, не менее кровавый, но мне захотелось смоделировать правый, ибо им пугают больше всего.

– *Допустим, к власти в результате «ядерного шантажа» приходит обыкновенный командир подводной лодки. Какие шаги предпримет новый диктатор? По моей версии, он соберет всех, кто довел страну «до жизни такой», и посадит их хоть и за проволоку, но в садово-огородное товарищество, где все будут наделены шестью сотками и щитовым домиком, – словом, тем, что ныне является пределом мечтаний рядового труженика. Диктатура в стране будет развиваться по своим законам, а в «Демгородке» – где встретятся бывшие противники и соратники по партиям, создатели законов, журналисты, экстрасенсы, ученые мужья... окажется там даже бывший народный депутат, все время спавший на сессиях и неоднократно показанный в таком состоянии по телевизору... – там продолжится жизнь*

по старым (нашим нынешним) законам – с разборками, кто чем занимался до августа 1991 года и после него...

– Но «Демгородок» – это не только политическая сатира, но и повесть о любви. На фоне «реформ» И. О. (Избавителя Отечества) адмирала Рыка и жизни врагугодников и отчизнопродавцев разворачивается история любви ассенизатора и дочери крупного злодея-теля, выпускницы Кембриджа. Однако пересказывать художественное произведение – неблагодарное и ненужное занятие. Могу только добавить, что моя новая повесть – это и антиутопия, и политическая сатира, и детектив, и «лавстори», и литературная пародия.

– «Демгородок» уже завершен, а завершился ли ваш растянувшийся на два года творческий кризис?

– Я сейчас тружусь над повестью, работу над которой прервал, когда «пошел» «Демгородок». Называется она «Гипсовый трубач», и говорится в ней о нашем поколении – без злобной иронии, без отречения от своих прежних взглядов, без обличительства, а с легкой ностальгией. Задумано еще одно произведение, которое в определенной степени будет касаться оккультных наук, поэтому я сейчас читаю много книг на эту тему.

Возобновились также мои контакты с кино и театром. Вроде бы сдвинулась с мертвой точки работа над фильмом «Мама в строю» – комедией о родительнице, которая пошла служить в армию вместо своего сына. Театр имени Гоголя решил инсценировать мою повесть «Парижская любовь Кости Гуманкова». Она была напечатана в «Юности» в довольно неудачное время – в самый пик всеобщей (в том числе в литературе) озлобленности. Критики тогда писали, что Поляков утратил хватку, стал беззубым. У нас ведь считается, что функции литературы – зубами рвать живое тело действительности. Тогда как я считаю, зубы ей нужны лишь для того, чтобы сделать надкус, когда надо отсосать из ранки яд. Сейчас люди уже устали от ненависти. Поэтому и возродился интерес к моей «беззубой» повести «Парижская любовь...».

Однако любопытно, что экранизации моих «зубастых» повестей – фильмы «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Работа над ошибками», – имевшие серьезный резонанс, по телевизору никогда не показывают, фрагменты – да, а полностью – нет. Думаю, это связано с тем, что я часто в печати критикую однобокость нынешнего телевидения, особенно российского, а это тем более обидно, что возглавляет его нынче наш брат – писатель Олег Попцов. Впрочем, ничего тут особенного нет: критический реализм, к которому я смею относить и свои книжки, никогда не нравился властям предрежащим. С постмодернизмом поспокойнее – не так узнаваемо. Но, как говорил герой одного классического советского кинофильма: «История нас рассудит, товарищ Бабашкин!» Кстати, в «Демгородке» изолянты обращаются друг к другу синтетически – «господарищ»...

Беседу вела Л. ФОМИНА

«Московская правда», 3 июля 1993 г.

ЧП мирового масштаба

Для того чтобы представить этого все еще молодого человека, достаточно назвать хотя бы одну из его работ: «ЧП районного масштаба». И те верхогляды, что довольствовались фильмом, сразу вспомнят комсомольского работника, который занимался любовью со своей партнершей прямо на кухонном столе. Редкий сценарий имеет слишком уж прямое отношение к фильму. Лучше всего перечитать повесть Юрия Полякова с таким же названием – там невнимание к «маленькому» человеку, сегодняшнему гоголевскому Башмачкину, обернулось, как всегда, трагедией вселенского масштаба, бедой, которую Поляков нарочито приземлил до районного уровня.

А вообще-то Юрий – классический инакомыслящий всех времен. Его «ЧП...» долбали, не одобряли в ЦК ВЛКСМ... Смертная повесть о службе в армии «Сто дней до приказа» критиковалась, мягко говоря, в Генштабе и лично нынешним «демократом» Волкогоновым.

Последняя повесть – «Апофегей». Говорят, теперь Полякову достается за нее от новых властей. Дескать, он позволил себе покритиковать самого, тогда еще будущего, президента.

А теперь на выданье в журнале «Смена» (читайте восьмой номер) его новая повесть «Демгородок».

– *Критики довольно часто называют вашу прозу конъюнктурной. Согласны ли вы с этим, ведь известная сиюминутность в ваших вещах в самом деле есть...*

– Этот вопрос задают мне довольно часто, и, чтобы объясниться, наверное, нужно вспомнить, что «конъюнктура» происходит от латинского слова, означающего «соединять, связывать». Так что речь идет просто о связи художника с жизнью. Но иногда критики используют «конъюнктуру» как ругательный ярлык, приклеивая его к неугодившему литератору. Ну, это примерно как с «чеченством» Руслана Хасбулатова. Оно на моей памяти было и необычайным достоинством, и жутким недостатком, хотя на самом деле это всего лишь национальность, и строить, исходя из нее, отношение к человеку, политику могут только упертые расисты...

А сиюминутность или вечность книги зависит совсем не от намерений автора и его тематики. Свалки мировой культуры забиты сочинениями, писавшимися для вечности. Хотя, конечно, есть и безусловные однодневки: дежурные стихи о партии в недавнем прошлом или книжки про ужасы развитого тоталитаризма, которые пишут сегодня. Но знаете, к таким авторам я отношусь спокойно: они даже не скрывали и не скрывают, что просто зарабатывают на жизнь. Одни продают тело, другие мозги... Ничего не поделаешь. Впрочем, тот же журналист, лгавший в застойный период, по-моему, не столь безнравствен, как тот, кто лжет сегодня. Тогда, выламываясь из системы государственной лжи, он рисковал всем, нынче – только количеством нулей в зарплате. Мне уже приходилось писать, что из империи лжи мы превратились в республику вранья. Система «эпической» лжи во имя государственных устоев сменилась мелким водевильным враньем в целях личного благополучия...

А что касается «сиюминутности», то настоящая литература и обязана быть сиюминутной, изображать и постигать ту жизнь, которой мы с вами живем сейчас, сию минуту. К вечному можно прийти только через сиюминутное. Это трудно, почти невозможно, но попробовать стоит!

– *Объясните, почему оппозиционер к тем властям снова оказался в оппозиции к этим?*

– Нет, я не оппозиционер в политическом смысле. Я вообще политикой не занимаюсь. Я просто стараюсь (и порой это удается) говорить о происходящем согласно той внутренней

свободе, на которой и основывается, если пользоваться пушкинским выражением, «самостоянье человека». А власть – это всегда насилие, и, значит, писателю, понимающему свою миссию несколько шире, чем «плетение словес», всегда будет кого защищать от властей предрежающих. Но глубина и ярость этой оппозиции зависят от того, насколько власть осторожна, нравственна, прагматична в этом своем неизбежном насилии над людьми. И прежняя власть, и нынешняя друг друга стоят – обожают железную метлу, только те гнали нас ею в социализм, а эти в капитализм, людей, конечно, об их желании не спросив. Референдум 25 апреля в расчет не принимаю, потому что это был не референдум, а общенациональный тест на усваивание политических клише, вдалбливаемых средствами массовой информации. Ну, в самом деле, если власть действительно хочет узнать, что думает о ней и ее курсе народ, зачем же в течение месяца колотить этот самый народ по голове: ДА – ДА – НЕТ – ДА... А если она на самом деле ничего узнать не хочет, а просто желает вырвать у людей формальную поддержку своему курсу, то, извините, чем она отличается от нерушимого блока коммунистов и беспартийных, оказавшегося в конечном счете очень даже рушимым?

– *А как вы думаете, почему он оказался таким уязвимым?*

– Это очень трудный и неоднозначный вопрос. Частично я пытался ответить на него в своей повести «Апофегей». Частично касаюсь его и в той повести, которую сейчас пишу. Называется она «Гипсовый трубач». Это попытка разобраться в судьбе моего поколения, не желавшего мириться с нелепым политическим режимом, а в результате сокрушившего сообща с другими поколениями великую державу. Но те, кто уверяет, будто социализм рухнул сам собой под тяжестью собственных грехов и несуразиц, лукавят, выдавая часть правды за всю правду. Если говорить схематично, прежний строй рухнул не в результате борьбы с партноменклатурой, а в результате борьбы партноменклатуры с партмаксимумом. Только надо помнить, что номенклатура – это не только аппаратчики, а партмаксимум – это не только сумма, указанная в зарплатной ведомости. Короче, генсеку надоело быть говорящей куклой демократического централизма. Инструктору осточертело оставлять новенькие «Жигули» в квартале от райкома, ибо на жалованье машину вроде как не купишь. Заведующему кафедрой обрыдло объяснять с помощью Маркса то, что нужно объяснять с помощью Фрейда, и т. д. Перестройка – это был взрыв изнутри. Так что когда сторонники ушедшей системы ругают диссидентов, они грешат на почти безвинных людей. И, будь жив академик Сахаров, он бы в нынешних структурах власти выглядел как профессор римского права, по разнарядке выбранный в бюро обкома.

Таким образом, перестройку действительно начала номенклатура, но совсем не для народа. Надоело горбатиться на партию, захотелось на себя. Ведь разве можно сравнить те привилегии, о которых поведала Э. Памфилова, с теми, о которых она сегодня помалкивает. Партия, что бы там мне сегодня ни доказывали, была частью государства, его несущей конструкцией. А в стране, где все начинают работать на себя и мало кто на государство, крах неизбежен. Его-то мы сейчас и наблюдаем...

– *Ну, здесь вы неоригинальны. Многие сейчас говорят и пишут о вине партии и призывают покаяться за красный террор, за сталинизм, за коллективизацию...*

– Я бы сначала посмотрел, кто призывает... А то ведь иной размотришь: Вышинского старательнее всех топчет тот, кто в нынешней политической ситуации сам ведет себя, как забывенный Андрей Януарьевич, с той лишь разницей, что подписывать смертные приговоры его пока не заставляли. Что толку в покаяниях, если одни и те же люди рыдают о судьбе невинно разогнанного Учредительного собрания, а сами призывают разогнать съезд народных депутатов! И потом – почему человек, состоявший в партии, скажем, с 1981 по 1991 год, должен каяться за грехи, совершенные до его рождения? Ведь даже от прямых потомков «пламенных революционеров» что-то никаких извинений за «дедушкины грехи» не слышно, наоборот, они абсолютно без комплексов включились в очередное «переоборудование» страны и тоже тре-

буют покаяния от партии... В общем, как сказанул один народный остроумец: сын за отца не отвечает, а только льготы получает...

Но есть в чем каяться и моему поколению. Не без нашей помощи был сформирован народ с младенческим политическим сознанием, точнее, с отсутствием такового. Именно этим объясняется, что вместо «кремлевских старцев» мы посадили себе на голову «чикагских мальчиков», что сами же навывирали на политический олимп таких людей, каких в политическом опытном обществе дальше прихожей не пускают, и то предварительно убрав хорошую обувь... И когда вчерашние коммунистические лидеры, а ныне пенсионеры бессюзного значения, для экзотики допущенные в эфир, возмущаются доверчивостью людей, клюющих на совершенно беспардонные посулы, то винить им некого, кроме самих себя. Вы хотели иметь доверчивый до самозабвения народ – вы его получили. Но пользуются этой самоубийственной доверчивостью теперь другие, и, надо отметить, более успешно!

– Юрий, а нет опасений, что, говоря все это, да еще в «Правде», вы нанесете удар по своему имиджу в глазах либеральных читателей. Смотрите, запишут во «враги реформ»!

– Ну, Ельцина же не записали во «враги реформ», после того как он дал интервью «Правде». И знаете, само словосочетание «враг реформ» очень нехорошее, эдакий привальчик на пути к уже знакомому словосочетанию «враг народа». А реформа, извините за банальность, это самый сложный социально-политический инструмент, лазерный скальпель, а не палка, чтобы отбиваться от конкурентов в борьбе за власть! Да, рынок необходим, да, Адам Смит был великим политэкономом, но зачем же державу ломать?! Зачем же ломать человеческие судьбы? А об имидже пусть лучше думают те, кто начинал с рассуждений о слезинке ребенка, а заканчивает реками слез и крови в так называемых межнациональных конфликтах; те, кто начинал с осуждения «синдрома старшего брата», а заканчивает почти бесправной тридцатимиллионной русской диаспорой в «ближнем зарубежье»; те, кто начинал с охов по поводу старушки, которой сделалось дурно в очереди за новыми сторублевками, а заканчивает пенсионерами, роющимися по помойкам. Но эти люди как раз о своем имидже не думают, и министр, чья программа оглушительно рухнула, придавив полстраны, снова учит меня жизни с экрана телевизора.

Меня до боли сердечной гнетет один, в общем-то риторический вопрос. Неужели мы почти сокрушили свою страну лишь затем, чтобы люди, сидевшие в номенклатурном партере, а то и на откидных, пересели в президиум? Чтобы по телевизору лгал не косноязычный выдвиженец, а быстроглазый «спецшколовец», для шику имитирующий английскую интонацию? Я вырос в заводском общежитии, но почему-то именно номенклатурные внучата из «домов на набережных» рассказывают мне сегодня об ужасах социализма! Я не хочу назад, в прошлое, я знаю ему цену, но я не хочу и в их будущее – они его строят только для себя по аналогии, видимо, с цеховскими «ондатровыми деревнями», где выросли.

– Не потому ли в вашей новой повести «Демгородок» все, как они у вас именуются, «злодеи» посажены на шесть соток и вынуждены кормить себя сами? Сурово вы с ними...

– Это не я, это мой персонаж адмирал Рык, пришедший к власти в результате военного переворота. Но вообще-то я считаю, что в любом военном перевороте прежде всего виноваты те, кто довел страну до такой грани, а лишь потом сами «переворотчики». По моей футурологической прикидке (а повесть имеет подзаголовок «Выдуманная История»), к власти приходит капитан атомной подводной лодки. В народе его зовут Избавитель Отечества, или И.О. Так вот, И.О. и приказывает отправить всех «врагоугодников и отчизнопродавцев» в строго охраняемый садово-огородный поселок, прозванный окрестными жителями «Демгородком». В Демгородке и разворачиваются события повести, концентрирующей абсурдность, комичность и трагическую закономерность происходящего в нашем Отечестве. И хотя, по сути, это детективно-любовная история, среди ее действующих лиц читатель найдет и президентов, и спике-

ров, и нардепов, и коммунистических лидеров, и профсоюзных активистов, и телевизионных говорунов, и заигравшихся в политику деятелей культуры...

– *И все они настоящие?*

– Не более настоящие, чем в жизни...

– *А вот давайте поговорим о деятелях культуры и шире – об интеллигенции. Что происходит с интеллигенцией? Тишайший Иннокентий Смоктуновский учит нас по телевизору, как голосовать на референдуме, вырабатывая у «населения» условные рефлексy, как у собаки Павлова. Мудрейший исполнитель роли В. И. Ленина – Михаил Ульянов, не стесняясь, признает, что теперь-то он все сделал бы по-другому. Я уж не говорю про писателей...*

– Я согласен с вами: горько видеть уважаемых, даже любимых мастеров, которые в ответ на традиционный вопрос «с кем вы?» начали энергично начищать пуговицы нового платья нового короля, сиречь власти. И уж совершенно чудовищны исходящие именно от интеллигенции призывы, обращенные к этой власти, «быть пожестче!». Мало того что это безнравственно, это еще просто недальновидно: ведь те же писатели прекрасно знают, чем закончили «напостовцы» и куда делся, например, Леопольд Авербах. Когда власть, вняв призывам, становится «пожестче», она довольно быстро начинает путать «своих» и «чужих». И, честно говоря, некоторые мои коллеги по литературному цеху, независимо от возраста и заслуг, напоминают мне чем-то малолетних хулиганов, которых паханы засылают, чтобы позадирать и проверить на вшивость конкурирующую банду. Вот уж почетная миссия для служителей великой отечественной словесности!..

Однако даже и это можно объяснить и понять. Писатели, шире – деятели культуры, как социальный слой, входили в правящий класс, в номенклатуру, обеспечивавшую устойчивость режиму. Отсюда их относительно устроенная жизнь при социализме, отсюда же и активное участие деятелей культуры в борьбе с партмаксимумом, о чем мы уже говорили. Но теперь, когда правящий класс формируется не из «групп поддержки и скандирования», а из предпринимателей и обеспечивающих их политиков и чиновников, творческий работник резко снизил свой социальный статус, а значит, и уровень жизни. Отсюда эти метания, это желание любой ценой доказать свою ценность, свое право на место у кормила и у кормушки... Конечно, я говорю не о всех, всегда есть люди, продолжающие честно служить отечественной культуре. Но ситуация усугубилась тем, что в страну после демонтажа остатков железного занавеса хлынула западная, более «товарная», но чаще всего низкопробная массовая культура...

– *Поговорим об этом подробнее.*

– Взгляните на нынешние книжные прилавки – современных писателей, российских, почти нет. Их издавать невыгодно. Причем я имею в виду не бездарей, которых достаточно в литературе при любом режиме, а талантливых писателей, которых еще недавно читали, обсуждали, покупали... Разве они стали хуже писать? Нет. Скорее люди стали хуже читать. Вкус к серьезной литературе, во многом определяющей лицо общества, прививается десятилетиями, а разрушается очень быстро. Эстетический вкус, как и физическое здоровье, – национальное богатство. Нет, я не ханжа и не вижу катастрофы в том, что подросток в период созревания «основного инстинкта» будет читать «Эммануэль». Доставали и читали в самые пуританские времена. Катастрофа, если он так и не узнает, что есть еще, оказывается, «Митина любовь», «Суламифь», «Крейцера соната» – про то же, да не так же...

Иногда можно слышать: подумаешь, нет современной литературы, с нас классики достаточно! Глупости! Ведь нынешняя классика была когда-то современной литературой, и, значит, мы лишаем наших детей не только природных ресурсов, но и будущей классики.

Покидая социалистические кущи, мы, подобно неопытным переселенцам, все нажитое побросали на старом месте: мол, на новом-то всего будет навалом... Дудки! В самом деле, кому мешала государственная поддержка издательств при невмешательстве в тематическое планирование? Кому мешала самая лучшая в мире система подготовки творческой молодежи? Кому

мешала система пропаганды литературы: она бы и сейчас смогла противостоять неразборчивому диктату книжного рынка. Ведь об «умном» рынке по отношению к книге могут говорить всерьез только очень неумные люди. И вот ирония истории: все это происходит именно тогда, когда к власти пришли люди вроде бы с литературными наклонностями, даже подарившие нам новый литературный жанр – мемуары быстрого реагирования.

– *Все так мрачно.*

– Что касается писателей, увы, да. Кажется, скоро рухнет, не выдержав новых экономических условий, последний оплот – Литфонд, просуществовавший более ста лет. В книжном деле – и Международный конгресс в защиту книги это показал – жуткое количество проблем! Но есть и приятные факты. Например, люди, которые в пору книжного бума, заваливая страну гнилыми запретными плодами, заработали миллионы ныне, не удовлетворенные прибылями, как папаша Корлеоне, переносят свои интересы в иной бизнес – в ту же торговлю алкоголем. И продолжают травить и ослеплять людей, но уже не в духовном, а в прямом физиологическом смысле. Заметнее стали издатели, пытающиеся продолжать замечательные традиции Сытина и братьев Сабашниковых, но им очень трудно.

Кстати, на конгрессе в защиту книги много говорили и о том, что наша страна до сих пор не присоединилась к Флорентийскому соглашению, благодаря которому книги путешествуют по миру, так сказать, без границ. Наоборот, в рамках СНГ горюются все новые препоны, в том числе для книг на русском языке, иные руководители отдельных суверенных государств в отместку за явно преувеличиваемую ныне русификацию «времен застоя» теснят не только политические, но и культурно-духовные права тех, кто думает по-русски. За это, конечно, придется расплачиваться, и даже скорее, чем кажется, ибо насилие над чужой культурой очень быстро делает вчерашних добрых соседей непримиримыми врагами...

Но это только одна грань важной и сложной проблемы, ее-то я и хочу коснуться, заканчивая наш разговор. Победа революции в Российской империи дала толчок классовым битвам и противостояниям, под знаком которых прошел почти весь XX век. Пример одной шестой части суши заразителен. Глубоко замечено, что, быть может, Россия существует и для того, чтобы дать миру какой-то поучительный урок. Я всегда полагал, что таким уроком стала саморазрушительная борьба за социальную справедливость любой ценой. Но, судя по всему, намечается второй урок. Не дай бог, XXI век пройдет под знаком саморазрушительной борьбы за суверенитет любой ценой! Это будет ЧП мирового масштаба.

Беседовал Николай КРИВОМАЗОВ

«Правда», 14 июля 1993 г.

Битва за гаечный ключ

Его можно сравнить со снайпером, умеющим точно выбрать цель и вовремя нажать спусковой крючок. Я имею в виду способность Полякова в нужный момент сказать именно о том, что особенно остро волнует общество. Чего это стоило писателю в не столь отдаленные времена, как удавалось пробивать стену идеологических запретов – тема особая, как, впрочем, и вопрос о его отношениях с критикой, периодически бросающей упреки в конъюнктурности, легковесности. Находясь в столь «интересном» положении между молотом не очень доброжелательной критики и наковальней военно-партийной цензуры, писатель сделал ставку на «третью силу» – на читателя. И не ошибся. Я имею в виду резонанс, который вызвали повести «Сто дней до приказа» – о неуставных отношениях в армии, «ЧП районного масштаба» – о неуставных (или уставных?) отношениях в среде партийно-комсомольской номенклатуры. Успехом пользовались и снятые по ним фильмы. Не прошли незамеченными и другие работы Полякова – «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуманкова». И вот очередное, на удивление своевременное попадание. И почти в яблочко: антиутопия «Демгородок», где речь идет о государственном перевороте, напечатана прямо накануне сентябрьско-октябрьских событий, потрясших страну.

– Юрий Михайлович, как вы пришли к мысли построить «Демгородок» – в ходе тщательного анализа ситуации в стране, моделирования возможных вариантов развития событий или же это результат предвидения, творческого озарения?

– «Демгородок» я начал писать в августе 91-го, а последняя редакция для отдельного издания после публикации в восьмой книжке журнала «Смена» пришлась как раз на конец сентября – начало октября 93-го. Почему это антиутопия? Почему это книга о военном перевороте в России? Да потому, что второй раз за одно столетие мы крикнули нашей действительно не шибко скачущей птице-тройке: «Ах ты, волчья сыть! Травяной мешок!» – и снова погнались ее по смертоносным ухабам навстречу приснопамятным великим потрясениям!

Весь 93-й год я активно печатал публицистику – в «Комсомольской правде», «Собеседнике», «Правде», «Неделе», «Веке», «России»... Я неоднократно высказывался в том смысле, что бывает два типа переворота – для изменения существующей власти и для ее же укрепления. И неоднократно говорил в статьях и интервью, что мы идем ко второму типу переворота. Так и произошло. Сегодня мы имеем режим, который я бы назвал: демократия с кулаками. Благо это для России или гибель, покажет будущее.

– Но в вашей повести демократы потерпели поражение, а верх одержали военные...

– Приход к власти военных в ближайшее время мне всегда казался нереальным, ибо наши военные привыкли считать пломбы во рту политиков и на самостоятельные акции неспособны.

– Но, может быть, это и к лучшему?

– Возможно. Однако в «Демгородке» я решил смоделировать средствами литературы эту нереальную ситуацию. Чем нереальнее, тем интереснее для художника. Конечно, мой антигерой адмирал Рык, Избавитель Отечества – И. О., – фигура странноватая и страшноватая. Достаточно напомнить о его «пунктах оперативного правосудия», о несколько облагороженных концлагерях под названием «демгородки», куда со всей страны свезены «врагоугодники» и «отчизнопродавцы». Но И. О. угадал главное: социальный мир в России может наступить лишь в том случае, если тот, кто хочет жить при социализме, сможет жить при социализме, а тот, кто хочет жить при капитализме, сможет жить при капитализме. На первый взгляд звучит дико-

вато, но это так. Россия всегда была многоукладной страной. Да и каждый отдельный человек в юности может быть коммунистическим террористом, в зрелости – оборотистым бизнесменом, а в старости – христианским альтруистом. И тут нужно гибчайшее жизнеустройство!

Адмирал Рык начал социальное примирение с того, что ввел в качестве обязательного обращение граждан друг к другу – «господарищ». Вот у него ума хватило. А мы поделились на красно-коричневых и демократов, а потом принялись садить прямой наводкой из пушек по собственному парламенту. Впрочем, повернись иначе, те же пушки долбили бы по президентской резиденции. Но суть не в том, а в способе разрешения социального конфликта, уже однажды приведшем Россию к страшной резне. Могло ли в этот раз быть по-другому – не знаю. Всмотритесь в того же Якунина или в его двойника из противоположного лагеря, находящегося ныне в Лефортове, – именно поэтому я не хочу называть его имя. Так вот, у них одинаковое выражение глаз – безжалостное.

– Читатели привыкли однозначно воспринимать вас как писателя, условно говоря, демократической ориентации. В новой повести от автора одинаково достается и «патриотам», и «демократам». Это связано с изменением ваших взглядов?

– Прежде всего, мне дико само противопоставление патриотизма и демократии. Об абсурдности, губительности для общества такого противопоставления очень точно сказал Солженицын. Действительно, почему человек, мечтающий о народоправии, не должен любить свое Отечество?

– Любопытно, что чуть ли не один и тот же отрывок из «Демгородка» опубликовали «Московский комсомолец» и «День» – газеты, находящиеся на совершенно противоположных позициях.

– Знаете, на самом деле мы сегодня наблюдаем продолжение «семейного, давнего спора», уходящего корнями в глубь российской истории, а «демократы» и «патриоты» – это условные обозначения, вроде Алой и Белой розы. Есть, правда, любопытный момент: в начале века коммунистическая идеология была в арсенале «демократов», нынче – в арсенале значительной части «патриотов». Что это: извив политической борьбы или логика истории?..

А что до изменения взглядов, то, по-моему, изменились, а точнее сказать, самораскрылись как раз многие из тех, кто именует себя демократами, отказавшись от всех своих первоначальных лозунгов. Увы, многие из демократов пошли чисто большевистским путем, когда для достижения власти все средства хороши, а за реформами человека не видно. Я, конечно, за прошедшие годы тоже сильно изменился, но только не в этом: я остался в отношении к своему Отечеству патриотом, а в отношении к его государственно-политическому устройству демократом. Вот почему мне во многом активно не нравится проект новой Конституции, которая может превратить страну, по сути, в конституционную монархию.

– И все-таки я хотел бы продолжить тему творческой эволюции. В «Демгородке» конечно же узнается тот Поляков, которого мы помним по прошлым повестям в «Юности», – те же ирония, динамичность развития сюжета, пристальное внимание к социальным проблемам. Но есть и нечто новое: это уже не сугубо реалистическое повествование, а антиутопия, фантастика, «воспоминание о будущем», причем о будущем, которое, как и положено в антиутопии, трудно назвать светлым. В ваших прошлых вещах, несмотря на жесткость оценок того или иного героя или явления, чувствовалась вера автора в возможность преодоления того, что мешает жить нормально, в конечное торжество добра и справедливости. В «Демгородке» ваш взгляд на общественную ситуацию стал, как мне показалось, более объемным, диалектичным, но и более безыллюзорным и, если угодно, пессимистичным. Прямо по Екклесиасту: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь...»

– В нашем обществе слишком многое изменилось, и писатель, если он живет литературой, а не играет в нее, чувствует драматизм происходящего и, значит, передает в своих

книгах. Что до меня, то я в августе 91-го пережил очень сильный, даже не творческий, а нравственно-мировоззренческий кризис. Именно тогда я окончательно понял, что, борясь с нелепым и неэффективным жизнеустройством «развитого социализма», мы нанесли сокрушительный удар по нашей государственности, чего делать нельзя было ни при каких обстоятельствах.

В самом деле, мои прежние вещи «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей», так трудно шедшие к читателю, были, несмотря на их разоблачительный пафос, оптимистичны по своему внутреннему настрою. Мнилось: стоит только отказаться от лживой идеологии и командного администрирования – и мы будем жить совсем по-другому! А многим писателям – мне в их числе – казалось: только дайте крикнуть, что король голый, – и в королевстве наступит эпоха процветания и справедливости. Дали. Крикнули. Оборались... А король все так же гол, только раньше все вокруг уверяли, будто на нем кумачовое платье, а теперь уверяют: бело-сине-красное. Увы, все мы стали заложниками того социально-нравственного инфантилизма, в котором пребывали в результате семидесятилетней идеологической обработки, корни которой, впрочем, уходят гораздо глубже. Между прочим, именно в 91-м я опубликовал повесть «Парижская любовь Кости Гуманкова». И критика – а она вообще недолюбливает внегрупповых писателей – объявила, что Поляков испугался острых тем и удрался в сопливое бытописание. А просто мне было интересно разгребать грязь, когда другие боялись испачкать штiblеты, а когда все по команде с удовольствием плюхнулись в грязевые ванны, мне захотелось взглянуть на «совок» не как на «социально-нравственного монстра», а как на часть моей жизни, не такую уж безрадостную, между прочим. А «совок», как и все на свете, имеет и злые, и светлые стороны. При социализме люди угрюмо-добры. При капитализме – жизнерадостно-безжалостны. Право, не знаю, что лучше.

– В ваших произведениях человек, как правило, жертва обстоятельств. Таковы и «парижский любовник» Костя Гуманков, и даже супермен-ассенизатор Мишка из «Демгородка» – люди не самые слабые, активно сопротивляющиеся внешним силам. Но социальная система оказывается все-таки сильнее их. Вопрос: надежду на наше выздоровление, а она так чувствуется, несмотря на все разговоры о пессимизме, вы связываете с чем? И вообще как вам видятся наши перспективы?

– Каждым человеком правят некие тайные силы. Называйте их как хотите – провидением, обстоятельствами, законами истории, ангелами-хранителями... И свобода человека заключается в том, чтобы почуять эти силы и постараться жить с ними в согласии. Что же касается выздоровления общества, то на общегосударственном уровне оно начнется с закручивания гаек: слишком уж разболталась государственная конструкция – ветерком шатает. Да ведь и все события, начиная с августа 91-го, были не что иное, как битва за гаечный ключ, за то, кто персонально будет подтягивать гайки. А особенность России – история показала – заключается в том, что гайки в ней закручивает тот же, кто их, борясь за власть, отпустил. Так было до 1917 года и сразу после него. Так произошло и на этот раз. Посмотрите, кто сейчас против суверенитета? Тот, кто три года назад просто надрывался за него. Кто сегодня против забастовок? Тот, кто три года назад рьяно призывал к ним...

Параллельно, на мой взгляд, будет возвращаться так называемое «имперское», а на самом деле просто государственное, державное сознание. Думаю, со мной согласится любой здравомыслящий человек: 25 миллионов россиян, вдруг оказавшихся за границей, и исконные российские территории, вдруг ставшие зарубежьем, – это не яблочный пирог, который можно подарить соседям ко дню их национальной независимости. Независимость совсем не повод, чтобы прикарманить чужое. Деятели, не понимающие этого или по каким-то причинам не желающие понимать, очень скоро будут выдавлены из политики своими же недавними соратниками по борьбе за общечеловеческие ценности, которые, как известно, складываются только из ценностей общенациональных, а ими мы в последние годы непрестительно пренебрегали.

– А что касается отдельных людей, изменения их психологии?

– Главные процессы будут, по-моему, происходить не на макро-, а на микроуровне – на уровне конкретного человека. Впрочем, тут еще можно поспорить: что макро-, а что микроуровень. Мне, например, очень близка идея земств. Seriously изменит психологию людей собственность, даже незначительная, даже своя квартира. Начнется с малого – с чистых, незагаженных подъездов. Кстати, обращали внимание, что и при социализме подъезды в кооперативных домах всегда были чище? Очень большие надежды возлагаю на возвращение религиозного сознания. Верующий человек – истинная опора государства. Кстати, и социализм держался, пока большая часть народа верила в него.

Думаю, не последнюю роль во всех процессах сыграет и российская культура, традиционно оказывающая огромное влияние на общество. Заметьте, театры и концертные залы снова полны, а прилавки, заваленные «Счастливыми проститутками» и «Космическими фаллосами», все реже привлекают внимание прохожих. Издатели, которые сделают ставку на пропаганду и выпуск отечественной литературы, в конечном счете озолотятся.

– Юрий Михайлович, побойтесь Бога! Современную русскую литературу никто издавать в обозримом будущем не будет. Это просто не выгодно.

– Уверен, можно и нужно сделать так, чтобы это было выгодно. Во всем мире людям хочется читать о себе, о своей стране, о своих проблемах. На нашем российском материале можно написать и отснять десятки таких «Санта-Барбар», что улицы будут пустеть в часы показа. Почему этого не происходит? Почему вместо этого крутят одебильвающие «мыльные оперы» и третьесортные западные фильмы? Об этом мне давно хочется спросить наших телеведущих. Например, моего коллегу по литературному цеху г-на Попцова.

– Политизация общества, наверное, больше всего заметна в творческой среде. Это, на ваш взгляд, во благо литературе или во вред?

– По-моему, главная беда многих писателей заключается в том, что они остаются верны принципу партийности. Только теперь они служат не одной, а разным партиям, но суть-то не меняется. Лично мне такие литераторы абсолютно не интересны, ибо я заранее знаю, что они напишут в данный момент, колеблясь вместе с линией своей партии. Меня даже не удивили письма некоторых литераторов, призывавших власть к жестким мерам. Но одна психологическая деталь: именно эти подписанты всего два-три года назад громче всех возмущались стукачами от литературы, погубившими в свое время О. Мандельштама, А. Веселого, И. Ба-бея, П. Васильева...

Мне кажется, сегодня читателям интересен тот, кто, не играя в политические игры, пытается мучительно и честно разобраться в происходящем, старается понять всех, как бы это трудно ни было. Можно много ругать социалистический реализм, но уже тот факт, что десятки литературных школ и сотни писателей кормятся тем, что пародируют, ернически перелицовывают, высмеивают его, говорит о том, что это была по-своему грандиозная система, где уживались А. Твардовский и А. Софронов, Б. Пастернак и С. Бабаевский. А реальность нынешнего литературного процесса достаточно печальна: мы за эти годы относительной свободы слова не сказали о жизни и сотой части того, что удалось сказать нашим предшественникам в условиях жесточайшего идеологического контроля. И это один из тех парадоксов, которыми так богата наша жизнь.

*Вел беседу Александр НЕВЕРОВ
«Труд», 27 ноября 1993 г.*

Писательская чернильница еще чего-то стóбит

– Юрий Михайлович, двадцать лет назад вы пришли в литературу как поэт, затем выпустили литературоведческую книжку, серьезно занялись прозой, постепенно прибавились кинематограф и театр... Что это? Поиск себя? Стремление к более полной реализации творческого потенциала? Расширение аудитории?

– На мой взгляд, многожанровость для писателя – явление вполне нормальное. Литератор, если он, конечно, профессионал, должен уметь все. Другое дело, что всегда есть жанр, в котором он выражается наиболее полно. Тургенев, например, написал здоровенный том стихов, но в нашем сознании он прежде всего великий прозаик. Афанасий Фет писал изумительную прозу, но в историю отечественной словесности вошел как поэт. Такие примеры можно приводить долго.

Конечно, в известной мере смена жанров – это и поиск себя, своего места в литературе. Я, например, до тридцати лет был поэтом, издал четыре книжки, и некоторые мои стихи до сих пор включаются в различные антологии. Но в один прекрасный момент я почувствовал, что стихи перестают быть для меня естественным способом познания себя и мира, требуют от души усилия, иссушающего подлинную поэзию. К тому времени я уже писал в стол прозу, поэтому переход к новому жанру был достаточно органичен. Я вообще считаю, что поэтическое долголетие, такое, как у В. Соколова или А. Дементьева, большая редкость. Профессионализм заключается и в том, чтобы понять: как поэт ты умер – и не утомлять читателя плетением мертворожденных строчек. К сожалению, так получается не у всех. «Впрочем, под влиянием эмоциональных встрясок возможны и «поэтические рецидивы». Под наукообразным сочетанием «эмоциональная встряска» я, естественно, имею в виду любовь – лучшее, что бывает в жизни человека. Но к таким стихам я отношусь больше как к личному дневнику...

– И в каждом жанре судьба была к вам благосклонна. Но ведь музы – женщины. Вы не боитесь их ревности?

– Ревности муз я не боюсь, потому что если продолжить вашу метафору, то жена моя – это проза, а кино, театр, художественный перевод, публицистика – это более или менее серьезные увлечения, а то и просто интрижки. С кино получилось против моей воли – режиссеры втянули, но постепенно я увлекся и даже написал оригинальный сценарий – кинокомедию «Мама в строю», которая сейчас в работе на Студии имени Горького. Сюжет: мама, горячо любящая своего сына и не желающая отпускать его в солдаты, сама идет служить вместо него.

Кому-то может показаться, что это не вяжется с моей повестью «Сто дней до приказа», в свое время воспринятой как злостный поклеп на армию. Но это не так: если вы сегодня перечитаете эту повесть, то увидите, что в ней юмора и иронии гораздо больше, чем разоблачительства. Просто тогда, в жажде разоблачений, этого не заметили. Честно говоря, лично мне люди, не умеющие улыбаться, неинтересны. Только не надо путать улыбку с зубоскальством.

Был я против своей воли и драматургом. Сначала ленинградский режиссер Игорь Горбачев, руководитель «Алексан-д-ринки», а потом и московский Андрей Гончаров, руководитель Театра имени Маяковского, уговорили меня написать пьесы по моим собственным повестьям, соответственно – «ЧП районного масштаба» и «Апофегей». Я потратил уйму времени и сил, а спектакли в силу изначально присущего режиссерам коварства так поставлены и не были. Поэтому, когда Московский театр имени Гоголя решил поставить на сцене мою повесть «Парижская любовь Кости Гуманкова», писать пьесу я наотрез отказался. В результате самим театром написана замечательная инсценировка, и, надеюсь, зрители скоро смогут увидеть спектакль.

– На первый взгляд вы кажетесь чересчур расточительным. Глубоко вникнув в одну сферу жизни, накопив богатый материал, совершаете следующий марш-бросок, и тоже, что

называется, с полной выкладкой. Однако писатели чаще всего сродни старателям – богатую жилу надо доработать до конца, а уж там...

– Нет, это не расточительство, это желание писать о том, что волнует меня в данный момент, а следовательно, и читателей. Когда я написал «ЧП», меня стали считать специалистом по комсомольской тематике и ждали новых разоблачений «младшего соратника партии». После «Ста дней» последовало то же самое, но уже в отношении армии. Мол, давай теперь роман! А я написал «Работу над ошибками» и на некоторое время попал в специалисты по школьной реформе. Но, вопреки ожиданиям, я написал «Апофегей», и меня стали настойчиво уговаривать углубить критику «руководящей и направляющей». Но мне-то это было неинтересно, потому что руководящая и направляющая уже дышала на ладан, а вскоре и вовсе рухнула, а бить лежачего – не в моих правилах, да и не стоит отбирать хлеб у тех, кто служил партии верой и правдой, а потом так же рьяно начал рвать на куски ее еще теплое тело. Бог им судья, хоть КПСС и была сугубо атеистической организацией...

А что касается разработки «жилы», то, на мой взгляд, писатель, занявшийся этим делом, очень быстро превращается в зануду. Да и вообще, если говорить о природе творчества, то я сравню ее скорее не со старательством, а с ювелирным искусством. А кому же нужны штамповки, пусть даже из золота, пусть даже с авторским клеймом. И наконец, среда, социальный срез, который я описывал в каждой своей повести, никогда не был главным – главным, извините за банальность, был человек моего поколения, вместе со мной взрослевший и постигавший бытие. А как писали некоторые рецензенты, «хейливское знание деталей и социальных механизмов» – это всего-навсего результат уважения к читателю и серьезного отношения к ремеслу. Я всегда брал среду и обстоятельства, которые знал на личном опыте. Но обязательно потом показывал рукопись людям, которые знали эту среду досконально.

– На всю вашу прозу можно взглянуть и иначе – как на очень последовательное и целенаправленное художественное исследование состояния государства: ведь и армия, и образование, и власть, и нравственность служат непосредственной основой его. Как видится вам будущее России?

– О том, что, борясь против неразумного социально-политического устройства, мы нанесли удар по российской государственности, я писал еще три года назад. Теперь это общее место даже в самых проправительственных газетах. Сегодня длившаяся несколько лет битва за гаечный ключ закончилась, и вроде бы ясно, кто персонально будет закручивать гайки разболтавшейся государственной конструкции. По давней российской традиции это те самые люди, которые эту конструкцию, борясь за Кремль, и разболтали. Думаю, начнут они со срочного восстановления в обществе патриотического сознания, делающего население единым народом. А трудности, встающие перед державой, может преодолеть только народ, а никак не население. Этот процесс ускорится благодаря феномену В. Жириновского – ведь он набрал свои проценты исключительно потому, что апеллировал к оскорбленному, заданному патриотическому чувству россиян. Но если возрождать патриотизм поручат тем же людям, что его давили, ничего путного не получится. Когда иные политические персонажи сегодня с экранов ТВ вдруг заговорили о своей любви к Отечеству, я испытываю чувство ужаса и стыда. Это как если бы человек, зарезавший свою мать, потом клялся в любви к ней. Впрочем, в судебной психиатрии бывает всякое.

– Существует мнение, что проза не пишется в смутные, динамичные времена, идет накопление материала. Или это зависит от манеры и характера писателя?

– Действительно, на мой взгляд, переломные эпохи ставят перед писателями очень сложные задачи: ведь в прошлое уходит не только социально-политическая, но и эстетическая система. И конечно, литераторы, привыкшие складывать свои произведения из готовых кубиков, которые им предлагала эта отлаженная и по-своему совершенная система – я имею в виду соцреализм, – оказываются в сложном, а то и безвыходном положении. Тут все решает талант,

творческие ресурсы личности. Но у тех, кто выдюжит, есть шанс написать замечательные вещи. Для литератора переломная эпоха – подарок судьбы, хотя для простого человека – это катастрофа. Тут нет противоречия. Для спецназа освобождение заложников – профессия, захватывающая работа, а для самих заложников – кошмар. Впрочем, от сложнейших социальных, нравственных, художественных проблем, которые перед тобой ставит «смутное время», можно очень удобно укрыться в постмодернизме. Одна беда – кроме друзей и группы сочувствующих критиков, ты никому не нужен. А ведь российская литература традиционно привыкла к совершенно иному влиянию на общественное сознание. Я уверен: столбовая дорога отечественной словесности – это настоящий, продолжающий традиции «золотого века» реализм, а тот, кто хочет быть фигурно постриженным кустарником вдоль этой дороги, пусть будет...

– В том году в журнале «Смена» вышла ваша повесть «Демгородок», еще раз подтвердившая вашу репутацию «неудобного» писателя. Это последнее из написанного?

– Да, «Демгородок» – моя последняя вещь. Я начал ее вскоре после августа 91-го, увидела она свет в августовской книжке журнала «Смена» за 1993 год, накануне сентябрьских событий. Но это был сокращенный, журнальный вариант, а полностью она выйдет в однотомнике, который готовит издательство «Республика». Туда также войдут «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуманкова», рассказы, «Апофегмы» и некоторые мои статьи, такие как «От империи лжи – к республике вранья», «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», «Россия накануне патриотического бума» и другие.

«Демгородок», как я и ожидал, вызвал самые разные отклики. Рецензия в одной московской газете, например, называлась «Замок из дерьма», что очень показательно для уровня нынешней критики и ее словарного запаса. Но были и доброжелательные отзывы, например, в «Собеседнике», «Рабочей трибуне», «Веке». Это понятно. Ведь в повести описывается гипотетическая ситуация, когда в России к власти приходит адмирал Рык, который всех «врагоугодников» и «отчизнопродавцев» сажает в «Демгородок» – садово-огородное товарищество, для надежности окруженное колючей проволокой. Читатель среди «изолянтов» найдет немало знакомых лиц с нынешнего политического олимпа. В «Демгородке» они продолжают заниматься единственным, что умеют, – интригами. Но политическая сатира – лишь один и не главный слой повести, ибо это еще и детектив, и антиутопия, и история любви и, наконец, литературная пародия... На кого? Прочитав, вы сразу догадаетесь. Судя по почте журнала «Смена» – повесть понравилась, да я и сам уже слышал в метро придуманные мной словечки «господарищи», «демгородок». А что еще нужно писателю, чтобы почувствовать удовлетворение от своей работы? Не положительная же рецензия в «Литературной газете», которая после ухода А. Чаковского превратилась в свободную от писателей трибуну!

Сейчас я начал новую вещь – роман. Из авторского суеверия не буду рассказывать о нем подробно, ибо путь от замысла к книге часто оказывается не по силам писателю, особенно если ставишь перед собой серьезные задачи. Но в романе будут и политика, и любовь, и сатира, и мистика... Если, конечно, будет сам роман, хотя издательство «Ашетт» (Франция) уже купило у меня права на него. Оказывается, писательская чернильница еще чего-то стоит!

– Юрий Михайлович, от имени читателей «Подмосковья» хочется пожелать вам, чтобы и 1994 год, год вашего сорокалетия, и еще многие следующие были бы радостны и плодотворны для вас, а стало быть, и для нас.

– Спасибо! Доброе слово и литератору приятно...

*Беседу вела Надежда БАРХАТОВА
«Подмосковье», 15 января 1994 г.*

Никогда не разделял пафоса антиармейщины

За двадцать лет литературной деятельности из-под пера Юрия Полякова вышло немало заметных произведений. Таких, например, как повести «ЧП районного масштаба», «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуман-кова». В прошлом году в восьмой книжке журнала «Сме-на» напечатана еще одна традиционно неоднозначно воспринятая повесть – «Демгородок». И тем не менее разговор на творческом часе в редакции газеты «Красная звезда» Юрий Михайлович начал именно с воспоминаний о создании повести «Сто дней до приказа», ставшей своеобразной визитной карточкой его творчества.

– «Сто дней до приказа» до сих пор вызывает неоднозначное восприятие, хотя после этой повести через год-два вышли, может быть, более «разоблачительные» публикации об армии типа «Стройбата» Каледина. Но когда разворачивались события вокруг «Ста дней», при встречах с военно-служащими я ловил себя на мысли, что меня не поняли.

Да и, пожалуй, не могли понять, потому что все, что касалось армии, было запечатано, затабуировано, а любое высказывание о ней, более-менее не укладывающееся в идеологические каноны, вызывало чувство отторжения, а то и гонения.

– *Но ведь многие вас и поддержали, Юрий Михайлович!*

– Так сложилось, что именно повесть «Сто дней до приказа» стала своеобразным прорывом в литературе 80-х о современной армии, и в какой-то момент я почувствовал себя в центре внимания людей, смысл деятельности которых мне был непонятен. Мне постоянно звонили различные люди и спрашивали, не хотел бы я, к примеру, возглавить комитет по борьбе за профессиональную армию. Я отвечал, дескать, извините, как я могу это сделать с уровнем знаний рядового запаса? То, что я знал об армии, я написал в повести, и в мои планы не входило в дальнейшем заниматься армейской проблематикой. «Это не имеет значения, – отвечали мне на другом конце телефонного провода. – Нужно ваше имя, а мы будем бороться за профессиональную армию сами»...

Активно поступали предложения выступить на телевидении. А в ноябре 1991 года, после провала так называемого путча ГКЧП, мне даже предлагали возглавить «Красную звезду». Я от души посмеялся над этим, но лишний раз убедился, что в наших Вооруженных силах происходят какие-то запредельные процессы, если звонят с такими предложениями. И постепенно со стороны «этих» людей наступило охлаждение. А со своей стороны могу только сказать: несмотря на целую идеологическую кампанию, выстроенную во многом на основе моей повести, я целей и пафоса этой кампании никогда не разделял. Можно не любить недостатки и пороки армии, но не любить армию вообще нельзя: государства без армии на современном этапе истории нет и быть не может.

– *Повесть «Сто дней до приказа» вышла в печати в 1987 году и вызвала резко отрицательную оценку в ГлавПУРе. Однако одновременно с этой повестью вы написали другую книгу, которая также посвящена военной теме, – «Между двумя морями».*

– Об этой работе широкому кругу читателей известно в меньшей степени. Действительно, в то время я защитил диссертацию, а потом выпустил книгу о замечательном сибирском поэте-фронтовике Георгии Суворове, погибшем в 1944 году под Ленинградом. И выбор этой темы не случаен: как филолог я специалист именно по стилистике и жанровым особенностям поэзии периода Великой Отечественной войны. Ну а в том, что «Сто дней» и «Между двумя морями» писались одновременно, нет никакого парадокса и противоречия. В армии есть и романтика, и героика, и патриотизм, а есть и много нелепого, смешного. И то и другое может быть предметом

литературы. И если писатель в армии видит лишь только одну сторону – плохую или хорошую, это какой-то дефект социального зрения.

– Тем не менее «забойные» повести «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», бичующая комсомол, «Апофегей», прошедшийся по партии, – это одно. Но после знакомства с вашими последними выступлениями в печати у читателей сложилось мнение о некоторой трансформации ваших взглядов...

– Так получилось, что на передний план в моих книжках об армии, комсомоле, партии выходила разоблачительная сторона. Это было естественно: если вы помните, когда они писались, было время «срывания всех и всяческих масок». Винить в этом только экстремистски настроенных людей не стоит. Если бы не было многолетней идеологической политики, когда мы уходили от существующих проблем и вместо серьезного разговора рождали миф, не было бы и этого взрыва. Но что случилось, то случилось. Все это к тому, что некоторые мои читатели, кто знаком с моими последними статьями о патриотизме, государственности, высказывают мысль о переориентации моих взглядов. На самом деле никакой трансформации не произошло. Просто было другое время, когда общественный интерес был именно к разоблачительной стороне творчества писателя. Думаю, перечитав мои книги сегодня, многие убедятся в том, что стремление разоблачить в них – не главное. Разобраться в непростой судьбе поколения – другое дело.

– Да, но сегодня порой кажется, что с разоблачительством мы перестарались. В результате оказались размытыми нравственные ценности, народ дезориентирован, что, возможно, лишний раз отразилось на результатах декабрьских выборов.

– По прошествии времени я понимаю, что беда писателей, и моя в том числе, заключается в том, что мы, выросшие и воспитанные в жестком, но стабильном режиме, в государстве с моноидеологией, в государстве, где литература была под строгим государственным патронажем, воспринимали слова Тютчева «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» больше как красивую метафору. И только сейчас, когда государство дышит на ладан, когда от одного не вовремя и неумело сказанного слова может рухнуть целая конструкция государственности, пришло понимание, что это не красивая метафора, а один из принципов творчества. Нужно просчитывать реакцию на свое творчество. Впрочем, если только «просчитывать», мы снова вернемся к социалистическому реализму. Поэтому точнее говорить не о «просчитывании», а о нравственности таланта.

– Нет ли у вас желания описать нынешнее состояние российского общества?

– Частично я об этом написал в повести «Демгородок». Насколько мне известно, эта вещь вызвала большое неудовольствие в окружении наших крупных руководителей, а по поводу статьи «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!» руководству «Комсомольской правды» даже грозно звонили с самого что ни на есть верха...

Тут надо заметить вот что еще. Прежде уровень стабильности нашей жизни был таков, что повесть «Сто дней до приказа» «не опоздала» к читателю, хотя материал к ней был собран к середине 70-х годов, а увидела она свет в 1987 году. Сейчас же настолько все меняется, что, если я сяду за повесть, в которой захочу коснуться каких-то современных социальных проблем, я рискую оказаться в положении мальчика из «Ералаша», который выбежал на улицу с клюшкой, когда пора было играть в футбол. Поэтому публицистика сейчас предпочтительнее.

– Тем не менее писатели не балуют нас выступлениями в периодической печати. Что же случилось с нашим некогда мощным творческим союзом?

– Произошло то, что произошло. Литература оказалась брошенной на той всероссийской толкучке, которую пытаются именовать рынком. Тиражи журналов упали на несколько порядков, книги современных писателей не издаются, а прилавки заваливаются низкопробными западными текстами, от которых сами западники со стыдом отрешиваются. Уходит то, чем всегда мы гордились, – привычка к серьезному чтению. Как это отразится на духовно-

сти общества, можно только со страхом догадываться. Добавлю лишь, что в США издание серьезной художественной литературы спонсируется государством, созданы специальные программы.

А наш Союз писателей развалился на несколько частей, способных только лишь враждовать друг с другом. Писатели попросту лишились своего профсоюза, и это сейчас, когда так важна социальная защита! Одним словом, из 10 000 членов «застойного» СП продолжают активно работать, быть может, 500–600 человек, а публиковаться и того меньше... Из них многие принялись обслуживать новую власть так же старательно, как обслуживали в свое время КПСС. Другие же честно пытаются понять, что же случилось, и находятся, как правило, в оппозиции к существующему ныне курсу...

– А вы?

– Я уже неоднократно писал о том, что не приемлю необольшевистских методов реформирования страны. Другое дело, я не согласен с экстремистскими призывами и порывами, потому что тогда в конце концов одна часть страны превратится в Белый дом, а другая – в пушку... Выиграет от этого кто угодно, только не Россия.

Но, на мой взгляд, существуют некие исторические константы, которые вернут страну на тот путь, который ей предначертан в силу геополитического положения, исторического опыта, культуры, этносоциально-психологических особенностей. Не сомневаюсь и в восстановлении Союза. Другое дело, в какой форме, на каких условиях и под каким названием... Но для этого должны прийти новые политики. Нынешние – заложники собственных ошибок, чудовищность которых вызывает оторопь...

Впрочем, оппозиция к власти – удел любого честного писателя, журналиста. Ведь власть – это в любом случае насилие. Вопрос только в том, насколько это присущее любой власти насилие разумно употребляется и какие благие для общества цели преследует. Поэтому истинный художник – не подголосок, но нравственный арбитр властей предрекающих...

Беседу вел Сергей КНЯЗЬКОВ

«Красная звезда», 18 февраля 1994 г.

Ностальгия по разбитым очкам

Еще пять-семь лет назад сорокалетние литераторы назывались «молодыми». Спасибо, что не юными. Кто знает, может быть, прозаика Юрия Полякова ожидала бы такая же участь. Но случилась перестройка, он вынул из стола все, что «в стол» и писал. И к своему сорокалетию, которое Юрий Поляков отмечает сегодня, он имеет солидный творческий багаж: двухтомное собрание сочинений, большими тиражами выходили его «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей», «Демгородок»...

– *Связываете ли вы свой успех, пришедшую литературную известность с именем Горбачева и открытой им «новой эрой»?*

– Да, действительно, мои первые повести «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа», пролежав несколько лет в столе, появились благодаря наступлению гласности. Мы все тогда были счастливы, что можем напечатать свои «потаенные» вещи. Хотя, если быть совсем точным, «ЧП» было напечатано за несколько месяцев до прихода к власти Горбачева в результате многолетнего хождения рукописи по инстанциям. В конце концов победили те, кто считал, что по комсомолу нужно «вдарить». А вдарить-то было больше нечем, ибо никому в голову не приходило писать критически об аппарате – это была священная корова. Но в своей парадоксальности и слаженной несогласованности система наша напоминала кафкианский замок. Только этим объясняется появление повести еще во времена застоя. Одноименный фильм режиссера Сергея Снежкина – это уже другое, это комсомол глазами человека, не принимающего этой организации вообще. Я же пытался понять комсомол изнутри. История нас, как говорится, рассудила. Комсомола в конце концов не стало. Выиграла ли от этого молодежь, судите сами. Но я полагаю, что мощнейшими материальными и организационными возможностями комсомола можно было бы воспользоваться разумнее, отказавшись, конечно, от идеологического диктата. А к Горбачеву отношение у меня двойственное. Благие намерения в политике требуют железной воли, глубочайшего ума и необоримого упорства. Ни первого, ни второго, ни третьего у Горбачева, на мой взгляд, не оказалось. А неумелый реформатор гораздо опаснее для любой страны, чем самый замшелый консерватор.

– *Практически все ваши вещи написаны, так сказать, на злобу дня, ко времени, что дает вашим оппонентам обвинять вас в конъюнктурности. Вас это не задевает?*

– Отвечу так. Начинал я как поэт, но не только писал стихи, а занимался еще историей отечественной поэзии, в основном «стихотворцами обоймы военной», если пользоваться выражением Александра Межирова. Издал книгу «Между двумя морями» – о жизни и творчестве поэта-фронтовика Георгия Суворова. Надо сказать, что память о Великой Отечественной войне и опыт ее героики, полученный в наследство, был, пожалуй, одним из самых сильных душевных впечатлений нашего поколения, «не обожженного сороковыми». Так вот, это к вопросу о конъюнктуре, одновременно с книжкой о Суворове я писал свою повесть «Сто дней до приказа», вызвавшую, если помните, бурю негодования в руководстве нашей армии и увидевшую свет в журнале «Юность» только благодаря мужеству тогдашнего редактора Андрея Дементьева да еще некоему замешательству в ГлавПУРе в связи с приземлением Руста и неожиданными кадровыми перестановками в Министерстве обороны. Кстати, строевые офицеры с самого начала восприняли мою повесть с сочувствием, в отличие от политработников. На одном из литературных вечеров после выхода повести ко мне подошел довольно высокий военный чин и сказал, что не все Поляковы чернят армию, есть и другой писатель с такой же фамилией, который написал замечательную, очень нужную армии и делу патриотического

воспитания книжку о поэте-гвардейце Георгии Суворове. Когда я сообщил, что «Между двумя морями» написал я, у него отвисла челюсть.

А ведь и «Сто дней до приказа», и «Между двумя морями» я писал тогда, в начале 80-х, одинаково искренне и от души. Но тогда как конъюнктура воспринималась книга о погибшем поэте, сегодня конъюнктурой стала критика язв армейской жизни. А завтра все может снова перемениться. Общественное мнение играет писателем, но если писатель начинает играть общественным мнением, то превращается в конъюнктурщика. Я этим почти не занимался, а писал – за редким исключением – лишь о том, что меня действительно волнует.

– А что вас особенно волнует сегодня?

– О том, что реформы, проводимые за счет людей, их уровня жизни, ни к чему хорошему не приведут, я начал писать задолго до того, как это стало расхожим местом в наших СМИ. Недавно изумительный поэт, узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему другу и сказал, что у него просто нет денег на хлеб. Кто-то из перестроечных публицистов написал, что все созидательные победы эпохи сталинизма не стоят безвременной гибели Николая Вавилова. Так вот я продолжу эту мысль и скажу: все гайдаровские реформы не стоят сидящего без хлеба Анатолия Жигулина!

Я не буду давать оценок тем людям, которые завели страну в ее нынешний тупик, этим сегодня занимаются вчерашние певцы реформ. Обращу только внимание на бедственное положение нашей культуры, а ведь это всегда лакмусовая бумажка состояния общества. Если при социализме культура финансировалась по остаточному принципу, то сегодня она финансируется по ошметочному. Наше самое – после большевиков – интеллигентное руководство проявило совершенное равнодушие к судьбе отечественной культуры в трудную эпоху вметания страны железной метлой в рынок. Сказалось их марксистское по сути мировоззрение с теорией базиса и надстройки. Мол, сдвинем экономику, а культура сама собой подтянется. Не подтянется. А правительство, экономящее на культуре, рискует в конце концов оказаться во главе оравы дикарей, пусть даже обладающих компьютерной грамотностью.

Сегодня, когда прежде запретные плоды массовой культуры навалом лежат на прилавках, начинаешь понимать, каким эстетическим богатством мы обладали в минувшую эпоху, несмотря на суровый идеологический диктат и соцреалистический канон. Заметьте: в видеосалонах сегодня гораздо охотнее берут наши отечественные фильмы. Американизированное кино (я имею в виду не вершины, а так называемый средний уровень) – это какая-то бесконечная «баунти», которую можно разрезать в любом месте без всякого ущерба для художественности. А родной наш кинематограф тихо погибает. Деньги если и находятся, то только на «чернуху», которую так же легко «клепать», как и соцреалистические поделки...

Впрочем, не так все мрачно. Выходят такие ленты, как «Урга» и «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова. По моим наблюдениям, издательства, поняв, что эротикой и детективами рынок перенасыщен, снова обратились к отечественной классике и современной российской литературе. Те, кто ходит в театры, заметили, наверное, что залы снова полны или по крайней мере не пустуют. Широко обсуждалась многолюдная очередь на выставку Дали. Я недавно в Петербурге был на концерте замечательного дирижера Андрея Аниханова – слушатели стояли в проходах. Думаю, все это связано с тем, что первый шок от неумелых, бездарных реформ прошел, и люди начали возвращаться к привычному для них образу жизни. А наш традиционный образ жизни всегда включал в себя самое тесное общение с искусством. Остается надеяться, что власти предрежащие поймут наконец: искусство на самоокупаемости – это такой же нонсенс, как картошка на самоокучиваемости, и направят средства не на удовлетворение собственных неуклонно растущих запросов, а на развитие отечественной культуры. А пока остается надеяться только на меценатов. Но даже если все наши новые русские вдруг превратятся в новых Дягилевых, без государственной программы восстановления надломленной отечественной культуры ничего не получится. Даже в богатейшей Америке существует государственная

программа приобщения молодежи к серьезной литературе. А у нас мы пока видим совершенно обратный процесс.

Еще одна боль моего сердца – это журнальная литература, которая всегда была одной из особенностей российской культурной жизни. Что говорить, если из читательского поля зрения практически исчезла «Юность»!

– *Традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?*

– Пишу новую повесть. Как будет называться, пока не знаю. Это немного смешная, немного грустная, немного фантастичная, а в общем-то правдивая история из московской литературной жизни периода конца застоя – начала перестройки. Многие себя, возможно, узнают. Наверное, обидятся... Но пишу не для того, чтобы кого-нибудь обидеть, а потому, что испытываю ностальгию по тем временам, когда писательские очки, разбитые на вечере в ЦДЛ, становились политическим ЧП всесоюзного масштаба...

Беседу вела Е. ГРАНДОВА

Газета «Культура», 12 ноября 1994 г.

Интервью 1995-1997

Комедия масок в Кремле – трагедия России

– Мои нынешние взгляды сформировались в 1989–1990 годах. Я видел, что к власти приходят совсем не те люди, которых мы ожидали. Может быть, более образованные, но начисто лишённые того государственного подхода, который необходим в любой стране, а в России особенно. Более того, эти люди пришли в политику, чтобы улучшить не нашу с вами жизнь, а собственную. Эту программу они плодотворно воплощают по сей день – решили проблемы всех своих детей, внуков и, полагая, отдалённых потомков, создав колоссальные проблемы нам и нашим отдалённым потомкам. Убедившись в этом, я занял отчетливо оппозиционную платформу, на которой пребываю по сей день.

– *Это создало какие-то неудобства?*

– Поначалу да: из любимца либеральной прессы я не то чтобы превратился в нелюбимца, но холодное олимпийское равнодушие почувствовал. Но вот что любопытно. Эти издания в последнее время стали мною интересоваться. Я объясняю это так: настроения, которые пришли ко мне в конце 80-х, сейчас овладевают массами.

– *Вы примкнули к какому-либо оппозиционному лагерю?*

– Нет, не примкнул. Я считаю, что писательское дело – одинокое. Другое дело, что писателю нужна среда для проверки своих мыслей, настроений.

– *Слышала, вы состоите в Партии любителей пива.*

– Нет, я просто очень уважаю их «министра по делам молодежи» Владимира Преснякова-старшего. Я бы с удовольствием в эту партию вступил, но, к сожалению, склонен к полноте.

– *Над чем сейчас работаете?*

– Над романом «Козленок в молоке». Я много раз пытался его начать, и вот наконец дело пошло, так что надеюсь в ближайшее время его закончить. Тем более, что связан контрактом с французским издательством «Ашетт», а зарубежные издатели шутить не любят. Мой новый роман немножко юмористический, немножко мистический, немножко памфлетный и лирический. О нашем времени, начиная с перестройки. Все происходящее показано сквозь призму литературной жизни. Я описываю ее нравы, судьбу писателя в достаточно фарсовом ключе. Подозреваю, что после выхода романа поссорюсь со многими известными писателями.

– *А что принесло известность вам?*

– К началу перестройки у меня в столе были две вещи: «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа». «Сто дней...» написаны в 1980 году, «ЧП...» – в 1981-м. Горбачев пришел к власти в марте 1985-го, а «ЧП» вышло уже в январском номере «Юности» того же года. Помню «застойные» разговоры в ресторане ЦДЛ после очередной бутылки водки – о проклятых коммунаках, которые не дают сказать правду. Но когда с приходом перемен раздался клич: «Писатели, открывайте ящики письменных столов!», выяснилось, что ненапечатанного в них не так уж много. В сознании многих писателей жил некий генетический творческий испуг, и они не решались писать «непроходняк».

– *Судя по вашим произведениям тех лет, у вас генетического испуга не было. Не потому ли, что вы были еще очень молоды?*

– Конечно. Это во-первых. Во-вторых – удачная судьба. Я ведь вступил в Союз писателей в 1981-м и в течение многих лет был самым молодым его членом вместе с драматургом Сашей Ремезом. И нас усердно афишировали. К тому же я тогда активно и с большим удовольствием занимался общественной работой. Был секретарем комсомольской организации СП, членом

бюро райкома. А почему, собственно, и не заниматься этим с удовольствием? Комсомол тогда был единственной сферой, где молодой человек со склонностями к общественной деятельности мог реализоваться, не конфликтуя с режимом. В оппозиции к режиму я себя не чувствовал, но видел его слабые стороны. О них и писал. «Сто дней до приказа» мне предложили передать за границу, я отказался: считал, что это должны читать здесь. Забавно, что в высоких военных и прочих структурах мне говорили то же самое, но в форме предупреждения: «Смотри, это не должно уйти на Запад, это должны читать здесь». Длинные и путанные истории взаимоотношений с властью были тогда у всех писателей. Вызывают меня в ГлавПУР: «Неужели вы думаете, мы не знаем того, что вы описали в книге «Сто дней до приказа»? Вы это сделали талантливо, нам такие люди нужны, но мы вам можем про армию рассказать в десять раз больше. Просто сейчас не время об этом говорить, так что пусть эта вещь полежит, а вы напишете нам про армию что-нибудь хорошее. Мы вам премию дадим».

Повесть «ЧП районного масштаба» тоже ходила по «структурам», до Политбюро доходила... Секретари ЦК ВЛКСМ меня вызывали, снимали пиджаки, закуривали и тоже начинали рассказывать о своих проблемах, о которых я еще не знал, и говорили: «Все очень правильно ты описал, но слишком зло. Надо бы добрее». Я говорил: «Не могу добрее».

– *Сюжеты... Как они рождаются?*

– Сюжет «ЧП районного масштаба» мне подсказал нынешний главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев, который тогда был первым секретарем Краснопресненского райкома ВЛКСМ, а я – членом бюро. (Союз писателей находился в этом районе.) Я ему как-то раз говорю: «Хочу написать обо всем этом бардаке, которым стал комсомол. Может, знаешь случаи, когда кто-то бросал на стол комсомольский билет?» – «Да все это фигня, – отвечает Гусев. – Вот в Кунцевском районе вообще райком разгромили. Залезли и разгромили».

– *В вашей повести «Апофегей» симпатичный герой в определенных обстоятельствах становится подлецом. Значит ли это, что, на ваш взгляд, обстоятельства формируют нравственность?*

– И подлеца, и подвижника часто делают именно обстоятельства. Эта проблема всегда меня волновала. Наиболее выпукло она выражается во взаимоотношениях человека и власти.

Что произошло со многими нашими политическими деятелями, которых мы еще помним людьми с ясными глазами, с чистыми лицами? Конечно, в нынешних властных структурах много проходимцев, но ведь были же и такие, что пошли туда с высокими идеалами? Где они сегодня? Некоторые сознательно сошли с дистанции, поняв, что превращаются в монстров. К ним я отношусь с уважением. Но большинство, хлебнув колдовского напитка власти, творят все что угодно.

– *Но, насколько я заметила, откровенных негодяев в ваших книгах нет.*

– Я пытаюсь если и не простить несимпатичного героя, то понять и показать, как он стал таким. Мне вообще не нравится литература, которая тиражирует образ врага. Партократ – так палач, либерал – так агент МОССАДА... В жизни все и проще, и сложнее. Задача литературы – эту сложную простоту и простую сложность поймать. Меня порой обвиняют в конъюнктуре: мол, просчитываешь темы. Нет, я никогда не вычисляю тему, я чувствую: мне хочется написать именно об этом.

Так вышло с повестью «Демгородок». Я понял, что эти политики – прототипы моих персонажей – ничего, кроме несчастья, стране не принесут. И к тому моменту, когда это произошло со страной, когда она развалилась, во мне накопилась масса негативной энергии. Я от нее избавился – разрядился, написав «Демгородок». Но в процессе писания понял, что эти люди у кормила власти по-своему несчастные. И смешные. И убогие. Я писал правду – и получилась комедия масок. К сожалению, комедия масок, разворачивающаяся сейчас в Кремле, – трагедия для людей, живущих на огромных пространствах России.

*Беседу вела Елена БЕЛОСТОЦКАЯ
«Голос», № 14, 1995 г.*

В продаже меня нет. И жен я на переправе не менял

В заповедные времена всенародного почитания Литературы с ее «толстыми» журналами и эпатажными рефлексам самым популярным являлась, несомненно, «Юность». В 60-е годы факелоносцем отдела прозы журнала был Василий Аксенов. К началу 70-х «звездный билет» перехватил, пожалуй, Борис Васильев. В 80-е выпалил залпом нашумевших повестей Юрий Поляков: «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей»... Ну вы помните. Только что в журнале «Смена» начал печататься новый роман Ю. Полякова «Козленок в молоке» – о литературных нравах.

– Юра, тебя когда ни спросишь, как дела, ты всегда даже не «так себе», а «в полном порядке». Ты в самом деле в перманентном порядке или это такой американизированный прикладной оптимизм?

– На самом деле, конечно, не всегда в порядке. Много было жизненных поворотов, когда очень хотелось пожаловаться. Но, видимо, воспитанный с детства бойцовский кураж не позволял этого сделать. Я вырос в рабочей семье, в заводском общежитии, где не принято было ныть. Разве что когда, скажем, на восьмой день запоя человеком овладевала вселенская скорбь и он ходил по комнатам общаги поделиться наболевшим. Я быстро понял, что, плачась, ты напминаешь организм, ослабленный осенней слякотью, который каждый микроб норовит уесть. Так что, думаю, умение «держатъ лицо» вполне интернационально и вырабатывается необходимостью рассчитывать только на себя. Уже в достаточно зрелом возрасте после 91-го года я оказался в непростой ситуации как человек, откровенно оппозиционный режиму...

– ?! И режим заметил твою оппозицию? Честно говоря, заявление как-то не вяжется с образом писателя, для которого ирония – фирменное тавро.

– Предостерегать от хищнического варианта реформ я начал где-то году в 89-м. Между прочим, необолшевиками нынешнюю власть назвал именно я. Вспомни мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», из-за которой в октябре 93-го чуть не закрыли «Комсомолку».

– Улавливаю здесь подернутую плесенью народническую дребедень о писателе как трибуне, чья священная миссия – «предостерегать» и направлять на путь истинный. Или это издержки педагогического образования?

– Все эти разговоры об аполитичности писателя – бредни социальных импотентов: мол, меня не интересуют женщины, ну и что? Я так решил. Что в этом дурного?

– Ты не находишь, что «социальная проблематика» все же удел газеты, а не художественной прозы?

– В момент написания вещи социальный момент, естественно, доминирует. Можно назвать его конъюнктурным, как угодно. Я написал в 80-м году «Сто дней до приказа», в 87-м напечатал: меня обозвали конъюнктурщиком. Ничего себе конъюнктура – семь лет в столе пролежала!

– Все же, согласишься, социально ориентированные «тематические» вещи быстро старятся. Скажем, если бы те же «Сто дней» напечатать сегодня... Это тебя не смущает?

– А тебя не смущает социальный запал «Анны Карениной» или «Воскресения»?

– Если я и перечитаю сейчас «Анну Каренину», то не затем, чтобы посопереживать перипетиям Балканской войны.

– Бездарным может быть как злободневное произведение, так и глубоко асоциальное. Если работа талантлива, то, конечно, со временем «конъюнктурность» уходит на второй план:

становится микроретроспекцией, потом ретроспекцией. Если вещь серьезная, то просто меняются планы – книга живет.

– *По отношению к своей прозе ты бы взял на себя смелость судить, насколько она серьезна?*

– Поскольку критика обо мне доброго слова не говорила и не скажет, скажу о себе сам. Критика обожает писателей, чью необходимость читателям нужно долго объяснять. А когда автор сам доказывает свою нужность, то у критики возникает комплекс: а на хрена я тогда нужна?

– *В какой степени твои тиражи соотносятся с твоими пробивными способностями?*

– Издатели сами на меня выходят. И не ошибаются. Ты давно заходил в книжный магазин? Увидишь там при всем моем добром отношении к ним и Пьецуха, и Веллера, и Виктора Ерофеева. Меня в продаже нет, хотя книг за последний год у меня вышло больше, чем у них.

– *Что до апатии критики: может быть, здесь дело и в том, что ты как бы на отшибе магистральных литературных «направлений»?*

– Совершенно верно. С самого начала я принципиально был, что называется, одиноким волком.

– *А может, тебя просто не звали? Не было чувства отверженности?*

– Напротив, меня почему-то любили и левые, и правые. Но я уходил в сторону, потому что меня всегда корбила командная психология. Когда, скажем, говорят: «Пригов – крупный мыслитель и феноменальный поэт», и команда берет под козырек. А если я считаю, что Пригов – это Осип Брик нашего времени? То есть человек, не лишенный интеллектуального шарма, но беспомощный как художник.

– *Ладно Пригов. Но есть группы, которые тебе созвучны?*

– Есть писатели, которые мне симпатичны. Но не бригады. Может, потому, что я рано стал профессионалом: в двадцать пять лет – первая книжка, в двадцать шесть меня приняли в Союз писателей. Мне не нужно было пробиваться в стае.

– *Насколько я помню, ты был самым молодым членом СП в СССР.*

– Один из трех «самых».

– *...И будто бы попал в Союз писателей по разнарядке ЦК ВЛКСМ?*

– Легкое мифологическое передергивание. По «разнарядке» комсомола у меня вышла первая книжка стихов. Не только у меня, но и у других авторов, отмеченных на совещании молодых писателей. То, что комсомол помог мне издать первую книжку, это факт.

– *Помню мировоззренческий афоризм одного из знакомых комсомольцев: решает не система ценностей, а система отношений.*

– Ко мне относились хорошо. Я был секретарем комсомольской организации Союза писателей. Один из моих предшественников на этом посту, кстати, Евгений Евтушенко. Как видишь, преемственность у нас, секретарей, была здоровая.

– *Тебя эта комсомольская фигня действительно трогала или это чисто карьерные дела?*

– Я по натуре человек общественный. Был и остался. Это у нас семейное. Разумеется, мой общественный задор мог бы найти выход, к примеру, в диссидентстве. Но антигосударственность диссидентства, его подрывной характер под видом правдоискательства были мне чужды всегда. Когда мне активно предлагали напечатать за границей «Сто дней», я сказал: только здесь.

– *Из государственных соображений?*

– Не буду кривить душой, считал так: если существует определенный порядок вещей, если по законам государства, где я живу, этого делать нельзя, значит, нельзя.

– *В комсомоле надо было блефовать. Наивным тебя не назовешь. Значит, оставалось только врать сознательно?*

– Были определенные правила игры. Нельзя было подняться на собрании и сказать: Брежнев еле волочит ноги и т. д. Но, извини меня, если ты сегодня на собрании лояльных президенту сил скажешь сам понимаешь что, то вылетишь из этих структур с тем же треском. Ну, собирались на собрания, читали стихи, выпивали. Любили к нам захаживать ребята из горкома, из ЦК – расслабиться с богемой...

– *Напивались по ранжиру?*

– То есть?

– *Ну, секретари с секретарями, инструкторы с инструкторами?*

– А ты думаешь, сейчас помощник президента выпивает здесь у вас на Пушкинской в «Зеленом огоньке» с таксистами?

– *Ты, комсомольский секретарь, редактор газеты «Московский литератор», функциональное звено Системы, не боялся ненароком поколебать хрупкие иерархические конструкции? Скажем, вселить сомнения в вождя московских писателей Феликса Кузнецова. Не трепетало сердце оттого, что одно неточное движение, интонация, минутная потеря обоняния – и мановение державной десницы может сокрушить тебя, как букашку? Грубо говоря, лишить видов на будущее.*

– С Феликсом Кузнецовым у нас были весьма официальные, достаточно прохладные отношения. Квартиру мне он долго не давал... Нормальное отношение я зарабатывал нормальной работой.

– *Не ощущал ли некоей раздвоенности: художник-активист в одном лице?*

– Абсолютно нет. Ощущение «тайной свободы» было всегда. Когда пришло время, у меня оказались в столе книги. А не у тех, кто болтал о литературе до утра в цедэловских же буфетах.

– *Юра, не было желания «тайную свободу» перекалфицировать в явную? Ты притворялся несгибаемым или ломал себя? Помню, меня, одного из первых читателей рукописи тех же «Ста дней до приказа», куда как озадачила непосредственность, раскованность текста вроде бы застегнутого на все пуговицы функционера.*

– Свидетельство того, что свободу в себе я не только «носил», но и воплощал.

– *Тебя комсомол лелеял, а ты ему плюнул в морду. Имею в виду, конечно, повесть и фильм «ЧП районного масштаба». Прилично ли это?*

– Почему «плюнул»? Это были нормальные неглупые люди, которые прочитать о реальном комсомоле хотели не меньше, нежели беспартийные. Ведь читали же партийцы под одеялом «Архипелаг ГУЛАГ». Наша сегодняшняя драма не в том, что многие партократы стали демократами. А в том, что худшие партократы – демократы.

– *С появлением в «Юности» первых повестей ты стал популярен. Приятнее стало жить? Девушки больше любили?*

– Ощущения человека, проснувшегося знаменитым, конечно, имели место. Но я настолько оказался закручен в делах: пошли экранизации, инсценировки... времени было настолько в обрез, что, честно говоря, вкусить прелести существования молодого известного писателя особенно не успел. Потом, я рано женился, в двадцать лет, и к тому времени, как и по сей день, продолжал быть женатым. Не в пример другим «баловням судьбы» – жен на переправе не менял. Это тоже создавало определенные проблемы с полноценной дегустацией плодов известности.

– *Когда ты начинал, у тебя были литературные ориентиры?*

– Меня всегда грела лирико-ироническая проза – Булгаков, Ильф и Петров... Из гигантов – Гоголь.

– *Тогда такой вопрос: в твоих повестях много любви, о которой сказать, что тут доминирует лирика, было бы преувеличением. Скорее некий симбиоз Николая Островского и маркиза де Сада. Не компенсация ли это каких-то нереализованных амбиций в отношении нежного пола?*

– Думаю, тебя сбила с толку скандальная сцена «мордой в фарш» в фильме «ЧП районного масштаба». В книге этого нет, как и в сценарии, – импровизация режиссера... В повестях, видимо, была установка на возвращение здорового эротического начала в противовес ханжеским опусам. Мои персонажи, если помнишь, придумывают себе эротический лексикон, опираясь на советизмы. Тогда это было смешно.

– Ты считаешь, что про любовь нужно «смешно»? Скажи, что для тебя женщина? В идеале. (Затяжная безответная пауза. – В. Г.). Я тебя поставил в тупик?

– Я представил сужающиеся зрачки моей жены при чтении этого текста. Посему предпочитаю промолчать.

– Изменился статус литературы. Не смущает, что сейчас место ее в чаяниях народных где-то между камерной музыкой и разведением пчел?

– Если завтра литературу вообще вычеркнут из числа «обязательных предметов» и переведут на факультатив, я буду писать, как и писал. Я не из тех, кто забежал в литературу с холода, а когда потеплело – выскочил обратно.

– В отличие от многих, ты по-прежнему весь в литературе. Скажи, если бы ты оказался перед выбором: абсолютное удовлетворение материальных потребностей, но вне писательского занятия или – пиши, но в драных портках... Только честно.

– По советским меркам я был очень обеспеченным человеком. Тем не менее регулярно выдавал продукцию на-гора. Что до «портков», то, продолжая писать, я тебя уверяю, нашел бы возможность заработать и на фирменные джинсы.

– Ты не идеалист?

– Упаси боже.

Беседовал Виктор ГАЛАНТЕР

«Вечерний клуб», 19 декабря 1995 г.

Каждый должен пить свою «Амораловку»

Честно говоря, на обед к знаменитому писателю Юрию Полякову мы напросились с одной лишь целью: разузнать рецепт изобретенного им чудодейственного напитка со странным названием «Амораловка», который употребляют поляковские герои на страницах недавно вышедшего, но, видимо, по той самой причине уже порядком на шумевшего романа-эпиграммы «Козленок в молоке» (журнал «Смена», №№ 11, 12, 1995 г.).

«Настойка из маральных рогов – лучшее средство от рогов внутрисемейных... Даже самый плевый мужик, как выпьет, места себе не находит, пока кого-нибудь не прищемит... Ее поэтому «Амораловкой» и прозвали». Но не в том дело. Оказывается, на писателей, да и вообще людей интеллектуального ремесла, сей бальзам действует особо: помимо прочего, до невероятных высот поднимает творческую потенцию. Не случайно же сам Поляков за последние десять лет произвел на свет полтора десятка книг и прочно обосновался в среде читаемых запоем прозаиков. Наконец-то раскололся, что да как!

С изобретателем «Амораловки» я встретился в его родном творческом доме, что в поселке Перепискино (так в романе, а по жизни – Переделкино). Первое, на что обратил внимание, – батарея бутылок с разноцветными жидкостями, которые я тут же начал обследовать, ища заветную этикетку.

– Юрий, скажите, как это вас угораздило совместить в одном произведении два таких разных жанра – роман и путеводитель по питейным заведениям, почитаемым как писателями, так и читателями?

– Это вы насчет «Козленка в молоке»? Да, много там «ресторанно-гастрономических» штук. Но в «Смене» уместились далеко не все. Полностью роман выйдет в издательстве «Ковчег».

– Даже по пивным ларькам прошлись...

– Ну, может быть, не я сам, а мой герой.

– А вы-то как насчет этого?

– Войти в литературу, минуя портвейн, невозможно. Так что количество алкоголя, положенного в таких случаях, я употребил.

– Сколько же его нужно принять, чтобы допиться до маститости?

– О, это зависит от величины таланта. Чем больше талант – тем меньше приходится прикладываться к рюмке. Не считите за нескромность, но я вот уже несколько лет в рот спиртного не беру.

– Зато уж ваши герои! Что ни роман, что ни повесть...

– Поверьте, они в этом не виноваты. Сочиняя свои книги, я много размышляю: почему в России так пьют? Ведь, если разобраться, и то, с чем столкнулось сегодня наше общество, вряд ли придумано на трезвую голову. В «Козленке» я даю свою, может быть, несколько абсурдную версию начала перестройки: многие идеи, овладевшие в последние годы массами, родились в цедээловских ресторанах, в головах людей, далеких от реальной жизни, которые привели к власти себе подобных.

– Когда же ваши герои протрезвеют?

– Время трезвого осмысления случившегося – и в жизни, и в литературе – уже наступило. Пора проспать, встряхнуться... Ну, может быть, напоследок выпить пару баночек пива, дабы восстановиться, и – за серьезный анализ: что же произошло?

– Теперь давайте перейдем к закуске. Спасибо, конечно, за анчоусы, которыми вы в первой же главе нафаршировали маслинчики. Наверное, действительно вкусно, особенно под сто «Смирновской». А как все же насчет главного блюда – того, что вы вынесли в название своего эпиграммного романа?

– Извольте. Но учтите: его готовят только в ресторане «У застоя», что на Поварской, там еще лозунг «Коммунизм – это есть советская власть плюс...». Новые русские приходят сюда, платят бешеные деньги, чтобы официанты принесли им плохо нарезанную колбасу да еще обхамили. Так сказать, утоляют ностальгию по прошлому – поверьте, она и у богатеньких тоже есть. Там-то и подают фирменное блюдо «Козленок в молоке».

– Ну и как оно на вкус?

– В отличие от своих героев, сам не пробовал и вам не советую.

– Это почему же?

– У пророка Моисея есть такая заповедь: «Не вари козленка в молоке матери его». Думаю, в ней кроется глубокий, не до конца осознанный нами смысл. Если честно, я, особенно в последние годы, сам ощущаю себя козленком, сваренным в молоке собственной матери. А вы? Вот видите... А козлят все варят и варят. И едят, едят... Может, оттого и получается общенациональное несварение желудков?

– Что же делать? Как спасти козлят? Новых да и старых русских?

– А вот как раз для этого я и придумал свою «Амораловку».

– Ну так давайте же ее скорее ставить на поток!

– Э, нет... Вся закавыка в том, что каждый человек должен иметь свою собственную «Амораловку». Для одного это любимая женщина, для другого – честолубивая мечта, для третьего – иссушающая идея. И тот, кто для себя этот «напиток» изобрел, выиграл: в творчестве, да и вообще в жизни. Лично для меня «Амораловкой» является идефикс: выйти на такой литературный уровень, чтобы стать перечитываемым писателем.

– А как насчет рецептика-то? Может, поделитесь?

– Это исключено. Разве можно, к примеру, даже с ближним разделить любовь к женщине?

– И все же...

– Ну хорошо... «Амораловка», как это ни странно звучит, должна быть обязательно настояна на морали. Поддержать человека – в творчестве, в жизни – могут только воспитанные им же самим – в себе! – нравственные нормы: лгать – нехорошо, стрелять в собственный народ – нехорошо, обирать слабых, получать деньги из воздуха, ничего не отдавая взамен, – нехорошо. Только моральная «Амораловка» может стать долговременным эликсиром твоей жизни, той заветной бутылочкой, которая будет тебя греть и вдохновлять. Другого чудодейственного лекарства нет...

На прощание Поляков все же налил мне граммов тридцать своей «Амораловки». Да, в романе все правильно – по вкусу она действительно похожа на водку, куда уронили кусочек селедки, скорее всего иваси. Я выпил и, подобно поляковскому герою, несколько секунд сидел, прислушиваясь к тому, как напиток пускает в меня свои бесчисленные живые, горячие волнующие корни...

Александр ГАМОВ

«Комсомольская правда», 28 января 1996 г.

«Думать – мое ремесло»

С писателем Юрием Поляковым я знаком давно. Тогда он еще только становился писателем.

В 1973 году судьба привела нас в литературную студию, организованную для молодых литераторов отцовской заботой Московской писательской организации (которая поставляла для этой студии маститых писателей – руководителей творческих семинаров) и не менее братской заботой московского комсомола (который поставлял на это деньги). В моем блокноте того времени записано такое впечатление: «Юрий Поляков. 19 лет. Студент МОПИ. Стихи интересные. Есть образы странноватые, но смелые. Например, Останкинская башня сравнивается с «термометром, торчащим из горячей подмышки Москвы». Однако...» – далее следуют краткие, но строгие замечания по стихам.

Издав несколько книжек стихов, Ю. Поляков стал писать повести. В самом начале перестройки мы некоторое время работали вместе в редакции газеты московских писателей (кстати, именно в этот период московской литературной жизни происходит основное действие его нового сатирического романа «Козленок в молоке»). Но тогда молодой Поляков «пробивал» свою повесть «Сто дней до приказа». Несколько раз в неделю он, «корыстно» используя свое служебное положение, брал редакционный «Москвич» вместе с редакционным водителем и под видом редакционных дел мчался то к «отцам» комсомола, то в редакцию молодежного журнала (где печатались в основном старики), то на штурм партийных «вершин», то к высшим армейским политуправленцам. Маленький редакционный коллектив «Московского литератора» знал об этих тайных поездках, искренне ему сочувствовал и всякий раз дружно спрашивал: «Пробил?» Но силы, однако, были неравны.

И вот получилось очень странно: когда спустя несколько лет эта повесть все же вышла, она, кроме шума, произвела результат, который явно превзошел ожидания автора: он целился в «дедовщину», а попал – в армию. Началось прямое ее «избиение». И повесть «Сто дней до приказа» действительно послужила своеобразным сигналом для такого начала.

Поэтому я и спрашиваю теперь Юрия Михайловича с пристрастием:

– *Как ты относишься к этому сегодня? Не чувствуешь ли свою вину?*

– «Сто дней до приказа» были написаны в 80-м году, через три года после того, как я сам, отслужив срочную, вернулся из армии. Это была попытка сказать правду о том, что же на самом деле случается со вчерашним школьником или студентом, надевшим солдатскую шинель. Естественно, повесть печатать не разрешили. Но конфликт писателя с цензурой в ту пору был не так прост и однозначен, как ныне пытаются иногда представить. В ту пору проблемой «дедовщины» были уже озабочены многие, и я получил поддержку среди писательского, комсомольского, даже военного начальства, дело вроде шло к разрешению, но тут непреклонное «нет» сказал генерал Д. Волкогонов, тогда главный идеолог ГлавПУРа, а впоследствии крупный демократический мыслитель. И повесть вышла в журнале «Юность» лишь в 87-м благодаря усилиям тогдашнего главного редактора А. Дементьева. Я отлично сознаю, что моя повесть стала в известной мере тем камешком, который вызывает сход лавины. Именно такая лавина обрушилась на армию, лавина критики, незатейливо переходящей в клевету. Это была

критика на уничтожение. А я всегда был сторонником критики на улучшение, если так можно выразиться. Я наотрез отказался, когда мне предлагали издать «Сто дней» за границей. О пороках Отечества надо говорить в Отечестве! Увы, долгожданный разговор о проблемах армии повелся так, что проблем этих стало еще больше. К 91-му году офицеры старались не носить форму вне службы – на улице их запросто могли избить. «Закосить» от армии стало почетным, в газетах печатались памятки призывнику, идущему на медкомиссию. А сколько «чернухи» было сказано и написано об афганской войне! Но ведь кончилось-то все не оливковой ветвью в зубах улыбчивого Шапошникова, а танками, бьющими по Белому дому, и потом, как продолжение, – Чечней. Что же касается вины... Конечно, чувствую, но не по поводу «Ста дней»... Неизлечимое, иной раз безотчетное чувство вины – быть может, главный творческий стимул для русского писателя... Дело-то ведь не в моей повести, а в том, что партноменклатуре, задумавшей в середине 80-х мятеж против партмаксимума, не нужна была мощная и морально единая Советская армия. Впрочем, у меня складывается впечатление, что и демноменклатуре она не нужна...

– В свое время я один-единственный раз побывал в МГК ВЛКСМ, но до сих пор помню то гнетущее впечатление, которое у меня тогда осталось: ходят молодые чиниши, в упор никого не видят... Поэтому давай теперь поговорим о твоей повести «ЧП районного масштаба» и шире – о молодежи. Эта повесть и фильм, снятый по ней, сыграли не последнюю роль в драматической судьбе комсомола конца восьмидесятых.

– Если ты опять о вине, то я уже ответил. Но сегодня проблемы советского периода нашей истории мы иной раз пытаемся рассматривать сквозь призму нынешней национальной катастрофы. Конечно, когда сегодня утрачены огромные, исторически присущие нам территории, когда 25 миллионов людей, считающих себя русскими, оказались за границей, когда население стремительно уменьшается, а число нищих неуклонно увеличивается, когда сотни тысяч детей школьного возраста остаются неграмотными, то проблема «забюрокраченности» комсомола начала восьмидесятых может сегодня показаться нелепой: мол, с жиру бесились! Но ведь все гораздо сложнее. Если б нам все нравилось в тогдашнем социализме, Ельцин бы до сих пор работал в Госстрое или был бы уже на пенсии... Перефразируя известный афоризм, я бы сказал так: кто в те годы не критиковал социализм, у того не было совести, кто сегодня ругает социализм – у того нет чести... Я недавно встретил приятеля своей молодости, довольно крупного в прежние годы комсомольского функционера, резко критиковавшего меня за повесть на страницах «Московского комсомольца». Теперь он преуспевающий бизнесмен. И он сказал: «Знаешь, перечитал тут недавно твое «ЧП». Оказывается, там никакой «чернухи», наоборот... Вспомнил наш райком – даже слезы навернулись...» Это называется: слава богу, дошло! Понадобилось десять лет, чтобы стало ясно: заорганизованная и заидеологизированная молодежь – это плохо. Бесхозная и лишенная всякой созидательной идеи молодежь – это жутко! В свое время, будучи кандидатом в члены ЦК ВЛКСМ, я предлагал разделить комсомол на несколько конкурирующих между собой и сориентированных на разные группы молодежи организаций. Тогда меня подняли на смех... Кстати, давным-давно, на одном из бурных обсуждений «ЧП», меня спросили, что нужно комсомолу, чтобы вернуть утраченную социальную энергию. Я пошутил: «Оказаться в подполье...» Как в воду смотрел... Теперь меня, лауреата премии Ленинского комсомола, иногда приглашают на мероприятия возрожденного комсомола: искренности и напористости, конечно, больше, но организационная неразбериха все та же...

– Твой новый роман «Козленок в молоке», не успев выйти, наделал много шума. Из магазинов книга исчезла мгновенно. Новый роман, как и твоя предыдущая книга «Демгородок», – произведение сатирическое, даже, я бы сказал, ехидное. Да и замахнулся ты не на кого-нибудь, а на своих же собратьев по перу. Не боишься?

– Помнишь в фильме «Живые и мертвые» артиллеристы говорят: «А надоело бояться, товарищ комбриг!» Сатирическая литература – огромная сила, общество очень часто смотрит

на себя глазами писателя-сатирика. Киса Воробьянинов и монархист Хворобьев из дилогии Ильфа и Петрова – уморительно смешотворны. Но ведь эти два персонажа родом из социальных слоев, переживших жуткую драму, настоящую резню, они заслуживают сочувствия, а мы хохочем над ними и будем хохотать. Примерно то же самое, но с меньшим успехом происходит и ныне. Писатели-либералы пытаются сегодня посмеяться над «красно-коричневыми». Под этим собирательным именем подразумеваются все те, кто не вписался в новую жизнь, а таких, к слову, большинство. Но народ-то, очнувшись от шока, сочиняет анекдоты не о «коммуналяках», а о новых русских. Ты обратил внимание, что Задорнов, Коклюшкин, даже Жванецкий нынче с большим трудом вызывают у слушателей не то что смех – улыбку? Это потому, что смеются не над тем, что на самом деле смешно людям. А ведь наша постсоветская жизнь просто кишит уморительными персонажами. Взять того же правозащитника Ковалева – это же Паниковский чистой воды! Вообще, мы недооцениваем влияние искусства на людей. Например, ломают головы над феноменом Ельцина, как-то сразу запавшего в сердца россиянам в конце 80-х, и никто не замечает, что многое объясняется его удивительным внешним сходством с одним из героев фильма «Белое солнце пустыни» – честным таможенником Верещагиным, в исполнении блистательного Павла Луспекаева. Но между ними есть принципиальное внутреннее различие: тому было «за державу обидно», а этому? Мой роман – о литературном мире, о нравах, царящих в нем. Я хотел разобраться в очень тревожной тенденции: в искусстве все меньшую роль играют талант и собственно произведение, но все большую – пена, взбитая вокруг. С помощью дружественной критики и телевидения любого графомана можно объявить гением. Благодаря такой методике художественную элиту можно формировать не по принципу одаренности, а, скажем, по принципу политической или даже сексуальной ориентации! Роман, знаю, уже многих разозлил. Но мне не привыкать – если прототип сердится, значит, он виноват и сатира удалась...

– *Приближаются выборы. За кого будешь голосовать? Или это секрет?*

– Да уж какой там секрет... Как раз над этим сейчас и думаю. Думать – это, знаешь, вообще мое ремесло. Я рассуждаю так. Когда президент фактически превращается в бухгалтера, выплачивающего к выборам зарплату всей стране, это – край! Когда власть не может ни выиграть войну, ни заключить мир, это – край! Когда ежегодно население убывает на два миллиона душ – это край! Когда Российскому флоту не разрешают базироваться в городе славы русского оружия – Севастополе, это – край! «Зато товаров теперь через край!» – обычно возражают в таком случае. С этим трудно спорить, но полные прилавки радуют только людей с полными кошельками, а таких нынче немного. Никто не хочет назад, в социализм пустых прилавков, но все хотят в социализм гарантированного уровня жизни. Кстати, надо отдать должное нынешнему президенту, от природы обладающему удивительным чувством политического самосохранения, он это почувствовал и уже перехватил у оппозиции добрую половину лозунгов. Но лично я предпочитаю первоисточник, он всегда чище! И если народ на выборах отдаст предпочтение патриотическому блоку (в чем я не сомневаюсь) и если нынешнее руководство передаст в соответствии с Конституцией власть победителям (в чем я сомневаюсь), именно коммунисты, именно Г. Зюганов просто обязаны выполнить великий долг перед Россией и поставить наконец точку в длящейся уже восемь десятилетий гражданской войне. У «демократов» на это не хватило ни ума, ни отчизнолюбия... Они, подлинные наследники «бесов русской революции», так и не поняли, что в обществе не бывает лишних классов. Нынешний режим заставляет чувствовать себя лишними учителей и ученых, врачей и сталеваров, литераторов и военных... Но если, придя к власти, коммунисты заставят почувствовать себя лишними предпринимателей, это будет роковой ошибкой... Востребованный предпринимательский талант – непереносимое условие процветания страны. Как, впрочем, и востребованный талант учителя, рабочего, военного, художника... А у российского орла, как известно, две головы: одна смотрит в социализм, а другая – в рынок...

*Беседовал Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ
«Правда», 24–31 мая 1996 г.*

Другой Поляков

Писателя Юрия Полякова представлять не нужно. Его повести «Апофегей», «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками» известны самому широкому читателю.

«Козленок в молоке» – новый роман Юрия Полякова (и первый в его творческой биографии) рассказывает о литературных нравах, и не только о них. Этот роман заинтересует читателя мастерски закрученной, почти детективной интригой со множеством сюжетных поворотов, изощренностью мысли, изобретательностью и точностью в обрисовке характеров, яркостью и афористичностью языка. У «Козленка в молоке» есть все шансы для того, чтобы стать бестселлером.

– Юрий Михайлович, откуда у вашего романа такое необычное и труднообъяснимое название?

– Лет десять-двенадцать назад у меня возник замысел написать маленький рассказик о литературных нравах под названием «Мастер лирической концовки». Меня уже тогда поразило наблюдение: чтобы стать полноправным обитателем литературного мира, совсем необязательно иметь талант и даже какие-то сочинения, достаточно усвоить некоторые закономерности игры в искусство, элементарные, как правила дорожного движения. Так вот, в том рассказе парень, совершенно случайно забредший в Дом литераторов, повторяет в любой ситуации, но с различной интонацией одну-единственную случайно где-то слышанную фразу: «Не вари козленка в молоке матери его». Фраза понравилась ему своей странноватостью, и он даже не подозревал, что это заповедь Моисея, что написаны горы исследований, предлагающих различные толкования этого библейского табу. Вскоре парень благодаря этой фразе становится, не сочинив ни строчки, полноправным членом писательского коллектива. Впрочем, рассказ я тогда так и не написал, но сюжет засел где-то в извилинах памяти и зрел там, пока не дозрел до романа.

– Вы определяете жанр вашего произведения как роман-эпиграмму. Что вы имели в виду?

– Прежде всего я имел в виду эпиграмму как сатирический жанр. Бывают эпохи романтические, героические, даже мелодраматические. Мы живем в сатирическую эпоху. Писать о нашем времени с придыханием невозможно, только – с усмешкой. Но есть, конечно, в романе и мотив «надгробного мадригала». На наших глазах погибла целая эпоха, целая страна, целая система жизни. Я сам порой себя ощущаю козленком, сваренным заживо в молоке собственной матери. Наверное, поэтому в веселости моего романа, как уже успела отметить критика, есть сильный привкус горечи.

– «Козленок в молоке» – своего рода «литературный роман», где вы смело и вкусно описываете нравы литературной богемы. Вы не боитесь, что после выхода в свет книги у вас появятся враги, ведь под вымышленными фамилиями легко угадываются реальные прототипы?

– В повседневной жизни, честно говоря, я очень осторожный и неконфликтный человек. Когда я написал «ЧП районного масштаба» и рукопись попала на стол к большому комсомольскому начальнику, хорошо знавшему меня, он воскликнул: «Не может быть! Это какой-то другой Поляков!» Действительно, когда я пишу, я становлюсь «другим Поляковым», мне важно высказаться, и о последствиях я никогда не думаю. До сих пор многие военные не могут простить мне «Сто дней до приказа». Наиболее воинственные демократы до сих пор припоминают, как в повести «Апофегей» я под именем БМП вывел Б. Ельцина. А в октябре 1993-го из-за моей статьи «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!» чуть не закрыли «Комсомольскую правду». Поэтому чего-чего, а уж писательских обид я не боюсь. К тому же сраба-

тывает психологический механизм: все узнают других и никто не узнает собственную персону, или, точнее сказать, свой типаж. Наконец, справедливости ради, я и себя изобразил в романе без малейшего снисхождения.

– *Главный герой романа – весьма странный персонаж, у него даже нет имени. Он как бы является и участником всех событий, и сторонним наблюдателем. С чем связан такой мистический колорит?*

– Самая драматическая фигура окололитературной жизни – бесплодный талант. Эти люди знают, как делать искусство, но это знание почти никогда не становится самим искусством. Любопытно, что такие люди чаще всего оказываются закулисными вдохновителями и организаторами литературного процесса. Имена таких бесплодно талантливых людей не имеют никакого значения, ведь настоящая интрига всегда безымянна. Мой герой – гений литературной интриги, поэтому имя ему ни к чему. Но мне захотелось дать бесплодному таланту шанс, и я придумал «Амораловку», чудодейственный напиток, делающий даже бесплодного литератора плодовитым. Но судьбу не обманешь, в тот момент, когда кажется, что автор обрел свой роман, происходит обратное: роман теряет своего автора...

– *Поговорим еще о главном герое. Он бросает вызов судьбе, когда берется ради пари сделать из простого чальщика Витька мировую знаменитость. Это ему вполне удастся, хотя последствия у затеянной им авантюры – самые неожиданные. Ваш герой самоутверждается подобным образом или пытается доказать, что литература страдает от случайных людей, когда-то, кем-то и за что-то «раскрученных»?*

– В моем романе несколько смысловых пластов. Один из них – это спор с постмодернизмом, пытающимся в искусстве как бы вынести за скобки художественный дар, превратить, в частности, литературу в элитно-кастовый вид деятельности, самодостаточный и абсолютно не зависящий от читательской оценки. Принцип постмодернизма: «Хочешь быть писателем – будь им!» Принцип «традиционного» искусства: «Можешь быть писателем – стань им!» Сегодня в литературе торжество тех, кто хочет быть писателем, а не тех, кто может. Но это ненадолго и уже проходит, ибо, как говорит один из героев моего романа критик Любин-Любченко: «Каков текст – таков контекст!»

– *Юрий Михайлович, в вашем романе много курьезных ситуаций, в которые попадают персонажи, обнаруживая при этом свою карикатурность, но в целом картина складывается неутешительная. Единственный порядочный и талантливый писатель покончил с собой, новоиспеченная знаменитость Витек становится новым русским с нещерным интеллектом, который не повысился от поездок за границу. Хочется надеяться, что главный герой обрел наконец покой и любимую женщину. Ваш оптимизм лишь в этом?*

– Да, мой оптимизм в этом: со вкусом, талантливо выстроить свою жизнь, найти Богом тебе предназначенную женщину, принести хоть какую-то пользу своему Отечеству – это уже не мало.

– *Вас выдвинули на престижную Букеровскую премию. Как вы оцениваете ваши шансы?*

– Шансов нет. Писатель, высмеявший в своем романе Бейкеровскую премию, вряд ли станет обладателем Букеровской премии. Моя главная премия заключается в том, что даже при нынешнем книжном изобилии – мои книги на прилавках не залеживаются...

Беседовала Екатерина АМИРХАНОВА

«Вечерняя Москва», 26 июня 1996 г.

«Литература мне не интересна, если героев я не воспринимаю как живых людей»

Корреспондент «Витрины» встретился с писателем Юрием Поляковым и попросил рассказать его о творчестве, житейских заботах, а также оценить современную издательскую ситуацию.

– Юрий, странное дело: читаешь ваши произведения критической направленности, а в душе остается ощущение чего-то доброго...

– В этом-то и отличие, например, «Ста дней» от «Стройбата» Сергея Каледина. У меня идея не доминирует над образом. В «Ста днях» отразился опыт службы в Германии в 1976–1977 годах. Но Германию в повести мне изобразить не дали. Поэтому получилось, что служат герои вроде бы в России, но в увольнения почему-то не ходят. Сейчас армия стала хуже, чем тогда. Сказалась многолетняя антиармейская кампания, ряды Вооруженных сил вынуждены были покинуть наиболее опытные офицеры. И в обществе отношение к армии изменилось. Сейчас уклоняется от призыва 20–30 процентов призывников. В советское время такое даже представить было невозможно.

– А как вы расцениваете современную ситуацию в стране?

– В годы перестройки били по всему советскому – культуре, патриотизму, армии, не замечая, что за десятилетия после 1917 года все это уже прикипело к русскому, неразрывно соединилось с ним. В результате сейчас в обществе нет никакой идеологии. В 80-е годы был произведен демонтаж прежних ценностей, и в результате мы получили, по сути, то же общество, что при социализме, но без каких-либо социальных гарантий для человека. Основная масса населения, как и раньше, живет как бы в социалистическом обществе, но без прежних гарантированных государством благ. Верхние же несколько процентов живут как при капитализме, но без накладываемых на Западе юридических и налоговых ограничений на богатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.